

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)**

На правах рукописи

Оксамитная Дарья Александровна

Императорский двор Екатерины II как властный институт

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук, доцент
Курукин И.В.

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР КАК ИНСТИТУТ ВЛАСТИ В XVIII ВЕКЕ	43
1.1. Государственная элита Российской империи в XVIII веке	43
1.1.1.Формирование государственной элиты Российской империи и её ключевые характеристики.....	43
1.1.2. Роль императорского двора во взаимоотношениях элиты с монархом	53
1.2. Императорский двор. Формальная структура, политическое и культурное значение	64
1.2.1. Определение	64
1.2.2. Принципы организации и функционирования.....	66
1.2.3.Штатный состав императорского двора Екатерины II	70
1.2.4. Политическое и культурное значение императорского двора во второй половине XVIII века	74
ГЛАВА 2. КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ПРИДВОРНЫХ КАВАЛЕРОВ ЕКАТЕРИНЫ II И ФАКТОРЫ КАРЬЕРНОГО УСПЕХА	86
2.1. Создание просопографической базы данных	86
2.2. Коллективный портрет придворного периода правления Екатерины II	90
2.2.1. Результаты анализа по усредненным показателям	90
2.2.2. Когортное исследование	108
2.3. Карьерный путь. Методика определения успешных карьер	120
ГЛАВА 3. ВЫЯВЛЕНИЕ И АНАЛИЗ НЕФОРМАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ КАРЬЕРНОГО РОСТА, В ТОМ ЧИСЛЕ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРА ПАТРОН-КЛИЕНТСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II ...	139
3.1. Интегрированность неформальных отношений в механизмы осуществления власти....	139
3.1.1. Роль неформальных отношений в системах власти государств Нового времени, российская специфика	139
3.1.2. Роль неформальных отношений в институтах власти	143
3.2. Неформальные отношения как фактор карьерного роста	151
3.2.1. Влияние родственных связей	151

3.2.2. Брачные стратегии как фактор карьерной динамики	160
3.2.3. Протекция внутри придворных партий	163
3.3. Придворное поведение: практики, влияние на карьерный успех	182
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	199
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	208

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Последние десятилетия, минувшие после распада СССР и снятия с научной работы идеологических рамок, характеризуются ростом числа исследований, посвященных деятельности и личности Екатерины II, ее окружению, внутренней и внешней политике. Многие аспекты царствования получают новое освещение, пересматриваются устоявшиеся в советское время интерпретации. Кроме того, разрабатываются темы в ключе относительно новых для отечественной науки модернистской и постмодернистской концепций историописания, широко используются междисциплинарные методы.

Предметное изучение императорского двора Екатерины II с точки зрения культурных механизмов и неформальных институтов осуществления власти, а также исследование биографических и иных факторов, оказывавших влияние на успешное развитие карьер придворных кавалеров, расширит существующие научные знания об эпохе и о роли государственной элиты в жизни монархии этого периода. Выбранная тема исследования представляет академический интерес в рамках «политической антропологии», ставящей акценты при рассмотрении политической истории на изучении символического аспекта осуществления власти, повседневности управления и распределения власти на различных уровнях общества, а также учитывающей вопрос роли патроната и клиентелы, неформальных отношений во властных механизмах. Исследование императорского двора в качестве института власти впервые проведено с учетом теоретических положений получившего распространение в историографии

последних десятилетий подхода¹, подвергающего ревизии классическую концепцию становления абсолютных монархий и предполагающего более многомерную картину осуществления государственной власти в европейских государствах раннего Нового времени, в том числе пересматривается и роль монаршего двора в системе власти. Изменение исторических трактовок понятия «абсолютизм» и пересмотр процессов осуществления власти в монархиях «старого режима», согласуются с получившимися распространением в других социальных науках взглядах на феномен власти, учитывающих её коммуникативную составляющую и «диффузный» характер². Данные теоретические основания позволяют рассматривать в качестве института власти не только непосредственно наделенные соответствующими полномочиями органы государственной власти, но и более широкий круг институций, представлявших близкие к центру принятия решений элитные круги.

Настоящее исследование позволяет оценить кадровую политику Екатерины II: принципы и основания формирования кадрового резерва, в том числе возможную значимую роль пожалования придворным званием для попадания в таковой; особенности располагаемого человеческого капитала с точки зрения ключевых биографических и социальных характеристик. Анализируемые в работе принципы и тенденции пополнения элиты времени правления Екатерины II дают

¹ См.: Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. 271 с.; Starkey D. The English Court from the Wars of the Roses to the English Civil War. London: Longman & Co., 1987. 272 p.; Duindam J. F. J. Royal courts in dynastic states and empires: A global perspective/ Eds. Jeroen Duindam, Tülay Artan, Metin Kunt. Leiden-Boston: Brill, 2011, 460 p.; Duindam J. F. J. Vienna and Versailles: The courts of Europe's dynastic rivals, 1550-1780. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 349 p.; The princely courts of Europe: Ritual, politics and culture under the Ancien Regime, 1500-1750 // Ed. by Adamson John/ London: Seven dials, 2000. 352 p.

² См.: Бурдые П. Социология социального Пространства. Санкт-Петербург: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 2005. 288 с.; Арндт Х. О насилии/ Х. Арндт. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.; Дойч К. О политической теории и политическом действии // Политическая теория в XX веке: сборник статей. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 156—192; Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Политология: хрестоматия. М.: Гардарики, 2000. С. 239-247; Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности: [Сборник]. М.: Магистериум-Касталь, 1996. 446 с.

представление об отечественном историческом опыте в целом и о специфике осуществления государственной власти, комплектования состава высших государственных должностей и чинов во второй половине XVIII века, в частности. Кроме того, подробное изучение коллективного портрета придворного в динамике на протяжении царствования императрицы позволяет проследить изменения в принципах рекрутирования элиты после петровских реформ начала XVIII века, в частности проанализировать, насколько система сохраняла черты патримониальной бюрократической модели и в какой мере могли проявляться черты рационального бюрократического процесса.

Несмотря на более чем двести лет, прошедших со времени правления Екатерины II, некоторые формы социального взаимодействия в высших властных кругах могут действовать и в настоящих условиях. К примеру, роли патрон-клиентских отношений в системе управления нашим государством в разные исторические периоды его существования также посвящен ряд работ отечественных и зарубежных исследователей³.

Кроме того, научная актуальность обусловлена также и тем, что в исследовании впервые применяются просопографические методы исторического исследования, позволяющие создавать и анализировать коллективные биографии групп людей, объединенных на основании общего признака, в сочетании с количественными и статистическими методами (метод группировки, метод анализа средних, метод анализа взаимосвязей) исторического исследования при изучении института императорского двора второй половины XVIII века, что дало возможность рассмотреть более подробно ранее предметно не исследованные аспекты данной темы. Важность просопографии для анализа истории институтов

³ См.: Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 317 с.; Истер Дж. М. Советское государственное строительство: система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд "Президентский центр Б. Н. Ельцина", 2010. 254 с.

отмечал К. Вернер, указывая, что метод «позволяет объединить политическую историю людей и «событий» со скрытой социальной историей долгосрочных эволюционных процессов»⁴. Иными словами, «деятельность политических институтов можно изучать посредством анализа общественной и профессиональной деятельности их сотрудников»⁵. Формальные и неформальные нормы и правила, составляющие институт, сопутствующие модели поведения и социальные практики можно охарактеризовать, используя терминологию П. Бурдьё, и как габитус, который определяет действия индивидуумов, но и подвергается изменениям в процессе их деятельности. А, следовательно, немаловажным представляется изучение биографических и социальных характеристик представителей исследуемого института, влияющих на их поведение и принятие решений. Данное положение значимо и при изучении политической элиты как таковой, поскольку «характеристики политической элиты определяются как институциональными возможностями и ограничениями, обуславливающими набор стимулов и возможностей для элиты в определённой ситуации, так и кругом лиц, входящих в нее»⁶.

На практике под термином (просопография) понимается создание коллективных динамических биографий различных социальных групп на основе статистических данных, агрегируемых из различных источников, чаще всего массовых. Таким образом создается некоторое пространство, в котором действуют изучаемые персоналии. Через постановку однотипных вопросов к биографиям определенной общности исследователь получает различные типы информации, затем анализируемые на предмет наличия «значимых переменных, которые проверяются как на внутренние корреляции, так и на корреляции с другими

⁴ Цит. по: Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. №1. С. 5.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Меркулов А. В. Политическая элита в системе властных отношений: теоретический подход // Вестник ПАГС. 2017. №6. С. 123.

формами поведения или действия»⁷. В настоящей работе такой общностью стала часть элиты Российской империи, представленная кавалерами, пожалованными придворными чинами от камер-юнкера и выше.

Степень разработанности темы исследования. Время правления Екатерины II довольно полно освещено в работах историков. Оценки как всей эпохи царствования, так и личности императрицы эволюционировали по мере развития отечественной историографической традиции, претерпевая радикальные изменения вместе с изменением вектора внутренней политики государства. Несмотря на наличие достаточного количества работ, посвященных либо царствованию и биографии Екатерины II, либо другим вопросам общего плана относительно истории XVIII века, исследований, объектом которых стал непосредственно императорский двор, проведено немного. Тем не менее, такие аспекты темы, как организационная структура двора, функционирование придворных служб, значение придворных чинов, церемониал, неформальные взаимоотношения внутри двора и с монархом, а также влияние вельмож в обществе и на государственные дела получали освещение в работах историков по отдельности.

Основные области исследований по екатерининской эпохе, возникшие еще в дореволюционной историографии, затем унаследованные советской и в большей степени постсоветской историографией - «Наказ», Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г., областная реформа 1775 г., состояние экономики и государственных финансов. Тема императорского двора упоминалась либо в работах, посвящённых дворянству как сословию (в том числе принятию Манифеста о вольности дворянства и Жалованной грамоты, а также роли дворянской элиты в политической системе второй половины XVIII века), либо в литературе, посвященной фаворитизму и придворным интригам, не отличающейся высоким научным значением.

⁷ Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. №1. С. 4.

О эпохе Екатерины II писали в первой половине девятнадцатого столетия в основном публицисты, поэты и писатели различных политических взглядов (П. Я. Чаадаев, А. С. Пушкин, А. С. Хомяков, Н. М. Карамзин)⁸, во многом предопределявших их оценки. Кроме того, все труды этого периода основывались на еще свежих воспоминаниях аристократии, что отражалось на объективности выводов. Тем не менее, уже в это время накапливался материал для более серьезного последующего изучения. Для настоящего исследования относительно первой половины XIX века следует упомянуть труды П. Ф. Карабанова, собравшего обширный просопографический материал, опубликованный впоследствии историками П. В. Долгоруковым и А. Б. Лобановым-Ростовским, в частности, составившего список придворных дам XVIII- XIX веков⁹.

Во второй половине столетия возрастает количество научных публикаций, особенно много трудов¹⁰ появляется в последнюю четверть века, что обусловлено приходившимися на это время столетними юбилеями реформ и памятных дат царствования, среди которых для настоящего исследования особо отметим вышедшее к юбилею создания военного министерства многотомное издание «Столетие военного министерства. 1802-1902»¹¹, где приведены сведения о

⁸ См.: Чаадаев П. Я. Философические письма // Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: «Наука», 1991. 768 с.; Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII в. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. [Электронный ресурс] Л., 1977. URL: <https://pushkin-lit.ru/pushkin/text/zametki/po-russkoj-istorii-xviii.htm#all> (дата обращения: 10.10.2025); Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине второй. М., 1802; Хомяков А. С. О старом и новом: статьи и очерки. М.: Современник, 1988. С. 313.

⁹ Лобанов-Ростовский А. Б. Исторические рассказы и анекдоты; Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв.: списки. М.: Изд-во Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ), 2012. 253 с.; Карабанов П. Ф. Списки замечательных лиц русских, составленные П. Ф. Карабановым и дополненные князем П. В. Долгоруковым. М., 2000. 157 с.

¹⁰ См.: Брикнер А. Г. История Екатерины Второй: в 3 томах. Санкт-Петербург: А. С. Суворин, 1885; Дитятин И. И. Устройство и управление городов России: Т. 1-2. Санкт-Петербург: типография П. П. Меркулева, 1875-1877; Иконников В. С. Время Екатерины второй: специальный курс, составленный по лекциям В. С. Иконникова, ординарного профессора Университета св. Владимира. Киев: Лит. Г. Розенталя, 1881-1882; Лаппо-Данилевский А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины Второй. Санкт -Петербург: типография. М. М. Стасюлевича, 1898. 62 с. и др.

¹¹ Столетие Военного министерства, 1802-1902. [Т. 2]. Императорская главная квартира. История государевой свиты. [Кн. 1] Восемнадцатый век. СПб: Типография Н.П. Собко, 1902. 608 с.

пожалованных свитскими званиями, их биографиях, а также выписки из документов по данной теме, хранящихся в архивах. Чины свиты не входили официально в иерархию Табели о рангах, но имели важное символическое значение, во многих случаях совпадали с пожалованиями придворными чинами и находились в ближайшем окружении императрицы.

В конце XIX века появляется первая работа по истории непосредственно императорского двора: исследование Н. Е. Волкова 1900 г. «Двор русских императоров в его прошлом и настоящем»¹². Небольшая по объему публикация скорее только намечает полноценное изучение темы, представляя по выражению автора «лишь свод в одно целое материала, разбросанного по разнообразным сочинениям и находящимся в архивах»¹³. Опубликованный список придворных служителей, несмотря на содержащиеся в нем небольшие неточности, на данный момент является наиболее полным из изданных. Интересно и то, как автор обосновывает актуальность своего исследования. Николай Егорович Волков полагает, что определенное придворное устройство проистекает из всей «исторической жизни народа»¹⁴, а изучение императорского двора необходимо для осмысления всей истории XVIII века, понимания влияния на ход исторических событий временщиков и собственно придворной жизни, «имевшей необыкновенную роль во всех этих переменах, касающейся особ, занимавших российский престол»¹⁵. Приведенные утверждения могли бы служить основанием для актуализации и настоящей работы.

Возможно, попытки провести комплексное исследование темы придворной жизни в историческом развитии от приказной системы до Министерства императорского двора предпринимались и ранее. Сделать такое предположение позволяет изданный в недавнем времени «Сборник материалов по истории учреждений придворного управления России IX–XIX вв.», содержащий сведения,

¹² Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М.: Кучково поле, 2013.

¹³ Там же. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 13.

собранные неизвестным автором (либо авторами) предположительно в преддверии памятной даты создания Министерства¹⁶. Опубликованные документы выглядят скорее как части одной более обширной работы, по крайней мере так предполагают составители данного сборника. Но полное исследование либо еще не обнаружено, либо так и осталось незавершенным.

С точки зрения изучения биографий придворных, интересны материалы, публиковавшиеся на рубеже XIX-XX вв. в издании «Русские портреты XVIII-XIX столетий»¹⁷ великого князя Николая Михайловича, в энциклопедиях рубежа XIX-XX вв. издательской фирмы «Брокгауз и Эфрон»¹⁸ и «Русском биографическом словаре»¹⁹, изданном под наблюдением А. А. Половцева.

В советское время среди актуальных к изучению тем были становление абсолютизма, классовые и экономические вопросы²⁰. Следует отметить, что наиболее объективная и полная работа этого времени – вышедший за рубежом фундаментальный труд Исабель де Мадариаги «Россия в эпоху Екатерины Великой»²¹, в котором имеется раздел, посвященный «придворной политике», затрагивающий такие темы как: влияние императорского двора на развитие культурной жизни империи, значение фаворитизма в управлении страной, где

¹⁶ Приходько М. А. Сборник материалов по истории учреждений придворного управления России IX-XIX вв. М.: Спутник+, 2017. 191 с.

¹⁷ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Издание Великого князя Николая Михайловича: в 5 т. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1905-1909.

URL:

https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003526096/?ysclid=m6zdmsthv7188092074&volumes=page-1 (дата обращения: 18.11.2025).

¹⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 томах (82 основных и 4 дополнительных). Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1890-1907.

¹⁹ Русский биографический словарь: в 25 т./ изданный под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. Санкт-Петербург: Императорское Русское историческое общество, 1896-1913.

²⁰ См.: Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Мысль, 1967; Павлова-Сильванская М. П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России. М., 1964; Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 263-265; Омельченко О. А. Становление абсолютной монархии в России. М., 1986 и др.

²¹ Мадариага Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой: [Пер. с англ.]. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 973 с.

главным образом анализируется роль Григория Потемкина, а также приводится описание политической жизни при дворе, выразившейся в противоборстве придворных партий. Особенности кадровой политики, социальные характеристики кавалеров как общности и роль двора как властного института в данной работе подробно не исследуются, упоминаются лишь самые известные пожалованные придворными чинами вельможи.

Сюжеты придворной жизни стали лишь эпизодами в работах советских историков, и не могли не получать негативный оттенок при освещении. Комплексное и всестороннее исследование императорского двора исключалось как неактуальное для выявления закономерностей развития государства. Тем не менее, в некоторых трудах все же содержатся важные для настоящей работы материалы. Тема придворной жизни затрагивалась в публикациях, посвященных Табели о рангах и чиновному производству. В работе «Придворные чины и звания в дореволюционной России в связи с их значением для исторического наследия» Л. Е. Шепелев касается вопросов придворной иерархии чинов и ее значения для жизни и карьеры знатного дворянства, рассматривает эволюцию численности высших придворных званий, а также значение двора как такового в рамках концепции становления абсолютной монархии. Историк делает вполне характерный для советской исторической науки вывод, что «система придворной иерархии оказывала разлагающее влияние на русское общество, что сознавалось многими современниками»²², почему была упразднена уже Февральской революцией. С. М. Троицкий в своих исследованиях о бюрократии касался и темы фактического влияния придворных на государственные дела²³. Специальных исследований по императорскому двору как институту власти в советский период проведено не было.

²² Шепелев Л. Е. Придворные чины и звания в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований / Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. 8. Л., 1976. С. 163.

²³ Троицкий С. М. Социальный состав и численность бюрократии России в середине XVIII в. // Исторические записки. М., 1972. Т. 89. С. 295-296.

Постсоветские годы характеризуются возродившимся интересом к времени правления Екатерины II. Рост научных публикаций, как по всему царствованию императрицы, так и по отдельным сторонам жизни страны во второй половине XVIII века отчасти обусловлен двухсотлетним юбилеем со дня окончания царствования. Снятие идеологических рамок и последовавший пересмотр взглядов советской школы историографии дали толчок новым исследованиям в этой области в том числе с привлечением новых методик, подходов, с иной постановкой проблем. Исследуется как все правление императрицы, так и отдельные аспекты жизни страны, в частности, особый акцент сделан на социальной истории. Изменились по сравнению с советским периодом и оценки историков на более комплементарные по отношению к императрице, её внутренней политике.

Царствованию Екатерины II в постсоветский период посвящены работы А. Б. Каменского «Под сенью Екатерины...» и «Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой», О. Г. Чайковской «Императрица. Царствование в Екатерины II», Н. И. Павленко «Екатерина Великая», О. А. Омельченко «Законная монархия Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России», О. И. Елисеевой «Екатерина Великая» и «Екатерина Великая: тайная жизнь императрицы», монографические работы Е. В. Анисимова о дамах на российском престоле²⁴. Перечисленные исследования представляют довольно полный и всесторонний анализ личности и деятельности императрицы, что позволяет выявить и предпочтения в выборе окружения, кандидатов для замещения должностей. Авторы главным образом исследуют взаимоотношения Екатерины с наиболее яркими сановниками эпохи, как близкими ей по духу и целям, так и находящимися в условной оппозиции, а

²⁴ См.: Каменский А. Б. "Под сенью Екатерины...": вторая половина XVIII в. Ленинград: Лениздат, 1992. 447 с.; Каменский А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М.: Знание, 1997. 287 с.; Чайковская О. Г. Императрица: Царствование Екатерины II. Москва, Смоленск: Олимп, Русич, 1998. 508 с.; Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. 495 с.; Омельченко О. А. "Законная монархия" Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.; Елисеева О. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2010. 633 с.; Елисеева О. И. Екатерина Великая: тайная жизнь императрицы. М.: Вече, 2014. 222 с.; Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2002. 425 с.; Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле М.: [и др.]: Питер, 2008. 458 с.

также её стиль и методы управления, характеризующиеся действием «мягкой силы». Среди выбранных императрицей методов ненасильственного управления большинство перечисленных авторов отмечает стремление и способность находить общий язык с самыми разными людьми, воздействие на подчиненных с помощью материальных и символических поощрений, выстраивание желаемого образа и репутации как внутри страны, так и за её пределами, а также искусную кадровую политику, сочетающую политический расчет и соображения наибольшей эффективности работы. Однако, императорский двор как особый институт, его состав с точки зрения социальных характеристик кавалеров, особенности построения карьеры вельможами комплексно в перечисленных трудах не исследуются.

На рубеже веков вновь стал популярным жанр биографий русских аристократов, а также сборников биографий²⁵. Монографии об отдельных вельможах²⁶ Екатерины Великой в том числе дают информацию о характере межличностных отношений при дворе, механизмах взаимодействия, причинах карьерного роста или же опалы²⁷. Кроме того, в историографии последнего времени прослеживается тенденция к объяснению расцвета в XVIII в. фаворитизма в России с точки зрения его функций²⁸. В работах отечественного историка И. В. Курукина, посвященных фаворитам царствующих дам И. В. Бирону и П. А.

²⁵ Федорченко В. И. Двор российских императоров: Энциклопедия биографий. М.: Минувшее, 2004. 839 с.

²⁶ См.: Елисеева О. И. Григорий Потемкин. М.: Молодая гвардия, 2016. 662 с.; Кабанов В. В. Орловы: историческая хроника. М.: Плюс, 1997. 128 с.; Полушкин Л. П. Братья Орловы. 1762-1820. М.: Центрполиграф, 2007. 508 с.; Хотеев В. Ф. Первый министр народного просвещения Российской империи Пётр Васильевич Завадовский. М.: Изд-во Московского Центра вальдорфской педагогики, 1998. 465 с.

²⁷ См.: Кондаков Ю. Е. Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин: монография. СПб.: ЭлекСис, 2014. 284 с.; Елисеева О. И. Е. Р. Дашкова и Г. А. Потемкин (внешнеполитические аспекты придворной жизни) // Е. Р. Дашкова и ее время. Исследования и материалы: (Сборник). М., 1999. С. 45-65.

²⁸ См.: Володьков О. П. Фаворитизм в России XVIII в. // Выдающиеся государственные деятели России XVIII – XX вв. Омск, 1996. С. 47-64; Пархоменко Е. О. Модели фаворитизма в России XVIII в. // Сборник материалов по итогам научно-исследовательской деятельности молодых ученых в области гуманитарных, естественных и технических наук в 2004 году. М.: Прометей, 2005. С. 25-29.

Зубову²⁹, затрагиваются и вопросы роли двора в управлении монархиями Нового времени. Автор рассматривает двор как место выстраивания «национальной клиентской сети» взамен существовавших ранее отношений между аристократией и сувереном с акцентом на особой роли фаворитов в этом процессе. Проводится сравнительный анализ становления европейских и российской моделей имплементации власти посредством данного института.

В последние десятилетия опубликованы и первые после труда Н. Е. Волкова специализированные исследования по императорскому двору. В этом отношении наиболее полной представляется одна из работ О. Г. Агеевой по указанной проблематике: «Императорский двор России, 1700 – 1796 годы»³⁰. В монографии освещаются вопросы структуры и функционирования придворных ведомств, значения церемониала в придворной жизни, эволюции придворных учреждений и штатов на протяжении всего XVIII века в контексте европеизации русского общества. В другой работе автора «Императорский двор России эпохи Павла I»³¹ рассматривается новый штат двора 1796 года, источники его финансирования, персональный состав придворных. Тем не менее, данные исследования скорее раскрывают формальное устройство императорского двора, автор не затрагивает вопросы участия двора в политической жизни страны и подробно не исследует высшие чины придворного общества как особую социальную группу.

Появляется все больше узкоспециализированных исследований, посвященных придворной и околопридворной проблематике. Церемониальная

²⁹ См.: Курукин И. В. Бирон. М.: Молодая гвардия, 2014. 428 с.; Курукин И. В. Платон Зубов - "министр всех частей правления": фаворитизм на исходе XVIII столетия // *Quaestio Rossica*. 2015. №3. С. 200-226; Курукин И. В. Последний фаворит. Платон Зубов. Санкт-Петербург: Наука, 2022. 447 с.; Курукин И. В. Джокеры Екатерины Великой. М.: Молодая гвардия, 2024. 411 с.

³⁰ Агеева О. Г. Императорский двор России. 1700-1796. М.: Наука, 2008. 379 с.

³¹ Агеева О. Г. Императорский двор России эпохи Павла I. М.: Фонд «Связь Эпох», 2018. 439 с.

часть жизни двора нашла отражение в ряде современных публикаций³². Становление театрального искусства и влияние политики на драматургию придворных представлений рассмотрены в диссертации Евстратова А. Г.³³ Повседневной жизни двора и императорских резиденций посвящены работы И. В. Зимина³⁴. Автор рассматривает, в частности, распорядок дня императрицы, взаимоотношения с фаворитами, придворным окружением, слугами. Повседневной жизни столицы, значимых государственных учреждений и институций во время правления императрицы Елизаветы Петровны, в том числе императорского двора, посвящена работа К. А. Писаренко³⁵, на основании архивных документов воссоздающая жизнь Петербурга при предшествовавшем изучаемому царствованию, многие обстоятельства которой сохранялись и при Екатерине II. Вопросы настроения элиты дворянства второй половины XVIII века, отношение дворян к государству, службе, образованию и культурному развитию затрагиваются в работах Е. Н. Марасиновой, А. А. Козловой, Т. Л. Лабутиной³⁶. Это далеко не исчерпывающий список публикаций по данной теме, что говорит о стабильном интересе современных исследователей.

Отдельно отметим, что в зарубежной историографии тема значения монаршего двора в государствах раннего Нового времени получила значительно

³² См.: Агеева О. Г. Придворная служба при императорском дворе России XVIII века: обер церемониймейстеры и церемониальная часть // Проблемы социальной и политической истории России: сборник научных статей (по материалам конференции, декабрь 2007 г., Москва). М., 2009. С.140-150; Клюкова К. А. Придворные церемонии Российской империи: практика организации // Известия Смоленского государственного университета: Ежеквартальный журнал. 2010. №3. С. 226-235.

³³ Евстратов А. Г. Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-х - начале 1770-х годов: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. М., 2009. 296 с.

³⁴ Зимин И. В. Люди Зимнего дворца: монаршие особы, их фавориты и слуги. М.: Центрполиграф, 2014. 717 с.

³⁵ Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Молодая гвардия, 2003. 873 с.

³⁶ См.: Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 299 с.; Козлова А. А. Отношение элиты российского дворянства к государственной службе в период правления Екатерины II: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2007. 201 с.; Лабутина Т. Л. «Вестернизация» политической элиты России в XVIII веке // Россия, Запад, Восток во всемирной истории: сборник научных трудов. Рязань, 2003. С. 62-72.

большее освещение. Впервые предметом всестороннего анализа королевский двор стал в исследовании Н. Элиаса³⁷, посвященного французскому двору Людовика XIV. Н. Элиас рассматривает монарший двор с позиций традиционной для историографии XX века теории становления абсолютистских режимов, и видит в придворном церемониале инструмент для укрощения аристократии в процессе укрепления королевской власти. Последовавший во второй половине XX века пересмотр концепции абсолютной монархии позволил исследователям трактовать значение монарших дворов не только как «золотых клеток» для знати, но и как (в данном случае прибегаем к терминологии П. Бурдьё как наиболее релевантной) полей господства, мест приобретения экономического, социального, символического капиталов, а также центров принятия государственных решений, поскольку зачастую наблюдалось смешение функций управления королевским домохозяйством и государством. С подобных позиций двор рассматривает Н. Хеншелл, английский историк Д. Старки, нидерландский исследователь Й. Дейндем и др.³⁸.

Аналогичных исследований отечественных историков, рассматривающих императорский двор комплексно и в рамках исторической политической антропологии, на данный момент проведено не было. Из публикаций последнего времени наиболее близка по теме и кругу изучаемых проблем к настоящей диссертации статья С. В. Польского «Двор и «придворное общество» в

³⁷ Элиас Н. Придворное общество: исследование по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. М.: Языки славянской культуры, 2002. 366 с.

³⁸ Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. 271 с.; Starkey D. The English Court from the Wars of the Roses to the English Civil War. London: Longman & Co., 1987. 272 p.; Duindam J. F. J. Royal courts in dynastic states and empires: A global perspective / Eds. Jeroen Duindam, Tülay Artan, Metin Kunt. Leiden-Boston: Brill, 2011. 460 p.; Duindam J.F.J. Vienna and Versailles: The courts of Europe's dynastic rivals, 1550-1780. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 349 p.; The princely courts of Europe: Ritual, politics and culture under the Ancien Regime, 1500-1750 // Ed.by Adamson John/ London: Seven dials, 2000. 352 p.

послепетровской России»³⁹. Автор анализирует место и роль двора в системе управления монархий Нового времени и особенности положения данного института в послепетровской России, а также специфику становления российского «придворного человека». С. В. Польской делает акцент на социокультурном и компаративном подходе, рассматривает «придворное общество» как центр формирования элиты. Автор заключает, что монархии в послепетровской России нуждались в императорском дворе как «механизме власти», позволявшем привлекать элиту к процессу управления и принятия решений. С. В. Польской рассматривает придворное поведение как набор поведенческих практик, которым следовал «придворный человек», позволявший развивать успех при дворе. Темы патрон-клиентских отношений, коллективного портрета придворного, факторы карьерного успеха и неудачи не освещены в статье подробно и всесторонне, что оставляет значительное поле для исследований.

Особо анализируемая в настоящей работе роль неформальных отношений и патроната как системного фактора, оказывавшего влияние на карьеру чиновников в целом и кавалеров императорского двора в частности, на данный момент также недостаточно всесторонне освещена в историографии. Само социальное явление патрон-клиентских отношений стало особым предметом исследования антропологов, социологов и политологов⁴⁰. Ученые-историки обратились к данной теме несколько позднее⁴¹. Значение неформальных отношений для российской

³⁹ Польской С.В. Двор и «придворное общество» в послепетровской России // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М.: РОССПЭН, 2013. С. 320-367.

⁴⁰ См.: Lemarchand R., Legg K. Political Clientelism and Development: a preliminary analysis // Comparative politics. Vol.4 №2. 1972; Lande C. H. Introduction: The Dyadic Basis of Clientelism // Friends, Followers, and Factions: A Reader in Political Clientelism. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1977; Eisenstadt S. N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge, 1984.

⁴¹ См.: Kettering S. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. New York, Oxford: Oxford University Press, 1986; Пек Л. Л. «Для короля не проявлять щедрость было бы ошибкой»: взгляд на патронаж при дворе первых Стюартов в Англии // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2016. С. 149-184.

истории получило освещение сначала в работах зарубежных русистов⁴² и лишь со второй половины 1990-х годов появляются исследования отечественных специалистов⁴³.

Отдельно следует упомянуть комплексные исследования российской истории периода середины XVII века - начала XVIII века английских историков Саймона М. Диксона⁴⁴ и Дженет М. Хартли⁴⁵. Обе работы освещают происходившие изменения в сфере службы дворянства, вопросы значения и фактического влияния Табели о рангах на процессы социальной мобильности как внутри сословий, так и между ними, что частично является предметом изучения и в рамках настоящей диссертационной работы. С. Диксон более подробно рассматривает роль императорского двора в системе управления государством. Кроме того, Диксон отдельно останавливается на теме эффективности администрирования и функциях патронажных связей. Несмотря на то, что в данных исследованиях приведен всесторонний обзор жизни страны, и то, что обе работы (особенно работа С. Диксона) касаются предмета и объекта изучения настоящей диссертации, именно в силу большего масштаба освещаемых вопросов обе монографии не представляют подробного обоснования полученных выводов о службе дворянства, ограничиваясь примерами из различных частей неоднородного

⁴² См.: Ransel D. L. Bureaucracy and Patronage: the view from an eighteenth-century Russian Letter writer // *The rich, the well born, and the powerful*. Urbana a. o.: University of Illinois press, 1973. P. 154-178; Rancel D.L. *The politics of Catherinian Russia. The Panin party*. New Haven - London: Yale University Press, 1975. 327 p.; Orlovsky D. T. *Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective // Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia*. London: George Allen & Unwin, 1983. P.174-199.

⁴³ См.: Афанасьев М. Н. *Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России*. 2-е изд., доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 317 с.; *Патронат и клиента в истории России: (материалы "круглого стола")*// *Источник. Историк. История*. Выпуск 4: *Новая политическая история/ ответственный редактор М.М. Кром*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. С. 255-287; Кром М. М. *Патронат и клиента в Московском государстве XVI-XVII вв.: Историография и проблематика* // *Вестник ВолГУ*. 2021. Т. 26. №4. С. 66 – 78.

⁴⁴ Dixon Simon M. *The modernisation of Russia, 1676-1825*. Cambridge: Cambridge university press, 1999. 267 p.

⁴⁵ Hartley Janet M. *A social history of the Russian empire, 1650-1825*. London: Longman, 1999. 312 p.

в материальном и социальном плане сословия. Настоящее исследование ставит своей целью провести всесторонний и комплексный анализ биографии конкретной части государственной элиты Российской империи, чтобы получить эмпирическое обоснованные выводы о факторах, оказывавших влияние как на службу придворных, так и на роль кавалеров в системе управления государством.

Подводя итог приведенному анализу историографии, следует констатировать, что императорский двор как властный институт в последнее время не стал объектом полноценного и комплексного исследования. А литература, специально посвященная тем или иным сторонам жизни двора, разрозненна и не представляет всесторонне механизмы продвижения, характеристики биографии, роль межличностных отношений. Что также обуславливает актуальность данной работы.

Объект исследования – биографии кавалеров императорского двора Екатерины II, имеющих чины от камер-юнкера и выше. В ходе работы нами изучены биографии как получивших в период правления императрицы придворный чин персон, так и пожалованных ранее придворных, продолжавших активную карьеру при новом царствовании.

Предметом исследования стали факторы, обусловившие успешное или неудачное развитие карьер придворных, в том числе проанализировано значение особого «придворного поведения» и неформальных отношений, а также степень и характер участия придворных в государственном управлении.

Хронологические рамки исследования определены 60-ми - 90-ми годами XVIII века и обуславливаются временем правления императрицы. При анализе коллективной биографии учтены вельможи, получившие придворные чины до воцарения Екатерины II и продолжившие карьеру при ней. Как верхний предел принята дата 6 ноября 1796 г., поскольку со дня смерти Екатерины II влияние на формирование двора и судьбы придворных оказывал уже новый монарх – Павел I.

Цель исследования заключается в изучении двора, как одного из центральных институтов в системе осуществления власти, его роли в механизме

формирования государственной элиты империи, а также в исследовании влияния различных факторов на карьерную динамику придворных Екатерины II. Полученные сведения дополняют научное знание о принципах рекрутирования государственной элиты изучаемого периода, о степени её фактического влияния на управление страной.

Для достижения данной цели решаются следующие **задачи**:

- 1) разработка просопографической базы данных, включающая сведение воедино биографического материала обо всех 247 пожалованных придворными чинами от камер-юнкера и выше кавалерах времени правления Екатерины II, дальнейшую стандартизацию биографий придворных кавалеров с точки зрения интересующих нас ключевых биографических и социальных характеристик, касающихся происхождения, образования, возраста пожалования теми или иными чинами, мест службы и занимаемых должностей, участия в благотворительной, образовательной и культурной деятельности монархии;
- 2) анализ коллективного портрета придворных;
- 3) определение критериев «успешной» придворной карьеры;
- 4) выявление группы придворных с наиболее успешными с точки зрения реального влияния на государственные дела карьерами;
- 5) выявление и анализ биографических факторов, сказавшихся на успешном развитии карьер придворных;
- 6) выявление и анализ неформальных механизмов карьерного роста, в том числе влияния фактора патрон-клиентских отношений на формирование государственной элиты времени правления Екатерины II.

Источниковая база исследования представлена официальными документами и справочными изданиями, послужившими для разработки базы данных, а также документами, дающими представление о формальных и

неформальных отношениях при дворе, культурных механизмах общения и взаимодействия.

Документы официального плана условно можно разделить на опубликованные материалы статистического и справочного характера, (к примеру, адрес-календари и придворные календари, биографические справочники⁴⁶) и бумаги⁴⁷ придворного ведомства, содержащие информацию о придворных кавалерах. Указанные источники послужили основанием для создания просопографической базы данных и уточнения представленных в ней сведений. При работе над настоящей диссертацией большая часть данных собиралась по структурированным источникам, содержащим однотипные сведения (в основном о карьерных достижениях: о полученных чинах, должностях, о местах службы) о представителях интересующего нас института за ряд лет изучаемого периода.

Для исследования коллективного портрета использовался список придворных, представленный в труде Н. Е. Волкова⁴⁸, поскольку данный источник содержит информацию по наибольшему количеству случаев пожалования (включая период предыдущих царствований, также учитываемый в данном исследовании), подтверждаемую затем другими материалами. Кроме того, данный ресурс хорошо структурирован и удобен в использовании. Помимо имен в нем указываются и годы, зачастую с точными датами, получения того или иного придворного чина. Как показало дальнейшее исследование и сверка данных с

⁴⁶ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Издание Великого князя Николая Михайловича: в 5 т. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1905-1909.

URL:https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003526096/?ysclid=m6zdmsthv7188092074&volumes=page-1 (дата обращения: 18.11.2025).; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 томах (82 основных и 4 дополнительных). Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1890-1907; Русский биографический словарь: в 25 т. / изданный под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. Санкт-Петербург: Императорское Русское историческое общество, 1896-1913.

⁴⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 469. Оп. 1. Д. 126.; Оп. 14. Д. 7; Оп. 14. Д. 25–26.

⁴⁸ Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М.: Кучково поле, 2013. 317 с.

информацией других источников, за небольшим исключением все указанные сведения другими источниками подтверждаются.

Далее полученный список проверялся по данным адрес-календарей Российской империи за 1765-1790 годы⁴⁹ с использованием указателя В. П. Степанова⁵⁰, где обозначены места службы исследуемой совокупности дворян, их чины, полученные ордена, членство в различных благотворительных организациях и учреждениях культуры. Данные в издававшую календари Императорскую академию наук скорее всего представлялись непосредственно с мест службы, минуя Герольдмейстерскую контору⁵¹, что подчеркивает их особое значение в системе учета чиновничества. Несмотря на малую информативность изданий (небольшой перечень данных по каждой персоне), источник содержит сведения о большой группе чиновников центральных и местных учреждений и, что в рамках настоящей работы представляется особенно важным, о придворных кавалерах.

Данные адрес-календарей дополняют другие официальных издания, фиксирующие места службы дворянства: «Список находящимся в гражданской службе во всех присутственных местах. С показанием каждого вступления в службу и в настоящий чин»⁵², «Список состоящим в статской службе чинах первых восьми классов»⁵³ и «Список военным генералам со времени императора Петра I до

⁴⁹ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи ... [по годам]. СПб.: Инспекторский отдел собственной его императорского величества канцелярии, 1765-1767.; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова. СПб.: Императорская академия наук, 1769–1804.

⁵⁰ Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764-1795): [Список по Месяцесловам: Справочник-указатель] / Составитель В. П. Степанов. Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. 828 с.

⁵¹ Данилевский И. Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Рос. истории: Учеб. пособие для студентов вузов / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2000. С. 399 – 407.

⁵² Список находящимся в гражданской службе во всех присутственных местах, с показанием каждого вступления в службу и в настоящий чин. На... [1766-1773] г. СПб.: при Сенате, [1773]. 279 с.

⁵³ Список состоящим в статской службе чинам [первых восьми классов]. На... [1773, 1775-1780, 1783-1784, 1786, 1788, 1790-1797] г. СПб.: Сенатская типография, 1772-1797.

императрицы Екатерины II, выбранный по повелению Военного Министра из Архива Государственной военной коллегии 1809 года»⁵⁴.

Кроме того, для уточнения сведений разрабатываемой просопографической базы использовались материалы Придворных календарей 1763–1767 гг., придворных календарей или месяцесловов 1768–1772 гг., других придворных календарей 1789 и 1790 гг., содержащие списки служащих и лиц, награжденных орденами⁵⁵.

Нарративные источники, содержащие биографические сведения, использовались для сбора информации, которая не была отражена в структурированных источниках (к примеру, сведения об образовании, родстве), для прояснения причинно-следственных связей и последовательностей между фактами биографии, упомянутыми в структурированных источниках, а также для дополнительной верификации последних.

Отдельной группой опубликованных источников стали справочные издания, предоставляющие биографическую информацию об исследуемой группе дворянства. В первую очередь нами анализировались сведения из Русского биографического словаря, издававшегося Санкт-Петербургским императорским русским историческим обществом под наблюдением его председателя А. А. Половцова с 1896 г. по 1913 г.⁵⁶, с учетом издания 1918 г.⁵⁷ и 5 томов, вышедших в

⁵⁴ Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный по повелению Военного министра из Архива Государственной военной коллегии 1809 года. [СПб., 1809]. 129 с.

⁵⁵ Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1768. СПб.: Императорская академия наук, [1768]; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1769. СПб.: Императорская академия наук, [1769]; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1770. СПб.: Императорская академия наук, [1770]; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1772. СПб.: Императорская академия наук, [1772].

⁵⁶ Русский биографический словарь: в 25 т. / изданный под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. Санкт-Петербург: Императорское Русское историческое общество, 1896-1913.

⁵⁷ Русский биографический словарь / Русское историческое общество: под ред. Б. Л. Модзалевского. Петроград: типография акционерного общества «Кадима», 1918.

свет уже в 1991-2003 гг.⁵⁸ Несмотря на критические отзывы некоторых современников об этом крупномасштабном проекте, касающиеся в первую очередь неравноценности статей, некоторых ошибок и неточностей, а также недостаточной методологической подготовленности авторов⁵⁹, данное издание до сих пор является важным биографическим ресурсом, не имеющим аналогов в отечественной истории, и содержит обширный материал по большому кругу лиц. Кроме того, при составлении томов словаря использовались архивные данные различных министерств и ведомств, велось сотрудничество с виднейшими учеными, историками, краеведами, искусствоведами того времени, что дает основание учитывать собранные данные при изучении биографий придворных кавалеров. Словарь, в частности, позволяет дополнять биографии такими факторами карьерной динамики, как родственные связи, образование, а также уточнять причинно-следственные связи тех или иных событий.

Для подобных целей использовалась и информация из масштабного издания, осуществленного под руководством председателя Русского исторического общества Великого князя Николая Михайловича, – «Русские портреты XVIII и XIX столетий»⁶⁰. Представленные сотрудниками общества биографические справки к портретам дворянства за два столетия составлялись по архивным материалам, что позволяет принимать во внимание содержащуюся в них информацию. Кроме того, использовались данные, приведенные в энциклопедиях рубежа XIX-XX вв. издательской фирмы «Брокгауз и Эфрон»⁶¹.

Среди архивных документов, использованных при составлении и уточнении просопографической базы данных, особенно значительный материал о карьере

⁵⁸ Русский биографический словарь. М.: Аспект Пресс, 1991-2003.

⁵⁹ Шилов Д. Н. История создания «Русского биографического словаря» // Азбучный указатель имён русских деятелей для Русского биографического словаря. М., 2003. Ч. 2. С. 917—937.

⁶⁰ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Издание Великого князя Николая Михайловича: в 5 т. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1905-1909. URL:https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003526096/?ysclid=m6zdmsthv7188092074&volumes=page-1 (дата обращения: 18.11.2025).

⁶¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 томах (82 основных и 4 дополнительных). Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1890-1907.

вельмож, как придворной, так и предшествовавшей придворному званию, содержит выявленный нами архивный список чинов двора (его первой, второй и третьей «половин») за 1794 год⁶². Данные указанного документа также дополнялись сведениями из списка двора от 1761 г.⁶³, содержащего упоминания и о более поздних назначениях. Кроме того, использовались сведения из прочих бумаг по придворному ведомству, в том числе именных указов по Придворной конторе⁶⁴. При работе над диссертацией также изучены архивные материалы Российского государственного военно-исторического архива.

К отдельной группе источников, позволяющей исследовать не столько вехи биографии придворных, сколько механизмы взаимоотношений и карьерных продвижений при дворе, роль неформального общения и восприятие вельможами установленного порядка общения, относятся источники личного происхождения (мемуары, дневники, эпистолярное наследие). Здесь особо следует выделить воспоминания кабинет-секретарей императрицы А. В. Храповицкого и А. М. Грибовского, фиксировавших взгляд на происходящее при дворе со стороны монарха⁶⁵.

С точки зрения воспоминаний о жизни при дворе интересны мемуары фрейлины В. Н. Голицыной⁶⁶, в замужестве Головиной, камер-юнкера Ф. Н. Голицына⁶⁷, близкого к Малому двору наследника гвардейца И. М.

⁶² РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 25–26.

⁶³ РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 7.

⁶⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 126.

⁶⁵ Екатерина II. Искусство управлять. Александр Храповицкий. Адриан Грибовский. Рожер Дама / [сост., послесловие А. Каменский]. М.: Фонд Сергея Дубова, 2008. 650 с.

⁶⁶ Мемуары гр. Головиной. Записки кн. Голицына / [Сост., предисл., подгот. текста, коммент. С. А. Никитина]. М.: Три века истории, 2000. 396 с.

⁶⁷ Там же.

Долгорукова⁶⁸, пажа А. А. Башилова⁶⁹, графа А.И. Рибопьера⁷⁰, бывавшего при дворе императрицы в детстве и с расположением принимаемого ею тогда, мемуариста и государственного деятеля более поздней эпохи Ф. Ф. Вигеля⁷¹. Кроме того, при анализе субъективного восприятия придворными процессов карьерного роста или же опалы использовались воспоминания и переписка⁷² таких представителей дворянства, как А. А. Безбородко, А. Р. Воронцов, С. Р. Воронцов, М. Н. Муравьев, А. Г. Орлов, И. Г. Орлов, Г. Г. Орлов, Н. И. Панин, Ф. В. Ростопчин, Ф. Г. Головкин, М. М. Щербатов и других⁷³. При работе над диссертацией учитывались и воспоминания о царствовании Екатерины II, оставленные иностранными дипломатами⁷⁴. Перечисленные источники, безусловно, содержат субъективное восприятие социально-политических реалий и

⁶⁸ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце на 25-ом году от рождения моего...: В 2 т. [Мемуары]. Санкт-Петербург: Наука, 2004. 816, 726 с.

⁶⁹ Башилов А. А. Молодость Башилова (Записки о временах Екатерины II и Павла I) // Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов. СПб., 1873. Т. 3. С. 1-32. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book460889/#page/1/mode/1up> (Дата обращения: 18.11.2025).

⁷⁰ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Кн. 1. № 4. С. 476.

⁷¹ Вигель Ф. Ф. Записки Филипа Филиповича Вигеля. М.: Университетская типография, 1892. Ч. 3-5.

⁷² Безбородко А. А. Письма А. А. Безбородко к П. А. Румянцеву 1775-1793 гг. Санкт-Петербург: Б.И., 1900. 154 с.; Воронцов А.Р. "... душевно к вам привязан": переписка графа Александра Воронцова и бригадира Алексея Дьяконова (1780-е годы). М.: Высшая школа экономики, 2022. 302 с.; Архив князя Воронцова: [в 40 кн.]/ ред. П. И. Бартенев. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1870-1895; Письма русских писателей 18 века: Сборник / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1980. 472 с.; Панин Н. И. Переписка графа Н. И. Панина с графом А. Г. Орловым-Чесменским. 1770-1773 // Русский архив. М., 1880. Кн. 3. С. 229-260; Орловы. Письма братьев Орловых к графу Петру Александровичу Румянцову: 1764-1778 / изданы с предисловием и примечаниями Александра Барсукова. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1897, 92 с.; Ростопчин Ф. В. Вести из России в Англию: двенадцать писем графа Ф. В. Ростопчина к графу С. Р. Воронцову. 1791-1794 // Русский архив. Историко-литературный сборник. Выпуск 1. М.: Типография В. Грачева и Ко 1876. С. 81-122; Щербатов М. М. Переписка князя М. М. Щербатова. М.: Дрвлекранилище, 2011. 527 с.; Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I: портреты, воспоминания и анекдоты. М.: Сфинкс, 1912. 455 с.

⁷³ Исторические рассказы и анекдоты о Екатерине II её сподвижниках и современниках // Русская старина. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1874. Т. 10. С. 772-786.

⁷⁴ Сегюр Луи Филипп. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785-1789). Санкт-Петербург: Типография Майкова, 1865. 386 с.; Корберон Мари Даниэль Бурре де. Интимный дневник шевалье де-Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. Санкт-Петербург: Ф. И. Булгаков, 1907. 204 с.; Лорд Мальмсбюри (Гаррис) о России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1874. Т.1.

механизмов продвижения при дворе. Тем не менее, анализируя представленные в них сведения, можно получить более полную картину неформальных отношений в среде придворных и уточнить предположения о роли патрон-клиентских отношений при формировании государственной элиты.

Особо следует упомянуть такой источник, как камер-фурьерские журналы⁷⁵ времени правления Екатерины II, в которых довольно подробно расписывался день императрицы и ближайший круг общения.

Научная новизна исследования:

- Императорский двор Екатерины II впервые подробно исследуется как институт власти в системе государственного управления второй половины XVIII века.
- Впервые создан и проанализирован коллективный портрет придворных кавалеров времени правления Екатерины II (247 персон, включая пожалованных ко двору в годы царствования императрицы, а также тех, кто пожалован ранее, но карьера какое-то время продолжалась и при Екатерине II).
- Для создания коллективного портрета придворного и всестороннего изучения механизма элитообразования в Российской империи второй половины XVIII века впервые осуществлена генерализация ранее разрозненных биографических данных, их стандартизация и последующий количественный анализ с использованием статистических методов, что позволило получить эмпирическое подтверждение или опровержение существовавших ранее теоретических гипотез относительно характерных для изучаемой части общества этапов биографий и социальных процессов.
- Проведен комплексный анализ особенностей карьерной динамики придворных, влияние на развитие карьер биографических и иных факторов.

⁷⁵ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Петроград: Общий архив Министерства императорского двора, 1726-1916. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004869963?ysclid=mgo5vb81qm578828760> (дата обращения: 13.10.2025).

- Отдельно в работе исследовано влияние неформальных механизмов и факторов карьерного роста на формирование государственной элиты и роль неформальных отношений, в особенности патрон-клиентских отношений, в системе власти второй половины XVIII века.

Положения, выносимые на защиту.

1. Императорский двор играл роль своеобразного кадрового резерва императрицы для занятия высших государственных должностей, места апробации личных качеств дворян.
2. Пожалование придворным званием могло служить как наградой за успешную службу, так и быть катализатором карьеры дворянина.
3. Фактор протекции и влияние патрон-клиентских отношений являлись ключевыми при построении успешной придворной и государственной карьеры, но не нивелировали значение личных дарований дворянина.
4. На протяжении второй половины XVIII усиливалась тенденция бюрократизации государственной элиты. Благодаря влиянию Табели о рангах первостепенное значение приобретали чин и должность в государственном управлении, титулованность и родовитость уже не имели прежнего значения для обретения влияния.

Теоретическая значимость исследования.

В работе освещены ранее предметно не исследовавшиеся в отечественной историографии аспекты функционирования императорского двора, а также общее и частное коллективной биографии придворных Екатерины II, в том числе динамическая составляющая биографий.

Практическая значимость исследования состоит в том, что данная работа дополняет проводимые ранее исследования в области механизмов элитообразования Российской империи. Созданная просопографическая база данных представляет собой новый источник, объединяющий архивные и опубликованные данные о биографиях придворных кавалеров, удобный в использовании и служащий для сохранения и изучения информации. Кроме того,

разработанная база данных может быть в дальнейшем использована в качестве электронного справочного ресурса, имеющего неограниченный потенциал расширения и дополнения.

Материалы и выводы диссертации могут быть в дальнейшем использованы в научной работе, преподавании, подготовке различных трудов по вопросам истории двора, дворянства, высшей аристократии, роли государственной элиты, патрон-клиентских отношений.

Методология и методы исследования. Исследование основывается на принципе историзма. Автором использовались такие специальные методы исторического исследования, как историко-генетический, историко-типологический, количественный и статистический методы (метод группировки, метод анализа средних, метод анализа взаимосвязей). В настоящей диссертации применялся междисциплинарный подход, задействовались теоретический и методологический аппараты таких наук, как политология, социология, математическая статистика, историческая информатика.

Отдельно отметим, что для исследования императорского двора как института власти применялся находящийся на стыке истории и политологии институциональный метод, позволяющий изучать формы государственных структур. Классический институционализм рассматривает в качестве объектов исследования как организации и формально закрепленные нормы, организующие и регулирующие общественные отношения, так и неформальные совокупности социальных норм и правил, формирующие модели социального поведения. В данной работе понятие «социального института» будет рассмотрено комплексно, с учетом наиболее часто встречающихся в теории общественных наук ключевых его детерминант. А именно: как формально определенная организация с соответствующим образом зафиксированными нормами и правилами, структурирующая конкретную часть общественной жизни времени правления Екатерины II. Учтен будет и сопутствующий этой организации набор

неформальных социальных установок, социальных практик и моделей поведения, регулирующих межличностное взаимодействие части элиты данного времени.

Кроме того, рассмотрена динамическая составляющая понятия, акцентируемая в рамках неинституционального подхода. Одно из сравнительно молодых направлений нового институционализма - исторический институционализм фокусирует внимание не только на институтах как таковых, но и институциональных изменениях, производимых в процессе деятельности вовлеченных субъектов. Таким образом, институт рассматривается в динамике своего развития. Исторический институционализм «исследует взаимодействия между институтами и другими факторами, такими как социально-экономические изменения, идеологические течения, интересы акторов и их стратегии, таким образом, помещая институты в более широкий контекст»⁷⁶.

Используемое в рамках настоящего исследования понятие «власть», как феномен жизни социума, имеет множество определений в общественных науках. Среди существующих трактовок, несомненно, дополняющих друг друга и раскрывающих многомерность понятия, отметим структурно-функциональную, как перекликающуюся в наибольшей степени с определением социального института, описанного выше. Структурно-функциональная трактовка основывается на целесообразности разделения общественных функций исполнения и управления. Акцент сделан на власти как свойстве социальных статусов и ролей, позволяющих воздействовать на общество и отдельных индивидов. Автор теории Т. Парсонс рассматривал общество в целом как структуру, состоящую из отдельных элементов, интегрированность в общую систему которых происходит с помощью социального действия. Направленность такого действия определяется существующими в обществе нормами, правилами и ценностями. Иными словами, власть понимается как «символически-обобщённое средство коммуникации,

⁷⁶ Белькова А. А. Исторический институционализм - новое направление в исторических исследованиях // Вестник БГУ. 2014. №7. С.118.

регулирующее действия в социальной системе»⁷⁷. В этом отношении роль социальных статусов, ролей, норм и ценностей близка к значениям, определенным в теориях о социальных институтах. Институт, в особенности формально определенный и закрепленный, уже представляет собой проявление власти согласно данной трактовке. В то же время, само общественное взаимодействие по поводу распределения власти, делегирования полномочий представляет непрерывно развивающийся процесс, который реализуется в определенной системе институциональных отношений. Механизм государственной власти предполагает, что власть правящей элиты осуществляется через специальные институты – властные институты, которые согласно упомянутому выше неинституциональному подходу трактуются «не только как формальные и устойчивые правила, процедуры и нормы, но и как символическая система, когнитивные сценарии и духовно-нравственные образцы ... которые воспроизводят «рамки значения», управляющие мыследеятельностью человека, их взаимодействием». В настоящей работе в качестве такого института, через который предположительно осуществлялась государственная власть в эпоху правления Екатерины II, рассмотрен императорский двор её величества.

В рамках данного исследования анализируются функции власти по легитимизации и воспроизводству существовавшего порядка, где в условиях монархического правления на первый план выступает символическое выражение и закрепление сложившегося строя, подчеркивание статуса и положения монарха по отношению к влиятельным дворянским кругам, а также трансляция легитимности суверена во внешние отношения. Придворный церемониал, распределение ролей и функций, система поощрений и наказаний придворных — все это служило обозначенным задачам по сохранению иерархии власти.

⁷⁷ Попов В.А. Системно- теоретическая проблематика власти в социологии Т. Парсонса, Н. Лумана и Р. Мюнха: автореф. дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.01. М., С.8.

Схожим образом роль и функции монаршего двора изложены в концепции Н. Элиаса⁷⁸, предполагающей, что двор необходим монарху для управления и контроля над элитами с помощью символических действий (церемониал). Но более поздние исследования⁷⁹ в этой области, учитывающие пересмотр традиционной трактовки абсолютизма в историографии последних десятилетий, предполагают более сложную и многоуровневую систему реализации власти, где элиты выступают значимыми участниками процесса легитимизации сложившейся системы управления.

В условиях монархического правления ввиду формальной концентрации всей полноты властных полномочий у суверена реальное значение для управления государством тех или иных институтов не всегда очевидно стороннему наблюдателю. Полагаем, что в таком случае следует изучать неявные, скрытые механизмы влияния на государственные дела определенных социальных групп. Для ответа на вопрос, какие именно группы следует изучать прежде всего и к каким именно институтам власти они могут относиться, обратимся к понятию социального капитала, введенного П. Бурдьё⁸⁰. Социальное пространство, согласно теории исследователя, представляет собой множество полей, где агенты могут занимать позиции в нескольких из них (вельможа мог иметь чины придворной, военной и гражданской службы одновременно, занимать должности в нескольких государственных учреждениях). Общая позиция агента в социальном пространстве является суммой его позиций (или ресурсов) в каждом из полей. «Социальный статус индивида- понятие многомерное, зависящее от масштабов контролирования

⁷⁸ Элиас Н. Придворное общество: исследование по социологии короля и придворной аристократии. с введением: Социология и история М.: Языки славянской культуры, 2002. 366 с.

⁷⁹ См.: Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. 271 с.; Starkey D. The English Court from the Wars of the Roses to the English Civil War. London: Longman & Co., 1987. 272 p.; Duindam J.F.J. Royal courts in dynastic states and empires: A global perspective/ Eds. Jeroen Duindam, Tülay Artan, Metin Kunt. Leiden-Boston: Brill, 2011. 460 p.; Duindam J.F.J. Vienna and Versailles: The courts of Europe's dynastic rivals, 1550-1780. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 349 p.; The princely courts of Europe: Ritual, politics and culture under the Ancien Regime, 1500-1750 // Ed.by Adamson John/ London: Seven dials, 2000. 352 p.

⁸⁰ Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. № 3. С.60-74.

тех или иных ресурсов, который при определенных обстоятельствах приобретают форму капитала и приносят индивиду прибыль»⁸¹. Из всего изложенного можно сделать вывод относительно общества любого исторического периода: чтобы понять реальное влияние на государственное управление тех или иных институтов и индивидов, следует оценивать не столько формально прописанные полномочия, сколько социальный статус и располагаемый капитал агентов, влияние институтов, к которым относятся агенты, а также определить, какой именно капитал, сумма капиталов, является наиболее значимым для общества конкретного исторического периода.

Вопросы возникновения и развития властных институтов в обществах определенных исторических периодов неразрывно связаны с темой роли элит в системе управления государством, спецификой их рекрутирования, практиками межэлитного взаимодействия. Встраивание тех или иных институтов в механизмы осуществления государственной власти зависит от сложившихся моделей отношений верховной власти с элитными группами. Поэтому нам представляется важным рассмотреть в данной работе и теоретические основания изучения российских элит рассматриваемого периода, их характеристики и динамику развития.

Понятие «элита», так же, как и понятие «власть», имеет множество определений в общественных науках. Исследователи вопроса констатируют, что несмотря на многочисленные дискуссии, элита продолжает оставаться «вещью в себе», «которая все чаще из предмета научного спора о её содержании трансформируется в разногласия по поводу идеологических оснований данного термина»⁸². Наиболее серьезное и системное изучение элит проводится в рамках социально-политического и элитологического подходов, в данной работе мы будем

⁸¹ Батуренко С. А. Социальная стратификация в социологической теории П. Бурдьё // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. №2. С.37.

⁸² Чирикова А. Е. О понятии «Элита»: есть ли выход из тупика определений? // Управленческое консультирование. 2011. №1. С. 78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-elita-est-li-vyhod-iz-tupika-opredeleniy> (дата обращения: 18.11.2025).

оперировать их теоретической базой. Как критерий отнесение к элите наиболее часто выступает «избранность» категории лиц, определенная знатностью, состоятельностью, одаренностью. Как обобщающее, приведем здесь определение из статьи А. Р. Салгириева: «В самом общем виде элита – это понятие в социологии, обозначающее высшие привилегированные слои в обществе, осуществляющие функции управления, развития науки и культуры»⁸³.

Наименьшее количество разногласий среди исследователей по поводу терминологии возникает относительно определения политической элиты поскольку «оно не предусматривает качественных критериев восприятия элиты общественным мнением (это неизбежно в отношении интеллектуальной и художественной элит) и количественных параметров исследования (которые помогают очертить границы финансово-экономических элит)»⁸⁴. В контексте данного исследования, нас интересует именно та элита общества (или часть относимой к элите социальной группы), обладающая властью, возможностью влиять на принятие стратегических решений в области управления государством. Чтобы определить, обладали ли подобной возможностью рассматриваемые в настоящем исследовании придворные кавалеры, необходимо прежде установить критерии выделения государственной элиты с учетом рассматриваемого монархического режима правления, изначально не подразумевавшего наделение властью кого-либо кроме суверена.

Для решения обозначенной задачи, обратимся к популярному в среде отечественных элитологов методу Хантера, предлагающему три подхода к определению политической элиты⁸⁵:

⁸³ Салгириев А. Р. Теоретические модели изучения политических элит // Теория и практика общественного развития. 2012. №5. С.221. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-modeli-izucheniya-politicheskikh-elit> (дата обращения: 18.11.2025).

⁸⁴ Там же. С. 222.

⁸⁵ Мусиенко И. М. Проблемы развития элитологии в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-elitologii-v-rossii> (дата обращения: 18.11.2025).

1. Позиционный - элиту составляют те, кто занимает наивысшие позиции в формальных структурах;
2. Решенческий - в элиту включаются те, кто фактически принимает решения;
3. Репутационный - в элиту входят лица, наделенные качествами, наиболее ценными в конкретном обществе.

Каждый из упомянутых трех подходов имеет свои плюсы и минусы, границы применения. Отметим, что в некоторых определениях исследователи объединяют обозначенные критерии. Так например И. Е. Дискин «под элитами понимает людей, принимающих стратегические решения, непосредственно влияющих на этот процесс, включая, естественно, противодействие принятию таких решений»⁸⁶. Подобную объединяющую несколько критериев трактовку целесообразно, на наш взгляд, использовать в рамках настоящего исследования, как позволяющую учесть скрытые механизмы влияния на принятие властных решений в таком историческом контексте, где формально принимать все властные решения может лишь одно лицо - монарх. В настоящей работе к государственной элите причислены сановники екатерининского правления, занимавшие значимые государственные посты, а также иные вельможи, обладавшие обширными связями, клиентелой и оказывавшие влияние на скрытые механизмы имплементации государственной власти. В качестве значимой части данной элитной группы рассмотрен императорский двор Екатерины II.

Полноценное современное исследование, как правило, включает в себя методологию смежных дисциплин, что позволяет рассмотреть анализируемый вопрос комплексно. Для последующего изучения императорского двора как властного института в правление Екатерины II на наш взгляд недостаточно будет прибегать лишь к методам традиционной описательной истории, опирающейся на иллюстрирование исторического процесса посредством фактографического

⁸⁶ Очирова В. М. Понятие «Политическая элита» в контексте научного знания // Вестник ЗабГУ. 2010. № 6. С.70.

изложения конкретных исторических событий. Для наиболее полного исследования как политической, так и институциональной истории государства помимо простого анализа деятельности конкретных организаций и должностных лиц, важным представляется изучение круга персоналий, общего и особенного в их биографиях в рамках исследуемого института⁸⁷. Для составления и последующего анализа коллективного портрета придворных Екатерины II применялись инструменты просопографического анализа, была специально разработана просопографическая база данных. Следует отметить, что среди исследователей нет единого мнения о том, представляет ли собой просопография отдельную историческую дисциплину, исторический метод или же совокупность методик⁸⁸. В рамках данного исследования принято определение просопографии, предложенное К. Китс-Рохан как наиболее распространённое: «Термин просопография относится к методу исследования, при котором структурированные биографические данные, относящиеся к индивидам, образующим четко определенную группу, исследуются с целью выявления констант и переменных, которые устанавливают конкретные характеристики группы в целом и определяют, что для нее является необычным или аномальным. Используя как качественный, так и количественный анализ (смешанные методы), просопография представляет собой междисциплинарный инструмент, основанный на источниках, для анализа исторических процессов на различных уровнях, включая политический, экономический, социальный и культурный»⁸⁹.

В настоящем исследовании инструменты просопографического анализа позволили выявить общее и уникальное (как отклоняющееся от коллективного тренда) в биографиях кавалеров императорского двора Екатерины II, что

⁸⁷ Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. №1. С.8.

⁸⁸ Петрова М. С. Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя) // *Quaestio Rossica*: научное издание. Екатеринбург, 2022. Vol. 10. № 3. С. 940.

⁸⁹ Цит. по: Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. №1. С.4.

расширяет и углубляет имеющееся научное знание о социальных характеристиках этой элитной группы дворянства, даёт возможность как более аргументированно подтвердить существовавшие прежде теоретические выводы о составе изучаемой общности, так и через изучение частных, необычных для всей совокупности случаев проанализировать весь спектр уникальных, не подтверждающих общих вектор развития жизненных путей. Последнее помогает увидеть более многомерную «картину» жизни изучаемого института, проанализировать работу механизмов и принципов рекрутирования элиты и отбора кадров для занятия государственных должностей в ближайшем окружении императрицы. Наиболее удобным и распространённым инструментом просопографии, позволяющим проводить подобную реконструкцию с использованием количественных методов и возможностей современных цифровых технологий, является создание базы данных по изучаемому кругу персоналий. Анализ собранных и занесённых в просопографическую базу данных сведений даёт возможность проследить динамику развития карьер вельмож не только на придворной, но и на гражданской и военной службе, чтобы ответить на вопрос о том, какие факторы влияли на успешное построение карьеры кавалеров, а также определить, можно ли считать серьёзным катализатором карьерного роста сам факт пожалования придворным званием.

Изучение коллективного портрета придворных позволяет проанализировать общее и частное в их биографиях, а также даёт некоторый материал для проверки гипотез качественного исследования о факторах, влиявших на карьерный успех. В исследовании отдельно отмечается роль и место неформальных отношений в механизме осуществления государственной власти екатерининского правления в целом и при дворе особо. В частности, изучается влияние патрон-клиентских отношений на развитие карьер. Теория патроната, относящаяся к междисциплинарным направлениям исследований и находящаяся стыке истории,

социологии, политологии и антропологии⁹⁰, позволяет выявлять логику выстраивания неформальных связей и дальнейшее влияние подобных отношений на поведение людей. Особенно актуально данное понятие, если речь идет о формирующейся бюрократической среде, где институциональные механизмы администрирования несовершенны и высока роль личных отношений.

Понятия «патронаж» и «клиентела» для описания неформальных связей, возникающих в среде государственной управляющей элиты параллельно официальной системе властной иерархии, широко используются в историографии.

Как и в случае с иными понятиями социальных наук у клиентелизма, патрон-клиентных отношений нет строго фиксированного определения. Среди описывающих это общественное явление черт исследователи, как правило, указывают неравенство обмениваемых ресурсов, полуполюгальность, опору на личные контакты и удовлетворение потребности в доверии. Последнему особое внимание уделено в работе С. Н. Айзенштадта и Л. Ронигера⁹¹. Особо отмечается противоречивый характер подобных отношений: «в этом феномене уживаются одновременно личная зависимость, явное неравенство ресурсов и взаимная солидарность, персональная идентификация, личное сочувствие и обязательства; возможность принуждения, эксплуатации и добровольность отношений; обоюдность и неофициальность, «полуполюгальность» отношений»⁹².

Персонализированный характер патроната, основанного в первую очередь на личных связях и контактах представителей элиты, не позволяет сформировать каких-либо четко определяемых и регулярно воспроизводимых систем имплементации власти. Некоторые авторы используют для описания совокупности

⁹⁰ Кром М. М. Патронат и клиентела в Московском государстве XVI-XVII вв.: Историография и проблематика // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. №4. С.68.

⁹¹ Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 24.

⁹² Мельников К. В. Клиентелизм как определяющая черта неопатримониальных режимов // Вопросы управления. 2017. №1 (44). С. 72.

подобных связей такие термины, как «туманность», «сети», отмечая их многостороннюю, изменчивую природу⁹³. Кроме того, специфические черты патрон-клиентских отношений «неформальность, нечеткость границ, аморфность, латентность и незаметность затрудняют исследование клиентелизма и порождают сложности в его наблюдении, интерпретации и концептуализации»⁹⁴. Тем не менее, даже с учетом вышеописанных особенностей этой области исследований, затрудняющих проверку теоретических предположений о характере взаимодействия в дворянском обществе, без привлечения теории патрон-клиентских отношений мы не смогли бы составить всеобъемлющее представление о процессах администрирования государственного управления, подбора и рекрутирования кадров, пополнения элитных кругов дворянства во второй половине XVIII века в Российской империи. Роли и значению неформальных отношений в целом и патрон-клиентских отношений в частности посвящена третья глава настоящей диссертации.

Также в исследовании применялись общенаучные методы анализа и синтеза, обобщения и аналогии.

Апробация результатов исследования.

Некоторые положения и выводы диссертационной работы были апробированы в докладах на 3 международных конференциях:

1. XXXII Международная научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании». Российский государственный гуманитарный университет. Москва, 11-12 апреля 2019 г.
2. VII Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы,

⁹³ Ермакова О. К. Терминологические аспекты дискуссии о неформальных связях в государствах Европы Нового времени (на примере современной англо- и франкоязычной историографии) // Вестник ННГУ. 2021. №2. С. 26.

⁹⁴ Рогожина К. А. Клиентелизм в рекрутировании политических элит в Российской Федерации и постсоветских государствах Центральной Азии: автореф. дис. ...кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2010. С. 17.

дискуссии, новые взгляды». Институт российской истории РАН. Москва, 8–9 октября 2019 г.

3. Международная научная конференция «Будущее нашего прошлого-5: История как коммуникативный проект». Российский государственный гуманитарный университет. Москва, 14 ноября 2019.

А также в статьях общим объемом 2,1 а. л., три из которых опубликованы в изданиях из Перечня рецензируемых научных изданий Всероссийской аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Оксамитная Д. А. Успешные карьеры придворных Екатерины II: Н. Б. Юсупов и И. М. Муравьев-Апостол // Вестник РГГУ. Серия "История. Филология. Культурология. Востоковедение". 2018. №6(39). С. 147-157.
2. Оксамитная Д. А. Императорский двор Екатерины II как инструмент формирования элиты государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2020. № 3. С. 284-290.
3. Оксамитная Д. А. Исследование «коллективного портрета» придворного периода правления Екатерины II с помощью просопографической базы данных // Исторический вестник. № 50. М.: АНО «Руниверс». 2024. С. 170-180.

А также иных научных статьях:

1. Оксамитная Д. А. Сравнительный анализ карьер различных групп аристократов периода правления Екатерины II (выпускников Пажеского корпуса и придворных кавалеров) с использованием просопографических баз данных // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXII международной научной конференции. Москва, 11-12 апр. 2019 г. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 304-305.
2. Оксамитная Д. А. Императорский двор Екатерины II: историографический анализ // Будущее нашего прошлого-5: История как коммуникативный

проект: Материалы международной научной конференции. 14 ноября 2019г. М.: РГГУ, 2019. С. 194-205.

ГЛАВА 1. ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР КАК ИНСТИТУТ ВЛАСТИ В XVIII ВЕКЕ

1.1. Государственная элита Российской империи в XVIII веке

1.1.1. Формирование государственной элиты Российской империи и её ключевые характеристики

В целях настоящего исследования необходимо определить и охарактеризовать государственную (политическую) элиту интересующего нас периода царствования Екатерины II и определить какое место занимает императорский двор в системе внутриэлитных отношений, в процессе имплементации власти монарха в сложившейся модели управления страной, а также в чем состоит его институализирующая функция.

«Институты всегда имеют историю, продуктом которой они являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан»⁹⁵. Аналогичное утверждение было бы верно и в отношении определения российской элиты XVIII века и ее специфических характеристик, обусловленных предшествующим опытом развития государства и общества.

Вопрос уникальности именно российских элит является столь же дискуссионным, как и проблема специфики исторического пути России в сравнении с другими странами, прежде всего европейскими. Тем не менее, даже исследователи, опирающиеся при анализе особенностей элитообразования не только на компаративистский метод, но и рассматривающие типологию элит на базе различных основополагающих признаков, связывают процесс формирования и функционирования элитных групп с особыми фундаментальными факторами развития страны.

⁹⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Московский философский фонд, 1995. С. 92.

Российский политолог О. В. Гаман-Голутвина, исследующая в своей работе «Политические элиты России: вехи исторической эволюции» этапы развития российских элит в связи с властными и социальными институтами, предлагает в качестве такого основополагающего критерия диверсификацию каналов рекрутирования элиты, полагая, что данный параметр можно считать определяющим по отношению к другим, таким «как внутренняя структура, способ легитимизации власти, особенности внутриэлитного взаимодействия, степень внутренней сплоченности, масштаб открытости/закрытости в ходе ротации и т.п.»⁹⁶ Преобладающий тип рекрутирования довольно часто становится основанием типологизации элит в современной и классической политической науке и многими исследователями связывается с формой организации власти в том или ином обществе. Данная теория основывается на следующих положениях.

Необходимые персональные качества составляющих элиту представителей определяются устоявшимся процессом рекрутирования, включающим такие категории как каналы продвижения (рекрутирования), механизмы рекрутирования, степень проницаемости элиты, вертикальную и горизонтальную мобильности между различными сегментами элиты. Под каналами продвижения исследователи понимают институциональные способы продвижения к вершинам элитной иерархии. Механизм рекрутирования отражает принципы выдвижения новых членов. Учитываются как формально определенные нормы и правила, так и принятые неформальные практики. В различные исторические периоды тип политической системы обеспечивал доминирование тех или иных каналов пополнения властных групп, приоритет тех или иных механизмов рекрутирования.

Можно выделить два условных типа организации власти и отношений внутри правящей элиты монархических государств. В первом случае, при условно-бюрократической модели, представители элиты обязаны своим положением в

⁹⁶ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. С. 18.

первую очередь политическим факторам, определяющимся волей государя. Во втором, условно-феодальном, речь идет скорее об экономической детерминированности положения знати (родовое имя, феодал), ограничивающей в некоторой мере власть государя. Различное положение правящей элиты по отношению к власти и воле государя обуславливает доминирование разных принципов рекрутирования элиты. Специфика именно российской модели взаимоотношений внутри элиты и элиты с сувереном, установившейся к XVIII веку, приближена скорее к первому варианту и будет рассмотрена в настоящей работе далее.

Разумеется, следует учитывать, что в отдельные исторические периоды может происходить изменение типа организации власти и положения правящей элиты, однажды заданная схема не является незыблемой. В моменты трансформации государственного управления старые механизмы подбора кадров могут нарушаться, появляются новые «вакансии», которые заполняются с изменением принятых процедур. Подобные процессы мы можем видеть на примере первой половины XVIII века, когда череда дворцовых переворотов приводила к появлению в высших элитных слоях сторонников того или иного государя, падению и ссылке соратников предыдущего монарха. Далее рассмотрим, каким же образом сформировался механизм управления в России к XVIII веку и как это отобразилось на принципах формирования элитных групп и властных институтов.

Как было отмечено выше, многие исследователи обращали внимание на специфические условия складывания государственности России, к которым традиционно относят суровые природно-климатические условия, неблагоприятные внешнеполитические условия, «догоняющий тип» развития. Перечисленные факторы обуславливали рост мобилизующей роли государственной власти. Необходимость выделения средств на оборону и форсированное, догоняющее развитие вкупе с недостаточностью прибавочного продукта, денежных ресурсов приводили к усилению централизации управления, подчинению жизнедеятельности всех слоев общества реализации государственных интересов.

Для характеристики такого типа управления, где отношения государства и общества в целом, государства и элиты в частности, строятся на необходимости всеобщей службы для достижения целей развития О.В. Гаман-Голутвина использует понятие служилого государства. Отечественный историк Б. Н. Чичерин отмечал, что в такой системе «все подданные прикреплены... к местам жительства или к службе, все имеют свои назначениям служение обществу»⁹⁷. В подобных условиях принцип «привилегии за службу», являвшуюся обязательной, можно считать основанием для элитного рекрутирования.

Особенностью формирования элиты, проистекающей из природно-климатических условий развития страны, стало то обстоятельство, что основой крупных состояний аристократии не было эффективное земледелие в том качестве, как это сформировалось в Западной Европе. Со времен Киевской Руси правители земель основным источником дохода видели взимание дани, а не сельскохозяйственную эксплуатацию. Вследствие наличия бескрайних просторов рабочая сила стала большей ценностью чем земля как таковая⁹⁸. С возвышения Москвы и укрепления княжеской власти, произошло слияние верховной власти и собственности, наделившее великих князей всеми правами на землю и позволившее требовать обязательной службы от всего подконтрольного населения. В сопровождавшем расцвет Московского царства процессе распада родового землевладения князей и перехода их на московскую службу многие получали поместья и вотчины в различных уездах страны, преимущественно за пределами родовых уездов, что препятствовало формированию крепкой связи представителей высшей знати с какой-либо конкретной территорией и «княжеско-боярская знать, служившая в Думе и при дворе, не составляла какой-то особой группы

⁹⁷ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: веки исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. С. 54.

⁹⁸ Пайпс Р. Россия - тысяча лет одиночества: [сборник] / Пайпс Р., Тойнби А. Д., Фукуяма Ф., Хантингтон С. Ф. М.: Родина, 2020. С. 9.

независимых земельных магнатов»⁹⁹. Практика конфискации вотчинных владений еще больше закрепила в психологии элиты сознание зависимости своего положения от государственной службы. Зависимое положение высшей аристократии, отсутствие иных значимых источников экономического благополучия, кроме воли монарха, усиливало монополию государства на власть¹⁰⁰. В дальнейшем экономическое положение элиты определялось в первую очередь службой. Таким образом, выбирая из упомянутых выше моделей организации взаимоотношений суверена и его элиты, мы можем говорить о сложившемся к XVIII веку условно-бюрократическом типе и учитывать присущие ему характеристики процессов рекрутирования, в первую очередь более зависимое положение аристократии.

Свое окончательное оформление как государство служилого типа Россия получает в правление Петра I. В эту эпоху наиболее ярко проявляется необходимость максимального средоточия всех ресурсов, как людских, так и финансовых для решения классически стоящих перед страной задач, где наиболее важными представлялись борьба с внешней угрозой (войны) и необходимость форсировать развитие для приближения государства во всех отношениях к государствам Западной Европы. Таким образом, в ситуации, когда все слои населения так или иначе призваны обслуживать в первую очередь государственные потребности, основанием для стратификации общества становится характер, формат вменяемых повинностей.

С петровскими реформами видоизменялись принципы рекрутирования (по крайней мере декларируемые), важнейшим принципом элитообразования стала забота о качестве правящих «кадров». Изменение системы управления государством, создание новых учреждений требовали более высокой

⁹⁹ Павлов А.П. Государев двор и формирование русской правящей элиты во второй половине XVI века // *Modernizacja struktur władzy w warunkach opóźnienia. Europa Środkowa i Wschodnia na przełomie średniowiecza i czasów nowożytnych*. Warszawa: DiG, 1999. С. 103.

¹⁰⁰ Кобрин В.Б. *Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.)*. М.: Мысль, 1985. С. 207.

квалификации государственной элиты. Отсюда стремление обеспечить европейское образование и разделение службы на военную и гражданскую (совмещение снижало качество выполнения каждой) с соответствующей подготовкой и обучением. Важным шагом, определившим формальную и реальную внутриэлитную иерархию на столетия вперед, стало издание в 1722 году Табели о рангах, установившей соотношение чинов придворной, военной и гражданской службы с личной выслугой. В проекте Табели была дополнительная статья, где Пётр отдельно останавливался на необходимости образования для дворян, что должно было способствовать более быстрому карьерному росту, получению более высоких чинов и рангов.

Главным критерием рекрутирования в складывавшейся системе должна была стать служебная заслуга. В допетровской России основным механизмом распределения должностей являлось местничество – порядок, учитывавший скорее не личный качества и успехи, а положение рода. Следует отметить, что Военная коллегия при составлении дополнений к Табели «недвусмысленно высказалась против того, чтобы при определении «знатности» дворянина исходить из породы и ставить на первое место титулы»¹⁰¹. Пётр учёл эти пожелания, выбрав в качестве основы знатности служебные отличия, но тем не менее сохранил упоминание о разделении дворянства на выслуженное и «знатное».

Насколько успешной была такая попытка введения меритократического принципа рекрутирования элиты, основанного на таланте, личной доблести и служебной заслуге, а не на связях и знатности рода? Исследователи отмечают, что Табель напоминала предшествовавшую московскую иерархию чинов. Но по сравнению с Московским царством, где доступ в высшие эшелоны власти был связан с родовой принадлежностью и личные заслуги играли роль в рамках узкого коридора возможностей на низшем и среднем уровне, новое устройство службы формально открывало доступ более широкому кругу дворян, в том числе из

¹⁰¹ Троицкий С. М. Из истории создания Табели о рангах // История СССР. 1974. № 1. С. 109.

незнатных семейств. Кроме того, само получение дворянского звания становилось возможным при достижении определённого класса. Все эти условия в теории предполагали менее закрытый характер государственной элиты.

Тем не менее, исследователи считают, что попытка введения меритократического принципа не отразилась серьезно на сохранявшемся предыдущие столетия закрытом характере рекрутирования элиты, был лишь слегка приоткрыт вход для представителей других, более низких слоев общества. Традиционно в историографии реформы Петра I представлялись радикальными изменениями старых порядков с целью создания модернизированного европейского государства. Исследования последнего времени скорее пересматривают данную установку, указывая на сохранение старых практик под «новыми вывесками». «В конфликте принципов эффективности и наследственности господствующий класс не шел на серьезный компромисс, на ущемление своих привилегий, а лишь на некоторые уступки; это приводило к тому, что принцип эффективности обычно приносился в жертву принципу сословности»¹⁰². Кроме того, вероятно у Петра не было задачи заменить старую аристократию на выходцев из низов. От старой элиты требовалось подстроиться под видение монарха и образоваться на европейский лад и её представители быстро адаптировались в стремлении сохранить социальный статус. Дженет М. Хартли отмечает, что «члены старой знати в правление Петра I могли наилучшим образом воспользоваться новыми возможностями в образовании и обучении за рубежом и быстро продвигаться по служебной лестнице»¹⁰³. На практике одни и те же фамилии сохраняли позиции в той или иной мере на протяжении XVIII века.

Несмотря на складывавшуюся в XVIII веке систему чиновничества, когда и положение личности в глазах общества и основа её самооценки стала диктоваться занимаемым местом в иерархии Табели, исследования по самопрезентации

¹⁰²Ашин Г. К. Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С.89.

¹⁰³Hartley Janet M. A social history of the Russian empire, 1650-1825. London: Longman, 1999. P. 54.

русского дворянства в тридцатых годах показывают, что структура благородного сословия в восприятии его представителей выглядела иначе. С. В. Польской, проанализировав данные самопрезентации за 1730 год, выделяет три группы, отчасти сохранившиеся от Московского царства¹⁰⁴:

- аристократия («фамильные», «сильные», «первые фамилии», «главные персоны», «в великом шляхетстве») - представители старой московской элиты, сохранившей ключевые посты в управлении государством;
- шляхетство («доброе шляхетство», «шляхетства среднего», «средние») - средние слои шляхетства, наследники московского и провинциального дворянства, обладавшие достаточной собственностью;
- низкое шляхетство («подлое шляхетство», «мелочь», «мелкие») - мелкопоместные и беспоместное дворянство.

Первая группа сохраняла ключевые посты в управлении, могла оказывать влияние на самодержца. Вторая представляла основной «костяк» сословия, третья из-за своей зависимости была основным объектом воздействия как со стороны монарха, так со стороны «фамильных» патронов. Таким образом, можно предположить, что отмечаемое историками и современниками гипертрофированное значение чиновного статуса в последующей истории Российской империи на протяжении пореформенного XVIII века находилось в процессе становления. Что, безусловно, постепенно отражалось на самовосприятии элиты и влекло изменение традиционных практик внутриэлитных взаимодействий и механизмов рекрутирования, представлявших подвижную комбинацию старого и нового.

Попытка стимулирования служебного усердия с помощью установления нового порядка карьерного и социального продвижения в условиях зависимого положения и тяжести самой службы встречала мало энтузиазма среди высших слоев аристократии. Отсутствие рвения привилегированного класса к исполнению

¹⁰⁴ Польской С. В. Двор и «придворное общество» в послепетровской России // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 337.

верноподданнического долга предопределяло мобилизационные меры принуждения, применяемые в отношении элиты. Как отмечает О. В. Гаман-Голутвина, «массированное применение мер насилия вызвано несинхронностью политического «взросления» общества и его элиты по отношению выдвигаемым в качестве условий выживания социума задачам»¹⁰⁵. Сама идея обязательной службы существовала и в XV-XVI вв. но именно на XVIII век, его начало, приходится наиболее активная реализация, потому как царская власть при Петре обладала достаточными для этого ресурсами. Необходимость жестко-централизованного управления вследствие форсированного развития приводила, и особенно ярко это проявилось во времена правления Петра Алексеевича, к необходимости принудительных действий. В отношении элитных слоев был в полной мере задействован репрессивный аппарат. Петр под угрозой конфискации имений, а иногда и «лишения живота» собирал шляхетство на смотры. Как следствие, обязательная служба воспринималась скорее как тяжкая повинность, чем как верноподданнический долг и привилегия дворянского сословия¹⁰⁶.

Намерение государства подчинить всецело деятельность высшей аристократии своим целям рождало ответное желание элиты избавиться от подобного давления. В зависимости от личности государя такое противостояние либо приводило к репрессивным мерам верховной власти, либо аристократия способствовала смене правителя, что наглядно продемонстрировано на протяжении эпохи дворцовых переворотов. В то же время, события вокруг восшествия на престол Анны Иоанновны показали отсутствие необходимой сплочённости элиты, готовности к консолидации и внутриэлитному взаимодействию. В результате и аристократия, и среднее дворянство подчинились верховной власти. Наконец, принятый в 1762 году Манифест о вольности

¹⁰⁵ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической революции. М.: РОССПЭН, 2006. С. 111.

¹⁰⁶ Марасинова Е. Н. Бюрократия и власть в Российской империи (XVIII - начало XX в.): постановка проблемы // Психологические свойства современного исторического знания: Материалы II международного рабочего семинара по исторической психологии, 8 февраля 2003. Краснодар, 2003. С. 122.

дворянской формально разрешил указанное противоречие в пользу дворянства, освободив этот слой, и в том числе элитную его часть, от обязательной службы. Дальнейшее смягчение политики государства относительно выслуги в виде указов, позволявших автоматически переходить в следующий класс по истечению положенного срока, также обесценивало первоначальное намерение повышать подданных по заслугам и облегчало карьерный рост.

В ситуации, когда государственные предписания и рестрикции строги и претендуют на тотальный контроль, традиционно существует и третий вариант адаптации подданных к действительности, помимо борьбы и безусловного подчинения. Построенные на личных отношениях и коррупции механизмы «ускорения» карьерного роста дворянских детей, зачисляемых с малых лет на службу и продвигавшихся в чинах формально позволяли в определенной степени нивелировать жесткость установленных царем-реформатором рамок. В итоге, отпрыски знатных и богатых фамилий вновь получали стартовое преимущество, начиная фактическую службу отнюдь не с низших карьерных ступеней.

С отменой обязательной службы дворянство теряло действовавшие прежде репрессивные стимулы служебного усердия и должно было найти новое основание для карьерных амбиций. Исследователи полагают, что к моменту принятия Манифеста необходимость государственной службы и значение чина как показателя престижа в личных отношениях уже достаточно закрепились в сознании шляхетства¹⁰⁷. Кроме того, свобода выхода в отставку всячески властью ограничивалась по возможностям получения увольнения и порицалась на идеологическом уровне, как бесполезное для общества времяпрепровождение.

Итак, действовавший прежде принцип мобилизационного рекрутирования элит во второй половине XVIII века нарушен после отмены всесословной служебной повинности и усиления привилегий в первую очередь дворянского сословия (Жалованная грамота дворянству 1785 года). Указы 1764 и 1767 годов,

¹⁰⁷ Там же. С. 125.

установившие продвижение по служебной лестнице по истечении определенного срока, практика определения на военную службу детей аристократии с самого нежного возраста, сохранение роли патрон-клиентских отношений — все это являлось во многом ревизией заявленных петровских принципов отбора кадров для высшей государственной службы. «Термины «заслуги» и «служение», безусловно, подразумевающие минимальный уровень компетентности, наиболее явно ассоциировались с такими понятиями, как статус и положение чьей-либо семьи на протяжении нескольких поколений, доказывающее заслуги предков в долгой службе короне, а также уровень культуры и утонченности потомка, отражающий не сколько техническую экспертизу, сколько, что более важно, аристократические и учтивые манеры»¹⁰⁸.

1.1.2. Роль императорского двора во взаимоотношениях элиты с монархом

Власть, согласно традиционной «казуальной» концепции, в обществах любой эпохи осуществляться как с помощью позитивных, стимулирующих, методов, так и негативных, влекущих определенные санкции за отклоняющееся поведение. Среди позитивных санкций, вознаграждающих индивидов за желаемые действия и общую лояльность, могут быть повышение по службе, знаки отличия, материальное вознаграждение и, особенно актуальное в контексте данного исследования, право доступа в элитные сообщества. Сама по себе «инкорпорация в элиту также является наградой, дача которой сопровождается присвоением первоначального политического капитала»¹⁰⁹. Иными словами, присвоение и лишение политического капитала выступает методом управления обществом через награждение и наказание.

Для анализа процессов рекрутизации правящей элиты, существующих механизмов попадания в высшие эшелоны власти, необходимо понимать какие

¹⁰⁸ Rancel D.L. The politics of Catherinian Russia. The Panin party. New Haven - London: Yale University Press, 1975. P. 279.

¹⁰⁹ Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 51.

институты в том или ином обществе отвечают за подобный отбор. В контексте настоящего исследования мы рассматриваем императорский двор Екатерины II как такой институт и постараемся ответить на вопрос, был ли он преимущественно местом присвоения первоначального политического капитала или же пожалование придворным званием представляло собой вознаграждение за уже существовавшие заслуги. Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо прежде определить, каким образом императорский двор был встроен в систему внутриэлитных отношений, отношений государственной элиты с монархом, в чем было его значение как института власти и одного из центров власти в исследуемый исторический период.

В мировой историографии начало более предметному изучению дворов европейских монархов в раннее Новое время было положено немецким историком Норбертом Элиасом. Как отмечает современный исследователь данной темы Й. Дёйндам: «его эпохальные труды восстановили актуальность и легитимность двора как темы исследования среди поколения историков, которые ранее были склонны игнорировать её»¹¹⁰. Элиас видел в качестве причины формирования придворного общества (на примере французского) борьбу фрондирующей аристократии с усилением власти монарха, становлением абсолютизма. Монарх заинтересован в определенном механизме контроля над элитами базирующемся в первую очередь на ненасильственных методах. Постоянное наличие аристократии в поле зрения суверена дает возможность именно такого контроля. Сам механизм заключался в определённом наборе символических действий и соответствующей иерархии придворных. При этом ученый рассматривал именно социокультурный, а не институциональный аспект вопроса. Аристократии же присутствие при дворе по Элиасу предоставляет возможности карьерного роста. Кроме того, само придворное общество, согласно выводам исследователя, оказало значительное

¹¹⁰ Duindam J. F. J. *Vienna and Versailles: The courts of Europe's dynastic rivals, 1550-1780*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 7.

влияние на развитие всей европейской цивилизации, установив новые культурные приоритеты и формы общения.

С ревизией во второй половине XX века концепции абсолютизма, критике подверглись и взгляды Элиаса на суть взаимоотношений монарха и аристократии. Как отмечают современные исследователи абсолютных монархий, реальная власть суверена отнюдь не была безусловной и ограничивалась его финансовыми возможностями, необходимостью маневрировать между различными элитными группами, в том числе и региональными, фактически слабым развитием бюрократического аппарата при высокой роли патрон-клиентских отношений. Если ранее в абсолютизме видели средство ликвидации старого феодального общества посредством перехода к новой рациональной бюрократии, то в последнее время историки делают акцент скорее на личных связях и клиентеле как более важных инструментах власти, а сам абсолютизм предстает как «амальгама новых политических запросов, реализуемых путем кооптации и вовлечения традиционных элит, корпоративных институтов и определенных идейных установок»¹¹¹. Подвергается сомнению и концепция сознательной и целенаправленной борьбы государя и представителей сословий в процессе укрепления власти суверена как модернизирующая историю¹¹². Модель монархического правления до определенного времени устраивала общество, неприятие вызывало нарушение баланса системы в сторону деспотических властных проявлений, нарушавших так называемое естественное право, диктуемое «старинной». Монархи со своей стороны были заинтересованы скорее в поддержке своей деятельности обществом и существовавшими формами общественной организации, чем в подавлении и ликвидации любых институтов и сословных представительств. Таким образом, по мнению историков-ревизионистов идея абсолютной монаршей власти существовала как желаемая цель, некий миф,

¹¹¹ Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Древлехранилище, 2001. С. 38.

¹¹² Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. С. 199.

транслируемый правительством и монархом, чрезвычайно важный для легитимации системы, но лишь частично подкрепленный действительностью.

По мнению Н. Хеншелла, всесторонне рассматривавшего этот вопрос в работе «Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени», в монархиях указанного периода в самом общем виде «успешная реализация прерогатив, а также способность увеличивать её [прерогативы] размеры при минимальной оппозиции отличала сильных государей от слабых»¹¹³. «Успешная реализация» подразумевает взаимодействие с институтами и представительствами сословий (в том числе с элитами через двор монарха) с целью легитимизации деятельности суверена.

Исследуя предметно монархии Англии и Франции, Хеншелл в то же время приводит примеры и других государств XVII-XVIII веков, в том числе утверждает, что несмотря на определенные особенности связанные с более деспотическим характером власти, модель управления Российской империей с точки зрения правомерности применения термина «абсолютизм» существенно не отличалась от современных ей моделей власти других монархий. Как и в других государствах Европы раннего Нового времени, согласно историку, в России отсутствовала ключевая для ранее общепринятой концепции абсолютизма составляющая - зависящий лишь от суверена мощный бюрократический аппарат. Наличие бюрократических черт не делает чиновников бюрократами в полном смысле слова, так как в исследуемое время должность скорее определялась положением человека, а не наоборот¹¹⁴. Повсеместное действие личных связей и патрон-клиентских отношений размывали иерархию администрирования, которая обладала как чертами патриархальной, так и рациональной власти в понимании данных терминов согласно теории Макса Вебера. А, следовательно, при имплементации своей власти монархи Российской империи так же, как и

¹¹³ Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. С. 199.

¹¹⁴ Там же. С. 59.

европейские современники, не могли всецело опереться в XVIII веке на мощный бюрократический аппарат, состоящий из независимых от элитных групп и преданных лично королю представителей третьего сословия, позволяющий пренебрегать всеми существующими институтами и мнением знати. Исследователь государственного управления России XVII-XVIII вв. Л. Ф. Писарькова отмечает, что к концу правления Екатерины II «при населении в 37,4 млн человек на каждого из 38 тысяч чиновников и канцелярских служителей приходилось 980 жителей России»¹¹⁵. При этом во Франции, которую традиционно принимали за образец воплощения на деле концепции абсолютизма и чью достаточную обеспеченность бюрократическим управлением ставят под сомнение историки-ревизионисты, в это же время их соотношение равнялось 1 к 290¹¹⁶.

Пересмотр историками прежних теоретических положений касаясь абсолютных монархий Европы отразился и на восприятии концепции Элиаса в той ее части, которая представляет двор в качестве «золотой клетки» для дворян, не имевших реального влияния и реальной власти. К примеру, Й. Дёйндам доказывает в своей работе, посвященной французскому и венскому дворам¹¹⁷, что аристократы, обладавшие придворными званиями и вследствие этого прямым доступом к монарху, на самом деле были интегрированы в систему реального управления государством. Принятие государственных решений во многом обуславливалось влиянием патрон-клиентских связей, межфракционными отношениями и влиянием фаворитизма. Таким образом, констатирует Й. Дёйндам, двор в эпоху раннего Нового времени был «наиболее распространенной формой власти»¹¹⁸ и местом, где формировалась высшая государственная элита. Политический капитал и

¹¹⁵ Писарькова Л. Ф. Российская бюрократия XVIII в.: состав и численность // Петр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С.229.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Duindam J. F. J. Vienna and Versailles: The courts of Europe's dynastic rivals, 1550-1780. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 349 p.

¹¹⁸ Цит. по: Польской С. В. Двор и «придворное общество» в послепетровской России // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М.: РОССПЭН, 2013. С. 321.

возможности, которые предоставляло нахождение при дворе, побуждали дворянство добровольно туда стремиться, а не вследствие политического давления, как полагал Элиас. Н. Хеншелл отмечает, рассматривая английский дореволюционный королевский двор, что он также представлял собой «центральный сортировочный пункт», через который происходило распределение королевских милостей среди центральных и местных управленцев¹¹⁹, а уже после революции и укрепления парламента как центра власти, двор Ганноверской династии продолжал оставаться местом, где решались политические задачи через старые методы угождения и лесты¹²⁰. В качестве центра политического влияния английский двор рассматривал и английский историк Д. Старки¹²¹. Двор европейских монархов раннего Нового времени как центр принятия решений, влияющих на жизнь государства и церкви, исследуют и иные историки¹²², отмечая, что сами пространственные конфигурации многих королевских дворов отражают фактическое пересечение функций двора как домохозяйства правителя и как центра принятия решений правительства¹²³.

Критикуя положения Элиаса, Дёйндам все же заключает: «Элиас осветил многие модели поведения элиты, и некоторые из его концепций, несомненно, по-прежнему имеют большое значение для изучающих придворную жизнь»¹²⁴. К примеру, вполне актуальным представляется исследователям¹²⁵ анализ двора в качестве «поля господства», где исключено физическое насилие и принуждение, а основой воздействия является символическая власть правителя, реализуемая через

¹¹⁹ Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. С. 102.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Starkey D. The English Court from the Wars of the Roses to the English Civil War. London: Longman & Co., 1987. P. 102.

¹²² The princely courts of Europe: Ritual, politics and culture under the Ancien Regime, 1500-1750 // Ed. by Adamson John/ London: Seven dials, 2000. P. 7.

¹²³ Там же. P. 12.

¹²⁴ Duindam J.F.J. Vienna and Versailles: The courts of Europe's dynastic rivals, 1550-1780. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 7.

¹²⁵ Польской С. В. Двор и «придворное общество» в послепетровской России // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М.: РОССПЭН, 2013. С. 324.

определенные виды контроля, поощрения и наказания, имеющие символическую природу. В этом отношении велика роль этикета и церемониала, выступающих в качестве «сигнального аппарата» системы. Сковывающая и регулирующая роль церемониала при этом действовала в обоих направлениях, налагая значительные ограничения на повседневную жизнь и самопрезентацию государя. Н. Элиас также указывает, что «положение единоличного властителя требует исключительно точно выверенной стратегии поведения, если его обладатель хочет надолго сохранить трон за собой»¹²⁶. Кроме того, Элиас отмечает специфику общения при дворе, основанную на стремлении контролировать аффекты и продумывать коммуникацию исходя из выбранной тем или иным аристократом стратегии. Опираясь на данное выше определение социального института как совокупности формально и неформально закрепленных норм, представляющих собой установленные во времени последовательности действий, неисполнение которых влечет определенные санкции, мы вполне можем утверждать, что двор европейского монарха раннего Нового времени отвечает этому определению.

Царский, а затем и императорский двор, и придворное сообщество в российской историографии в основном представлены работами, отражающими многомерный срез хозяйственного бытия и развития, но не роль придворного общества в системе управления государством. Что касается времени возникновения придворного сообщества и двора, встречается мнение, что уже во второй половине XVII века в Московском царстве формировалось придворное общество. П. В. Седов обосновывает данное утверждение тем, что на протяжении всего XVII века росла численность государева двора, существовали материальные поощрения и «дачи» входившим в эту группу, появлялись черты фаворитизма, особо выделялся чин «спальников»¹²⁷. Тем не менее, там же автор отмечает, что лишь петровская Табель о рангах окончательно оформляет разделение службы,

¹²⁶ Элиас Н. Придворное общество: исследование по социологии короля и придворной аристократии. с введением: Социология и история М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 36.

¹²⁷ Седов П.В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. С. 77.

выделяя особо придворную, и придворное общество возникает в полном смысле не ранее начала XVIII века.

Взгляд на Государев двор позднего Московского царства как на подобную европейским дворам нового времени формальную и социальную организацию жизни вблизи монарха противоречит фактическим реалиям эпохи. Прежде всего, само понятие «государев двор» является скорее сконструированным историками, чем аутентичным эпохе конкретным списком чинов, обладающим четкой иерархией. В отечественной историографии начиная с XIX века данное выражение применяют, как правило, к высшим московским, дворцовым и думным чинам, а также отождествляя его с понятием «правлящая элита»¹²⁸. Таким образом, мы можем заключить, что не существовало формально определённого института, с соответствующим набором чинов и процедур, подобного европейским дворам Нового времени.

Допускаем, что какие-либо элементы придворного общества тем не менее могли складываться на уровне высшей государственной элиты и в XVII веке. Но, это далеко от значения двора согласно концепции Элиаса. Как отмечает С. В. Польской, для придворного общества характерна не только формальная организация и набор закреплённых действий, но и особая культурная составляющая. Для придворных, как уже было отмечено выше, характерен контроль аффектов и поступков, обусловленный взаимозависимостью вельмож, а также разделение публичной и приватной жизни. Отсюда рождение особого жанра дневников и мемуаров, стремление к личному пространству в виде кабинетов и прочее. В Московском царстве подобных культурных явления массово не наблюдалось, церемониал диктовался в первую очередь религией, а споры и конфликты скорее решались физическим и символическим насилием.

¹²⁸ Захаров А. В. «Государев двор» и «царедворцы» Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682 -1750 гг.). М.: РОССПЭН, 2013. С. 23.

Тем не менее, и в XVII веке монарх, безусловно, основывал свою власть на системе личных отношений с высшей аристократией, нуждался в сильной и сплочённой элите с обширной клиентелой. В таком аспекте придворной жизни, как отношения с государем, важную роль играла система местничества. Последняя позволяла царю осуществлять контроль над элитой, а элите давала возможность оспаривать места в иерархии чинов. Как отмечает Н. Ш. Коллман, местничество следует рассматривать в качестве средства поддержания политической стабильности и поощрения лояльности элиты¹²⁹. Тем не менее эта форма взаимодействия монарха и элиты постепенно «отмирала», что привело к относительно безболезненному её упразднению.

В правление Петра Великого аристократии была предложена новая модель взаимодействия с сувереном и государством через закреплённую систему чинов Табели о рангах. Был учреждён императорский двор и придворные чины по европейскому образцу. Однако сам государь-реформатор не рассматривал императорский двор как особый институт, через который реализовывалась его личная власть, упорядочивались бы отношения с высшей аристократией. Чрезвычайность его полномочий и неограниченность власти в большой степени определялись военным положением страны, а также харизматическим типом лидерства.

В качестве инструмента взаимодействия с элитой и укрепления власти самодержца по-настоящему императорский двор стал востребован с правлением Анны Иоанновны, стремившейся упрочить свое положение. Тогда же вышли и первые инструкции высшим придворным чинам, позволявшие регламентировать придворную жизнь. Были утверждены штат и жалование, церемониал, ориентированный на западные образцы. При Анне Иоанновне придворная жизнь систематизируется, подчиняется церемониальному распорядку. Возрастает и роль фаворитизма, который «перестал быть только проявлением личных склонностей

¹²⁹ Коллманн Н. Ш. Соединённые чеством. Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Древнехранилище, 2001. С. 270.

государя и стал важнейшим элементом в механизме монархии»¹³⁰. Благосклонность монарха или влиятельного вельможи, обеспечивавшая усиление личного влияния и материального благополучия, становится для аристократии желанной целью. В борьбе за власть образуются неустойчивые союзы - придворные партии. «При отсутствии правовых традиций и представительных органов «регулятором» политики стали не законы и институты, а придворные интриги, а со временем – гвардия»¹³¹. Однако, если рассмотреть и императорский двор, и Конференцию при высочайшем дворе Елизаветы Петровны, и Совет Екатерины II в принятом в настоящей работе понятии института (как как формально определенную организацию с соответствующим образом зафиксированными нормами и правилами), то мы можем согласиться с Н. Хеншеллом в том, что правителям монархий раннего Нового времени (в том числе тем, которые принято считать абсолютистскими) все же необходимы были специфические институты¹³², легитимизирующие их власть, носящие «консультирующие» функции при оставлении конечных решений в вопросах политики за сувереном.

При Елизавете Петровне двор как инструмент взаимодействия с элитой продолжал оттачиваться и достиг наиболее совершенной формы в период правления Екатерины II. Иерархия чинов при дворе давала императрице возможность тонкого управления высшей знатью через пожалование тех или иных должностей. Служебное усердие дворянства стимулировалось как материальными благами в виде денежных и земельных пожалований, так и символическими жестами, знаками особого расположения императрицы с разной степенью престижности. «Власть умело сочетала все перечисленные рычаги воспитания верноподданических чувств.....механизм подобной социальной регуляции призван был действовать безотказно, поскольку он обеспечивал обладание

¹³⁰ Курукин И. В. Бирон. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 98.

¹³¹ Там же. С. 105.

¹³² Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. С. 239.

престижной мерой богатства и породил горделивое чувство причастности к власти, господствующему классу, сильному государству»¹³³.

Дамы и кавалеры стремились снискать расположение не только лично императрицы, но и лиц, находившихся в фаворе, что требовало особой ловкости. Через всевозможные интриги и ухищрения та или иная партия стремилась возвыситься при дворе. Императрице не оставалось ничего иного, как включаться в эту тонкую игру, дабы не позволить аристократам, и так чрезвычайно облагодетельствованным в ее правление, ограничить ее власть. Двор был ареной борьбы группировок знати, обладавших своими клиентскими сетями. Для обеспечения прочности власти монархам (и в этом отношении правление Екатерины II имеет общие черты с правлениями других европейских монархов, в частности Людовика XIV) требовалось внимательно следить за этой борьбой, распределять милости так, чтобы привлечь на свою сторону как можно большее число сторонников и не допустить чрезмерного возвышения ни одной из партий, поскольку это могло угрожать персональной власти суверена.

Таким образом, императорский двор во второй половине XVIII века был наиболее близок к центру власти и конечному источнику покровительства и патроната - государыне, являлся важным и незаменимым элементом управления страной.

Во второй половине XVIII Екатерине II удавалось поддерживать баланс между чувством собственного достоинства просвещенной личности и интересами монархии. «Фрондерские настроения уживались с верноподданическими идеалами в сознании одной личности, порождая причудливые характеры едких пересмешников екатерининского царствования»¹³⁴. Но со временем и, в первую очередь, благодаря росту общего уровня образования в среде высшей

¹³³ Марасинова Е. Н. Бюрократия и власть в Российской империи (XVIII - начало XX в.): постановка проблемы // Психологические свойства современного исторического знания: Материалы II международного рабочего семинара по исторической психологии, 8 февраля 2003. Краснодар, 2003. С. 125.

¹³⁴ Там же. С. 128.

аристократии, представители околовластных элит начинают мыслить все более независимо, различая службу монарху и службу Отечеству.

1. 2. Императорский двор. Формальная структура, политическое и культурное значение

1.2.1. Определение

Прежде чем приступать к более предметному исследованию двора Екатерины II, следует дать определение самому термину «двора» относительно рассматриваемого периода, а также обозначить актуальную для настоящей работы степень «широты» понятия.

В научной литературе нет единого универсального определения двора монарха. Многие исследователи констатируют неоднозначность понятия. Так С. Диксон предлагает различать «двор как институт, двор как сообщество придворных и двор как место пребывания», при этом подчеркивая, что «разводя каждое из этих значений мы теряем особый смысл целого»¹³⁵. Й. Дёйндам отмечает, что современники подразумевают под двором как минимум три его «измерения»: «дворец, правитель и его вельможи, правитель и его совет»¹³⁶. К вышеперечисленным аспектам понятия следует также добавить, что дипломаты - современники событий, рассуждая об «интересах двора» или «партиях двора», имеют в виду скорее внешнеполитический аспект.

В рамках данного исследования нас интересует прежде всего место и значение императорского двора в системе управления государством и межэлитном взаимодействии. Отметим, что в зарубежной литературе определение двора времен абсолютной монархии отражает не только его функцию августейшего

¹³⁵ Цит. по: Польской С. В. Двор и «придворное общество» в послепетровской России // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М.: РОССПЭН, 2013. С. 353.

¹³⁶ Duindam J. F. J. Royal courts in dynastic states and empires: A global perspective / Eds. Jeroen Duindam, Tülay Artan, Metin Kunt. Leiden-Boston: Brill, 2011. P. 404.

домохозяйства, но также функции администрации государя и отчасти правительства, как, например, его дает немецкий социолог и историк Н. Элиас или Й. Дёйндам¹³⁷. Выполнение последних из указанных функций относится, разумеется, лишь к определенной части представителей двора и здесь следует определить круг лиц, относимых к данной общности в настоящей работе.

Историк О. Г. Агеева предлагает в своей работе «Императорский двор России. 1700-1796 годов» определение, приписывающее к указанному институту не только представителей «верхушки общества», но служилых людей «нижней части социальной лестницы», обеспечивающих ежедневное функционирование придворной жизни, таких как: бухгалтеры, писари, ремесленники, кондитеры, повара, белошвейки и прочие. Последние едва ли оказывали существенное влияние на государственные дела, поэтому для целей настоящего исследования более интересны персоналии, составлявшие так называемое «придворное общество»: высшие придворные чины, а также лица, «обязанные по положению в обществе присутствовать на придворных протокольных мероприятиях - приемах празднествах и прочее»¹³⁸. Другой исследователь С. В. Польской отмечает, что «в самом широком смысле двор — это и есть правящая элита империи, символически объединенная вокруг монарха»¹³⁹. Он же полагает, что регулярный состав двора включал не только придворные чины по штату, но и представителей 1-5 классов Табели о рангах, поскольку они и их семьи должны были участвовать в торжественных церемониях и празднествах. Представленное в таком составе общество двора формирует по автору общественное мнение, «влияющее на политические представления членов элиты, а, следовательно, и на их поведение»¹⁴⁰. Не могло не иметь место взаимное влияние придворного общества на императрицу и императрицы на формирование придворного общества и судьбы его участников.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Агеева О.И. Императорский двор России. 1700-1796. М., 2008. С.6

¹³⁹ Польской С.В. Двор и «придворное общество» в послепетровской России // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 353

¹⁴⁰ Там же. С. 355.

Тем не менее, более широкая трактовка состава двора не позволяет, на наш взгляд, оценить значение придворных чинов в карьерах представителей элиты, роль двора как формально определенного института. Поэтому для целей исследования под императорским двором будет пониматься общество придворных кавалеров с чинами от камер-юнкера и выше. Именно эти представители знати составляли ближайшее, многие из них и ежедневное, окружение императрицы.

Обобщая вышеизложенные точки зрения и исходя из целей исследования, далее под императорским двором России времен Екатерины Великой будет подразумеваться социальный институт, выполняющий ряд функций общегосударственного и частного характера, обладающий определенным структурным и номенклатурным составом, а также нормативно закрепляющий обязанности составлявших его лиц. В работе в большей степени рассматривается те представители двора, которые действительно могли оказывать влияние на государственные дела уже в силу высокого ранга, а именно придворное общество кавалеров с чинами от камер-юнкера и выше.

1.2.2. Принципы организации и функционирования

Формирование императорского двора европейского образца, способного достойно представлять российскую монархию на международной политической арене восемнадцатого века, прошло ряд этапов. Важнейшим событием, заложившим основу современной екатерининскому времени структуры, следует считать упоминавшееся выше утверждение Табели о рангах 1722 года. Данным документом вводилось соответствие между гражданскими, придворными и военными чинами, ранжирование их по 14 классам. В первоначальном проекте Табели, разработанном А. И. Остерманом, классификация строилась на базе чинов придворного штата. Такой принцип был заимствован из законодательства западных стран, отсюда же были взяты многие названия самих придворных должностей, чаще всего немецкие. Однако, как отмечают исследователи после сопоставления списка Остермана с «Показанием древних российских чинов

гражданских с изъяснением каждого», из 44 должностей 34 существовали ранее в XVII - начале XVIII века. Названия остальных были взяты из таких документов, как «Королевское прусское учреждение о степени 1705 года» и «Устав о рангах» короля Фридриха 1, «а также из «Дворцового регламента курфюрста Бранденбургского Фридриха» от 16 сентября 1699 г. и уставов, определявших обязанности обер-маршала, обер-шталмейстера и других чинов придворного ведомства»¹⁴¹. Проект Остермана был значительно пересмотрен Петром, который изменил сам принцип построения Табели. За основу лестницы чинов царь взял существовавшую в сухопутной армии иерархию, добавив морские офицерские чины. При этом большинство гражданских должностей были ниже на 1-2 ранга военных, придворные чины следовали за гражданскими. Предпочтение ушло к военно-морским чинам, гражданские и придворные наоборот стали наименее значимыми.

Таким образом, была заложена основа придворной иерархии, установлены этапы и формальные правила карьерного роста. Принципы организации данного института опирались на французский образец, двор был призван демонстрировать престиж и благоденствие всего государства и династии. Номенклатура придворных чинов основывалась на прусском и австрийском образцах. Следует отметить, что к рассматриваемому времени правления Екатерины II общая численность чинов относительно начала века выросла в два раза. Во второй половине царствования Екатерины II проекты общего штата двора 1781, 1784 и 1786 года приняты не были, но являлись попыткой обобщить отдельно существовавшие списки, ведомости и штаты по различным подразделениям двора, а, следовательно, могут дать определенное представление о произошедших изменениях в иерархии придворных чинов к концу века. Проект штата 1786 года практически не сократил число служащих и траты по сравнению с проектом 1784 года. Вероятно, именно поэтому О. Г. Агеева проводит в своей монографии «Императорский двор России. 1700-

¹⁴¹ Троицкий С. М. Из истории создания «Табели о рангах» // История СССР. 1974. № 1. С. 100.

1796» сравнительный анализ ведомости двора 1728 года и проекта штата 1784 года, констатируя к концу века следующие изменения. Число придворных чинов в рангах в 1728 году составляло 25, а к 1784 году только число чинов Придворной конторы достигло 47, не учитывая штата придворной конюшни и охоты (но с их первыми лицами), а также штата придворных медиков. С указанными лицами число чинов в рангах выросло до 77¹⁴². Увеличился и ранговый статус придворных чинов. К примеру, в самом высоком для придворных втором ранге относительно Табели о рангах 1722 и ведомости 1728 года числился не один (обер-маршал в 1722 и обер-камергер в 1728), а 6 чинов, повышенных из 3,4,5 и 6 рангов: обер-гофмаршал, обер-гофмейстер, обер-шталмейстер, обер-егермейстер, обер-камергер и обер-шенк¹⁴³.

Управление императорским двором и его сложным хозяйством осуществлялось несколькими конторами и канцеляриями, отвечавшими за разные стороны жизни августейшей семьи и ее окружения. Некоторые из них были реорганизованными дореформенными приказами (например, конюшенный приказ), некоторые были вновь образованы. К началу правления Екатерины II структура имела следующий вид. Главную роль играли Придворная контора и Главная дворцовая канцелярия. В ведении Придворной конторы был императорский двор, все придворные чины и служители, которым она и производила жалованье из сумм по этому назначению из Штатс-конторы. Возглавлялась президентом в чине обер-гофмаршала, в случае его отсутствия - вице-президентом в чине гофмаршала. Вторым главным органом являлась Главная дворцовая канцелярия, ведавшая дворцовыми крестьянами, доходами с дворцовых волостей, имевшая также контору в Москве. На поступающие средства Дворцовая канцелярия обеспечивала всем императорский двор.

Кроме того, существовали Гоф-интендантская контора, в которой было сосредоточено управление дворцами и садами, и Камер-цалмейстерская контора,

¹⁴² Агеева О.И. Императорский двор России. 1700-1796. М.: Наука, 2008. С. 192-193.

¹⁴³ Там же.

которой вверены были убранство и меблировка дворцов. Придворная конюшенная контора отвечала как за придворную конюшню, её служителей и принадлежащие к ней заведения, так и за конюшенные волости, государственные конюшенные заводы. Управлялась обер-шталмейстером или шталмейстером. Императорской псовой и птичьей охотой ведала Обер-егермейстерская канцелярия, возглавляемая обер-егермейстером.

Личным имуществом и делами императрицы занимался Кабинет её императорского величества. В ведение Кабинета, среди прочего, передавались предприятия, обслуживавшие императорские дворцы (Императорский фарфоровый завод, Петергофская гранильная фабрика и другие).

Со времени реорганизации двора при Петре I расходы на его содержание выросли с 200 тысяч рублей в 1727 году¹⁴⁴ до более чем 3 миллионов рублей при Екатерине II, что составляло около 10 % от государственного бюджета. После смерти императрицы при подготовке Павловского штата было констатировано, что на тот момент из казначейства отпускалось: в Придворную контору 3 миллиона рублей, в придворную конюшенную контору 355 000 рублей, в обер-егермейстерскую 80 000 рублей. Тогда как при Екатерине I на содержание одной Придворной конторы выделялось только 92 тысячи¹⁴⁵.

В начале правления Екатерины II двор обеспечивался всем необходимым из Главной дворцовой канцелярии в натуральном выражении. Кроме того, на нужды двора выделялись денежные средства из Штатс-контор-коллегии, расходуемые на жалования и прочие выплаты придворным служителям. Также выделялись суммы из доходов от собственного имущества монарха, управлявшегося Кабинетом. Постоянный рост издержек приводил к нехватке финансирования и внутренним противоречиям между Главной дворцовой канцелярией и Придворной конторой.

¹⁴⁴ Курукин И.В. Русский императорский двор: распределитель благ и "милостей" в системе послепетровской монархии XVIII в.// Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к международной научной конференции, Москва, 21-22 ноября 2019 г. 2019. С. 616.

¹⁴⁵ Агеева О.И. Императорский двор России, 1700-1796. М.: Наука, 2008. С. 172.

Всевозрастающие требования последней и отсутствие какого-либо плана расходования средств приводили к тому, что канцелярия не справлялась с задачей обеспечения двора¹⁴⁶. В стремлении реформировать систему, Екатерина пошла по пути слияния учреждений, рационализации их деятельности. Последовало объединение в 1786 году ведомств Придворной конторы и Главной Дворцовой канцелярии с упразднением последней. Теперь финансирование двора шло в денежном выражении через казначейство, куда и поступали после губернской реформы 1775 года доходы от управления дворцовыми крестьянами. Решить проблему учета и контроля расходования средств до конца не удалось, что констатировал доклад статс-секретаря императрицы А. В. Храповицкого уже в 1788 году.

1.2.3. Штатный состав императорского двора Екатерины II

Как было отмечено ранее, численный придворный состав и ранги чиновников во время правления Екатерины II увеличивались. К придворным кавалерам, являющимся предметом настоящего исследования, штат 1768 года¹⁴⁷ помимо чинов обер-гофмейстера, обер-гофмаршала, обер-егермейстера, обер-шталмейстера, гофмейстера, гофмаршала, егермейстера и шталмейстера отвечавших за разные стороны ежедневной по большей части хозяйственной деятельности императорского двора, относит также чины церемониальной части и лейб-медиков тех же классов и чин обер-камергера, руководившего придворными кавалерами в наиболее массовых чинах камергера и камер-юнкера. Камергерами становились лица лучших фамилий, представляющих двор на публичных церемониалах, они несли постоянное дежурство при монархе и взрослых членах императорской фамилии. Обычно в камергеры жаловались из камер-юнкеров. В августе 1762 года Екатерина II утвердила доклад обер-камергера графа Шереметева, в котором, в частности, были представлены основные обязанности камергеров. Согласно указу,

¹⁴⁶ Там же. С. 157.

¹⁴⁷ Там же. С. 203.

камергеры несли дежурства во дворце при императорском величестве, во время «дневания» им подчинялись камер-пажи и пажи. Участие в церемониях расписывалось для них при составлении церемониалов дипломатических приемов и торжеств. При публичных выходах камергеры верхом сопровождали императрицу, служили ей при церемониальных столах. Также им могли быть поручены небольшие дипломатические миссии, как, например, доставка к иностранным дворам поздравительных и известительных грамот¹⁴⁸.

Следующими за чином камергеров был более низкий чин камер-юнкера. Кавалеры сопровождали императрицу в церкви, на театральных представлениях, при отъезде в загородные резиденции, поездках по стране.

Пребывание в камергерах являлось хорошим началом для дальнейшей карьеры в различных областях государственной службы. Некоторые из них поднимались выше по службе в самой Придворной конторе, как пример – обер-гофмаршалы Г. Н. Орлов и Ф. С. Барятинский. Камергеры в дальнейшем направлялись и на службу в иные государственные структуры, как князь Н. Б. Юсупов (президент Мануфактур-коллегии), В. Н. Зиновьев (президент Медицинской коллегии), С. Г. Домашнев (директор Академии наук). Завершая службу при дворе, камергеры нередко получали чин тайного советника и указ присутствовать в Сенате, как, например, князь Г. П. Гагарин.

Более низкие комнатные чины, такие как камер-пажи и пажи, также могли сделать карьеру при дворе, начиная свой путь, как правило, в совсем юном возрасте. Но большая их часть продолжала службу на военном поприще.

Нельзя не упомянуть также и о должности камердинеров несмотря на то, что к числу высших придворных чинов они не относились. Они нередко играли важную роль в тех или иных событиях. Камердинеры прислуживали в личных покоях и являлись доверенными лицами монархов и членов их семей. Будучи приближенными к августейшим особам, могли выходить за рамки прямых

¹⁴⁸ Там же. С. 228.

служебных обязанностей. В силу этого некоторые из них сделали хорошую придворную карьеру. Ярким примером тому являлся камердинер Екатерины II В.Г. Шкурин. Он помог Екатерине во время опалы А.П. Бестужева-Рюмина, а также принимал участие в разрешении проблемы появления на свет сына Екатерины от Г.Г. Орлова. За свою исключительную преданность Шкурин быстро продвигался по службе, стал тайным советником, действительным камергером, главой царского гардероба, получил от императрицы 1000 душ крепостных и имение, а также хорошо устроил при дворе дочерей в чинах фрейлин.

Для представительниц прекрасного пола при дворе существовала своя иерархия должностей. Имелся дамский штат из числа высокопоставленных в русском обществе женщин. Их присутствие являлось показателем статуса правящей фамилии. К придворным дамам относились обер-гофмейстерина, гофмейстерины, статс-дамы, камер-фрейлины и фрейлины.

Как отмечает О. Г. Агеева, за время правления Екатерины в статс-дамы были пожалованы 18 особ¹⁴⁹. С точки зрения предпочтений при жаловании данного статуса стоит отметить, что императрица желала видеть при дворе представительниц военной элиты в лице жен и родственниц фельдмаршалов, а также жен и родственниц своих настоящих и бывших фаворитов.

Наиболее часто присваиваемым дамским придворным званием был чин фрейлины. Фрейлины присутствовали в личных апартаментах императрицы, на ее прогулках, во время церковных служб. Во время комнатных развлечений августейших особ фрейлины могли читать, рисовать, музицировать, вести беседы. Также приглашались на балы, маскарады, придворные куртаги, участвовали в официальных мероприятиях дома Романовых, присутствовали на дипломатических приемах, во время торжеств.

За время екатерининского правления (по документам 1761-1794 годов)¹⁵⁰ в звании фрейлин при большом и малых дворах побывали 106 девиц. В это почетное

¹⁴⁹ Там же. С. 246.

¹⁵⁰ Там же. С. 252.

звание при Екатерине II продолжали жаловаться девушки из дворянских семей, возвысившихся при правлении Екатерины I и ее дочери Елизаветы Петровны (Скавронские, Разумовские, Ефимовские), девушки из рода родственников Романовых Нарышкиных, а также представительницы других именитых фамилий княжеского рода. Наряду с ними во фрейлины были произведены дочери камердинера Екатерины В. Г. Шкурина, как особый знак расположения к этому исключительно преданному человеку. Кроме указанных фамилий, ко двору жаловались родственницы государственных деятелей – сподвижников Екатерины и, разумеется, ее фаворитов: Ланские, Дмитриевы-Мамоновы, Орловы, Энгельгардт. К концу правления Екатерина также награждала этим званием представительниц польской знати, очевидно, с целью некоторого усмирения польских антироссийских настроений и как знак особого расположения и приветствия местной аристократии. Надо отметить, что положенная по штату численность женских придворных чинов неоднократно нарушалась при Екатерине в сторону увеличения.

В настоящем исследовании карьера придворных дам не исследуется столь же пристально, как карьера кавалеров. Однако, логику пожалований представительниц прекрасного пола придворными званиями необходимо учитывать при изучении общей картины придворной жизни, роли родственных и брачных связей в борьбе за власть и влияние.

В заключение темы придворных должностей, следует также упомянуть о денежном и социальном обеспечении служащих при дворе. Оклады высших чинов на протяжении восемнадцатого века оставались неизменными, и устанавливались согласно рангу. Например, обер-гофмаршал и обер-камергер получали по 4188 рублей 30 копеек согласно второму рангу, гофмейстер - 2555 рублей 25 копеек согласно третьему рангу, шталмейстер – 1396 рублей 20 копеек согласно четвертому. Увеличилось жалование камергеров и камер-юнкеров. При Елизавете и на момент царствования Екатерины их оклад составлял 1500 рублей и 1000 рублей в год соответственно (при Петре II 1396 рублей 20 копеек и 518 рублей 55

копеек), а также вырос оклад камер-цалмейстера и обер-келлермейстера с 518 рублей 55 копеек при Петре II до 650 рублей при Екатерине II¹⁵¹. Следует отметить, что годовой доход семьи, живущей в столице, должен был составлять 400-800 рублей, чтобы вести подобающий дворянству образ жизни. Помимо жалования, придворным выплачивались пенсии престарелым, вдовам, сиротам и «увечным». Для детей, находящихся при дворе, обучение было бесплатным и обязательным. Также двор обслуживали по списку 1775¹⁵² года 2 лейб-медика, 2 лейб-хирурга, 2 гоф-доктора, несколько гоф-хирургов, лекарь и два лекарских ученика. При малом дворе наследника тоже имелся свой медицинский штат.

Если говорить в целом о штате придворных дам и кавалеров, то, многое во время царствования Екатерины II как на протяжении всего восемнадцатого века, оставалось неопределенным, как-то: прерогативы, четкое расписание служб, численный состав штатов, костюм придворных. А если и было определено, то четко и этим правилам не придерживались. Аналогично можно судить и об упомянутой выше структуре двора, схемах движения денежных средств и товарном снабжении двора. Система только формировалась и окончательный свой вид приобретет уже в XIX веке.

1.2.4. Политическое и культурное значение императорского двора во второй половине XVIII века

Каким же образом императорский двор был встроен в существовавшую систему управления государством - один из ключевых вопросов, дать ответ на который мы постараемся в ходе настоящего исследования.

Формально каких-либо функций, относящихся к другой сфере жизни монархии кроме быта императорских резиденций, включающих церемониал той или иной степени торжественности, у кавалеров не было. Но существовала ли в послепетровской России бюрократия, пусть и в зачаточном состоянии, призванная

¹⁵¹ Там же. С. 340.

¹⁵² Там же. С. 341.

осуществлять от имени монарха управление государством, являлось ли непреложным строгое разделение функций различных сфер осуществления власти, чтобы мы могли с уверенностью констатировать, что одни институты обладали влиянием на государственные дела в силу прописанного функционала, а другие такое влияние иметь вряд ли могли?

Исследователи по-разному отвечают на этот вопрос. Некоторые, как отмечено выше, ставили под сомнение существование достаточно развитой бюрократии в государствах раннего Нового времени, действовавшей согласно правилам и инструкциям вне зависимости от прочих ранее существовавших неформальных связей, местных патронажных сетей и дававшей монарху необходимую опору в реализации его власти согласно классической концепции абсолютизма. Н. Хеншелл особо указывает, что в сложившихся политических условиях (в первую очередь исследователь говорит о Франции, но далее распространяет свои выводы на другие европейские государства этого времени) «важнейшим фактором была возможность оказывать влияние на короля. Поэтому в то время не было отчётливой границы между службой придворной и государственной: дворянин-постельничий ... мог воздействовать на политику страны не меньше, чем государственный секретарь»¹⁵³. С. В. Польской относительно российской истории также отмечает, что данная система управления не соответствовала классическому пониманию и признакам бюрократии, как их определил М. Вебер. В частности, несмотря на введение Петром I новой служебной системы иерархии чинов, основанной скорее на меритократических критериях, нельзя утверждать, что профессиональная деятельность носила в указанный период обезличенный характер, а карьерный рост определялся бы в большей мере личными компетенциями, а не личными связями. Кроме того, только-только появилось специальное образование, готовившее кадры в разных сферах, преимущественно военных. Исследователи отмечают, что о серьезных подвижках

¹⁵³ Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. С. 59.

в профессионализации бюрократии можно говорить со второй четверти XIX в.¹⁵⁴ Не было и достаточного чиновничьего аппарата. При этом в России расходы на содержание двора весь XVIII превышали расходы на аппарат управления страной¹⁵⁵. Подобная картина наблюдалась и в других европейских монархиях Нового времени. К примеру, Й. Дейндам замечает, что во Франции и Австрии придворные штаты превышали центральный аппарат. Таким образом, мы можем говорить о важной роли, которую двор играет в течении всего XVIII века, являвшегося для общества и государства неким переходным периодом от норм и практик позднесредневекового властного механизма к скорее рационально-бюрократической модели XIX века.

Императорский двор во второй половине XVIII века представляет несколько сторон жизни государственной элиты. Возможности карьерного роста, борьба за влияние на монарха придворных партий, близость к центру принятия решений во внутренней и внешней политике – все это делает данный институт «ареной сражений» за власть и влияние. Как отмечает С. Диксон: «Двор все еще продолжал находиться в самом сердце российской системы управления... Он как магнит притягивал тех, кто стремился оказывать влияние на нее, поэтому двор становится форумом русской политической жизни и источником императорского покровительства, а для правителей, которые считали себя наделенными исключительным правом принимать решения, двор был горнилом, в котором формировалась их персональная власть»¹⁵⁶.

Если рассматривать специфику функций монаршего двора в системе власти Российской империи, представляется необходимым прояснить место данного института в связи с традиционной для отечественной исторической науки

¹⁵⁴ Соловьев К. А. Идея самодержавия (конец XIX - начало XX вв.) // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2018. №2. С.52.

¹⁵⁵ Польской С.В. Двор и «придворное общество» в послепетровской России // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М.: РОССПЭН, 2013. С. 349.

¹⁵⁶ Dixon S. M. The modernisation of Russia, 1676-1825. Cambridge: Cambridge university press, 1999. P.118.

концепцией самодержавия. Прежде всего следует определить, какие черты на практике отличали самодержавную власть и отвечала ли историческая действительность появившимся впоследствии историческим конструкциям.

С. В. Польской констатирует, что тема соотношения понятия «монархия» с термином «самодержавие» в политическом лексиконе эпохи просвещения остается дискуссионной¹⁵⁷. Свое классическое прочтение как неограниченную монаршую власть, идеологически и религиозно обоснованную, независимую от внешних акторов, опирающуюся на мощный бюрократический аппарат и противопоставляемую западноевропейскому абсолютизму, самодержавие принимает позднее, в XIX веке в контексте поиска национальной идентичности в работах славянофилов. Вопрос о том, когда именно в России появилась традиция самодержавия и какие стадии развития она проходила является предметом дискуссий. Современные исследователи дают различные определения трансформациям, которые претерпевала российская монархия на протяжении XVIII-XIX веков. В частности, Б. Н. Миронов предлагает такую периодизацию: «в XVII в. в России существовала народная, или патриархальная, монархия, в первой четверти XVIII в. – абсолютизм; во второй половине XVIII в. сложилась сословная патерналистская монархия, которая во второй четверти XIX в. переросла в бюрократическую правомерную монархию...»¹⁵⁸. П. В. Акульшин рассматривает абсолютизм как этап в процессе трансформации традиционного типа государственной власти в рациональный¹⁵⁹. Можно констатировать, что в историографии существует представление о процессе видоизменений, который проходила российская модель управления, и о различных особенностях и средствах

¹⁵⁷ Польской С. В. Между "самодержавием" и "самовластием": "монаршическое правление" в русском политическом лексиконе XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. 2010. Вып. 11. С. 240-252.

¹⁵⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. С. 175.

¹⁵⁹ Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): автореф. дис. ... доктора исторических наук (07.00.02) М., 2004. С. 12.

реализации царской власти, разных этапах развития бюрократической составляющей этой власти.

Относительно политического дискурса XVIII века исследователи отмечают, что самодержавие представлялось не без подкрепления государственной пропагандой как антипод самовластию в значении деспотизма и приравнивалось к идее «истинной монархии» по Монтескье¹⁶⁰. То есть, относительно рассматриваемого периода времени мы можем говорить о схожем с описываемым у Н. Хеншелла понимании обществом раннего Нового времени справедливого правления и представлении о нарушении баланса власти в сторону деспотического правления как нежелательного и неверного. Следует отметить, что элита в России искала некоторый образ идеального правления, которое имело бы необходимые «предохранители» от скатывания в деспотию. Такие интенции, также не без влияния идей Монтескье, фигурируют в предложениях И. И. Шувалова, Р. И. Воронцова, позднее Н. И. Панина. Большинство представителей элиты России полагало, «что само наличие законов, при доброй воле монарха и установившейся традиции, – необходимое и достаточное условие для предотвращения вырождения монархии в деспотию»¹⁶¹. Отметим, что и Александр I взошел на престол именно после нарушения в глазах современников баланса между монархией и деспотией Павлом I, сопровождая свое воцарение обещанием вернуть порядки Екатерининского правления. Н. Хеншелл описывает относительно западных европейских монархий похожее требование общества к королю соблюдать «старину».

Таким образом, российскому монарху, желавшему укрепить свою власть, необходимо было учитывать настроения знати, искать правильный баланс между реализацией своей прерогативы на конечное решение вопроса и необходимостью

¹⁶⁰ Польской С. В. Между "самодержавием" и "самовластием": "монаршическое правление" в русском политическом лексиконе XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. 2010. Вып. 11. С. 249.

¹⁶¹ Долгих А. Н. О терминах «Самодержавие», «Абсолютизм» и «Просвещенный абсолютизм» и их использовании в современной исторической науке // Манускрипт. 2017. №2 (76). С. 96.

подтверждать легитимность своих решений через специфические механизмы консультаций с элитными группами. Особенно важны такие инструменты осуществления власти, когда положение монарха на троне не имеет прочного законного обоснования, как это было в случае Екатерины II. В этом во многом и заключается значение институтов, обеспечивающих специфический механизм представительства элиты при персоне императрицы и легитимизирующих её решения – Совета, Сената, Императорского двора. Здесь мы можем вновь обратиться к утверждению Н. Хеншелла о том, что монархи, чье правление принято считать абсолютистским, не стремились уничтожить институты как таковые, а наоборот, были заинтересованы во всемерной поддержке своего правления с их стороны, что укрепляло их власть и давало большую свободу действий. Исследователи отмечают¹⁶² также, что в течении XVIII в. во многом вследствие петровских преобразований происходило сплочение дворянства, что делало его силой, способной отстаивать, и вполне успешно, свои корпоративные права перед лицом монархии.

Таким образом, несмотря на распространённое представление о деспотическом характере российского самодержавия, на наш взгляд, в рассматриваемый период скорее можно говорить о характерной для многих монархий раннего Нового времени модели власти, предполагающей более сложную систему «работы» с элитными группировками и сетями клиентелы, чем простой ничем не ограниченный диктат воли государыни. Опираясь на данный вывод, полагаем возможным рассматривать императорский двор как важный инструмент власти императрицы и необходимый ей институт представительства узкой, но наиболее влиятельной части дворянского сословия, легитимизирующий (среди прочих институтов) её решения и её положение на троне.

При изучении роли двора в системе осуществления самодержавной власти следует также особо отметить следующую особенность. Пожалование придворным

¹⁶² Мухин О. Н. Абсолютизм vs самодержавие: еще раз к дефиниции понятий // Вестник ТГПУ. 2013. №2. С. 144.

чином было прерогативой исключительно монаршей, то есть в данном случае мы имеем дело с прямым проявлением воли императрицы, фактически не скованной никакой бюрократической процедурой более строгой для иных сфер действия Табели о рангах. В данных условиях вырастает значение неформальных связей, а именно покровительства высокопоставленных чиновников, чье мнение способно было оказывать влияние на принятие решений сувереном. В поле формально отсутствовавших правил игры, одинаковых для всех искателей чинов, материальных и символических поощрений, характерных для более развитых систем бюрократии, вырастает роль сложных придворных механизмов возвышения, которые необходимо было принимать во внимание и монарху. Действуя поверх принятых законов, в первую очередь Табели о рангах, императрице необходимо было все же учитывать характерные для её окружения ожидания и представления о справедливом распределении благ и решении конфликтных ситуаций, что во многом накладывало ограничения на власть, формально ничем не ограниченную. С точки зрения Е. В. Анисимова¹⁶³, основная суть самодержавной власти выражалась в возможности монарха вмешиваться в любое дело, не считаясь с устанавливаемыми самой же властью законами. Но «без законодательной базы самодержавие становилось беззащитным перед незаконными актами и подверженным случайностям»¹⁶⁴, что особенно ярко проявилось в череде дворцовых переворотов.

Императорский двор реализовывал и иные функции, среди них в первую очередь функцию внешней репрезентации страны, демонстрируя успехи и величие монархии. Велико и цивилизационное значение двора, его влияние на культуру, социальные практики, модели поведения. Благодаря особому придворному миру и его влиянию на жизнь общества возможно и формировалась та общественная среда,

¹⁶³ Анисимов Е. В. Самодержавие XVIII века: право править без права // Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Технология власти. Источники, исследования, историография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. № 7 (2005, № 1) С. 200–207.

¹⁶⁴ Мухин О. Н. Абсолютизм vs самодержавие: еще раз к дефиниции понятий // Вестник ТГПУ. 2013. №2. С.147.

из которой «можно было вербовать лиц, способных стать чиновниками в новом административном аппарате»¹⁶⁵. Некоторые исследователи полагают, что в России XVIII придворная сфера преобладала над бюрократией в управлении государством¹⁶⁶. Поскольку бюрократический аппарат в своем традиционном понимании профессионализации, разделении сфер и ответственности ещё не был сформирован, многое определялось неформальными отношениями, а не компетенциями и опытом кандидата. Значение двора в кадровой политике императрицы более подробно рассмотрено нами во второй и третьей главе настоящей диссертации.

Общей чертой монархий нового времени было сосредоточение культурной жизни вокруг двора, откуда новые веяния быстро распространялись по дворянским домам государства. Личность Екатерины II, ее вкусы и предпочтения во многом определили главные черты эпохи, названной позднее «просвещенным абсолютизмом». Все старались соответствовать уровню окружения императрицы, подражали ей во всех творческих начинаниях, возрос интерес к живописи, литературе, театру. Все вышеперечисленное дало толчок развитию культуры и во многом способствовало появлению в дальнейшем блестяще образованных российских аристократов. При Екатерине II слава российского императорского двора достигла своего апогея. Как отмечает В. Головина: «Эта эпоха была самой блестящей в жизни Двора и столицы: все гармонировало»¹⁶⁷. Воспоминания Головиной также примечательны следующим ее замечанием о жизни города. Она упоминает, что Петербург был «полон знати» и довольно большие собрания аристократов (30-40 человек), а также иностранцев, можно было застать в домах

¹⁶⁵ Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII вв.: Попытки сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара: Изд-во "Самарский университет", 2000. С. 68.

¹⁶⁶ Долгих А. Н. О терминах «Самодержавие», «Абсолютизм» и «Просвещенный абсолютизм» и их использовании в современной исторической науке // Манускрипт. 2017. №2 (76). С. 95.

¹⁶⁷ Мемуары гр. Головиной. Записки кн. Голицына / [Сост., предисл., подгот. текста, коммент. С. А. Никитина]. М.: Три века истории, 2000. С. 50.

наиболее влиятельных государственных деятелей, где «общий тон общества был великолепен»¹⁶⁸.

Действительно, роскошь и изящество определяли эпоху, которую потомки стали называть "екатерининской". Главной чертой этого общества, отличавшей двор Екатерины от дворов ее предшественников, был уровень просвещенности и образованности придворных. За время царствования императрица собрала одну из самых значительных по размеру и составу для своего времени библиотек: в коллекции числилось около 40 000 наименований книг, эстампов и манускриптов, систематизированных тематически. Екатерина вела переписку с выдающимися французскими мыслителями Вольтером, Дидро, Д'Аламбером и их единомышленниками. Также императрица писала пьесы, пробовала себя в поэзии, писала статьи для журнала «Всякая всячина», издаваемого ее статс-секретарем Г.В. Козицким. Следует отметить, что в журнале участвовали и другие близкие ко двору вельможи: И. П. Елагин, А. В. Храповицкий, А. П. Шувалов. Свои журналы также издавали Е. Р. Дашкова, М. Д. Чулков, И. А. Крылов. Один из самых значительных поэтов эпохи просвещения Г. Р. Державин также некоторое время работал при дворе в чине кабинет-секретаря императрицы. Что было модно и ценилось при дворе, быстро приобретало популярность в дворянских домах империи, как следствие правление Екатерины дало толчок развитию культуры. В домах столичной знати появились обширные библиотеки, где заняли почётное место сочинения французских классиков, а рядом с ними стояли на полках и произведения отечественных авторов. Екатериной II был основан Эрмитаж - богатейшее собрание художественных коллекций при дворце. Кроме того, императрица была главной поставщицей репертуара в театр своего Эрмитажа, где она собирала избранное общество. Екатерина писала водевили, комедии, комические оперы, даже исторические представления из жизни Рюрика и Олега, подражание Шекспиру.

¹⁶⁸ Там же.

Примеру Екатерины следовали её приближённые. Они устраивали в своих городских дворцах и загородных имениях большие и малые "Эрмидажи", театры, приобретая вкус к прекрасному, тягу к знаниям и просвещению. В это время складывается много частных коллекций живописи, в том числе известные собрания Шереметевых, Голицыных, Безбородко, Строгановых, Воронцовых и других. Поощряется и русская национальная школа живописи. С конца 1760-х годов проводятся первые художественные выставки, аукционы картин, расцветают таланты А. П. Антропова, И. П. Аргунова, Ф. С. Рокотова, В. Г. Левицкого, В. Л. Боровиковского, А. П. Лосенко.

Поддержание приличествующего дворянину образа жизни, следование во всем за диктуемой двором модой имели и негативный эффект. Вельможи часто жили не по средствам. К примеру, блестящий придворный обер-камергер И. И. Шувалов потратил большую часть своего состояния «для содержания приличным образом дома» и вынужден был продавать некоторые вещи¹⁶⁹.

Другим важным последствием влияния придворной жизни на социальное взаимодействие стало появление особого придворного поведения. Как отмечает в своих трудах Н. Элиас, «придворному человеку» свойственны следующие три основных черты¹⁷⁰:

- «искусство наблюдать за людьми» и «самонаблюдение»;
- «искусство общения с людьми», основанное на тщательном расчете в соответствии с целями;
- «придворная рациональность», которая проявляется в обуздании аффектов ради жизненно важных целей.

О постепенном развитии этих качеств уже у придворных Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны свидетельствует развитие такого жанра, как мемуаристика. Изложение своих мыслей, анализ действий других на бумаге давало как личное

¹⁶⁹Агеева О. И. Императорский двор России, 1700-1796. М.: Наука, 2008. С. 339.

¹⁷⁰Элиас Н. Придворное общество: исследование по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 131, 134, 138.

пространство, так и возможность оттачивать навык психологического анализа окружающих, чрезвычайно актуальный для жизни при дворе.

В XVIII веке в России появляются переводы и особой литературы, посвященной искусству придворного общения с практическими советами. Такими являются, например, списки перевода Х. Г. фон Бесселя, изданная в 1741 и переизданная в 1760 популярная книга наставлений «Придворный человек» (перевод с Балтазара Грациана). Наличие и популярность специальной литературы говорит об актуальности подобных знаний и наставлений для современников.

Необходимо отметить, что сформулированные Элиасом поведенческие установки должен учитывать и монарх, если стремиться выстраивать успешные отношения со своим окружением. «Скрытность, наблюдение за людьми, контроль своих желаний, умение подчинять себя «должному» - все эти стратегии монарха, царствующего в окружении «общества двора», становились также качествами «придворного человека»¹⁷¹.

ВЫВОД

В настоящем исследовании ставится вопрос, насколько двор монарха являлся институтом власти, власти государственной. А именно, согласно определению последней, насколько обладавшие придворными чинами дворяне принимали решения относительно государственного управления или же обладали возможностью оказывать влияние на принятие таких решений. Значение императорского двора как института власти обусловлено, в том числе, спецификой роли элиты в системе государственного управления Российской империи.

Государственная элита, формировавшаяся в предыдущие столетия по принципу «привилегии за службу», прошла на протяжении XVIII века через ряд трансформаций. Мобилизующий принцип рекрутирования, доведенный до

¹⁷¹ Польской С.В. Двор и «придворное общество» в послепетровской России // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М.: РОССПЭН, 2013. С. 358.

абсолюта в правление Петра I, формально отменен с принятием манифеста Петра III о вольности дворянской. Вследствие этого дворянство вырабатывает новые стимулы для несения государственной службы. Во многом побуждению к служебному усердию способствует возрастающее значение чиновничества в обществе.

В правление Петра Великого аристократии была предложена новая модель взаимодействия с сувереном и государством через закрепленную систему чинов Табели о рангах. Новые принципы рекрутирования государственной элиты, новые требования к претендентам диктовались усложнением институтов управления государством, потребностью в образованных специалистах. Однако, старые практики патрон-клиентских отношений продолжали оказывать значительное влияние на формирование кадрового резерва для занятия позиций в управлении.

Параллельно с развитием и изменением отношений элиты с монархом идет процесс формирования роли монаршего двора в системе управления государством. Государь-реформатор Петр I, учредивший императорский двор, не рассматривал это образование как особый институт, через который реализовывалась его личная власть, упорядочивались бы отношения с высшей аристократией. Указанное значение двор приобретает впоследствии. Начиная с правления Анны Иоанновны институт становится каналом коммуникации монарха с элитными группами, способствующим легитимизации власти суверена наряду с другими специфическими институтами государственного управления, а также местом межэлитного взаимодействия и ареной борьбы за власть. Наличие подобных функций монаршего двора в системе имплементации власти отмечают исследователи и иных государств раннего Нового времени. Возрастает культурное и внешнеполитическое значение императорского двора.

Глава 2. КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ПРИДВОРНЫХ КАВАЛЕРОВ ЕКАТЕРИНЫ II И ФАКТОРЫ КАРЬЕРНОГО УСПЕХА

2.1. Создание просопографической базы данных

В целях изучения ключевых биографических и социальных характеристик исследуемой элитной группы, общего и частного на карьерном пути вельмож в настоящей работе применялись методы просопографии, в частности была разработана специальная база данных. За основу формирования базы данных был принят составленный Н. Е. Волковым список¹⁷², как уже было отмечено выше. Так как хронологические рамки исследования заданы временем правления Екатерины II, из указанного списка были отобраны персоналии, получившие придворное звание в этот период (июнь 1762 года – 6 ноября 1796 г.), а также те вельможи, чье пожалование придворным званием предшествовало воцарению императрицы, но карьера продолжила свое развитие в период её правления и определялась тенденциями этого правления. В данной группе учтены и те, кто продолжал числиться в списках при дворе по Адрес-календарям¹⁷³, и те, чей придворный чин упоминается скорее как почетный при характеристике персоналии в прочих списках и источниках (Придворные календари¹⁷⁴, к примеру). О. Г. Агеева отмечает, что придворные кавалеры (в данном случае речь идет о камер-юнкерах и камергерах) могли быть титулярными и действительными. Действительные несли

¹⁷² Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М.: Кучково поле, 2013. 328 с.

¹⁷³ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи ... [по годам]. СПб.: Инспекторский отдел собственной его императорского величества канцелярии, 1765-1767; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова. СПб.: Императорская академия наук, 1769–1804.

¹⁷⁴ Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1768. СПб.: Императорская академия наук, [1768]; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1769. СПб.: Императорская академия наук, [1769]; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1770. СПб.: Императорская академия наук, [1770]; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1772. СПб.: Императорская академия наук, [1772].

фактическую службу при дворе, титулярные могли работать при дипломатических миссиях или же сохраняли за собой чин камергера в качестве почетного звания переходя на более высокие по рангу чины придворной, гражданской и военной службы¹⁷⁵. Отсутствие учета данных этих кавалеров в общей базе не позволило бы, на наш взгляд, создать всеобъемлющую картину места императорского двора в системе государственной власти середины - второй половины XVIII века. Именно близость многих из них к малому двору Екатерины Алексеевны определила дальнейшую карьеру во время её царствования. Кроме того, возраст большинства вельмож из этой группы был вполне трудоспособный и активный, сравнимый с возрастом самой императрицы. Многие из них вошли впоследствии в Совет и оказывали значительное влияние на принятие государственных решений. Сепарировать для более подробного анализа биографии вельмож, пожалованных до шестидесятих годов к императорскому двору, от всех прочих, строивших карьеру уже при правлении Екатерины II, позволит далее когортный анализ.

Из полученного списка были исключены 5 персоналий из предположительно пожалованных в 1760-1769 гг., которые либо упоминаются всего в одном источнике и другими не подтверждаются, либо есть упоминание в двух (А. Н. Щепотьев), но не представляется возможным получение никаких дополнительных биографических сведений, вплоть до года рождения и смерти.

Созданный при первичной обработке биографий, выбранных для исследования, мета-источник затем проанализирован с помощью количественных методов с целью получения статистических данных. Здесь встает вопрос о правильном и корректном внесении данных в просопографическую базу, а также возможных приемах внесения информации. В настоящем исследовании используется вариант работы с источником, заключающийся в сочетании в одной базе как аутентичной информации, так и присваемого кода, упрощающего математическую обработку данных. К примеру, сведения об образовании,

¹⁷⁵Агеева О. Г. Императорский двор России. 1700-1796. М.: Наука, 2008. С. 203.

представляющие собой конечный набор повторяющихся значений, можно представить в виде набора кодов, соответствующих значению переменной (Сухопутный шляхетский кадетский корпус- 1, домашнее образование – 2 и т.п.). Этот метод сочетания различного формата информации является наиболее эффективным и упрощает поиск возможных неточностей, возникающих вследствие субъективности кодировки, а также позволяет использовать ту или иную систему исходя из поставленной цели. В ходе настоящего исследования с использованием средств программы Microsoft Excel данная задача была решена следующим образом. Данные по всей исследуемой группе придворных были разделены на когорты по десятилетиям, о чем подробнее будет сказано ниже, и для каждой когорты данные сначала заносились в первый лист, содержащий всю информацию источников по каждой персоналии. Отдельно заметим, что сведения из биографических сборников и словарей приведены в сокращении до основных фактов. Затем, на следующем листе Excel составлялась таблица, содержащая представленную в удобном для математической обработки виде информацию. Если первый лист содержит данные источника в первоначальном виде, то второй лист представляет собой уже продукт последующего анализа. Таким образом, на наш взгляд, в будущем исследователям проще отследить логику и достоверность конечных выводов. В результате применения количественных методов мы получаем математически обрабатываемую базу, где для многих качественных признаков представлена своя количественная характеристика. При этом необходимо отметить, что первичным для данного построения все же является метод описательный, позволяющий провести анализ и выявить значимые для целей исследования измеряемые признаки, оценить источники получения данных для обработки на предмет достоверности представленных сведений и репрезентативности.

Поля таблицы первого листа, представляющей первоначальные данные источников, выглядят следующим образом:

- имя и годы жизни;

- карьера придворная по списку Н.Е. Волкова;
- краткая справка по биографическим словарям;
- данные адрес-календарей (должности и чины, расписанные по годам);
- данные списков находящихся в статских и военных чинах дворян¹⁷⁶;
- данные архивных списков двора и прочих архивных бумаг по придворному ведомству¹⁷⁷;
- данные придворных календарей: чин придворный и гражданский¹⁷⁸.

Информация на втором листе по каждой когорте представлена по большей части в обрабатываемом возможностями Excel виде (возможным вариантам значений присвоены коды). Поля таблицы выглядят здесь следующим образом:

- фамилия, имя, отчество;
- класс чина отца;
- образование;
- гран-тур;
- место начала карьеры (если есть точные сведения, включая гвардию);
- поля с полученными среди данных персоналий чинами и занимаемыми должностями (на пересечении с указанными в первом столбце данными ФИО придворных отмечен возраст получения каждого чина и возраст занятия должности);

¹⁷⁶ Список находящимся в гражданской службе во всех присутственных местах, с показанием каждого вступления в службу и в настоящий чин. На... [1766-1773] г. - СПб.: при Сенате, [1773]; Список состоящим в статской службе чинам [первых восьми классов]. На... [1773, 1775-1780, 1783-1784, 1786, 1788, 1790-1797] г. СПб.: Сенатская тип., 1772-1797; Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный по повелению Военного министра из Архива Государственной военной коллегии 1809 года. [СПб., 1809].

¹⁷⁷ РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 25–26.; РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 7.; РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 126.

¹⁷⁸ Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1768. СПб.: Императорская академия наук, [1768]; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1769. СПб.: Императорская академия наук, [1769]; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1770. СПб.: Императорская академия наук, [1770]; Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1772. СПб.: Императорская академия наук, [1772].

- в отдельный столбец вынесены данные о службе в губернском управлении при Екатерине, а также местных судебных органах (возраст приведен аналогично с предыдущим пунктом);
- далее следует поля, отражающие участие в деятельности государственных «проектов» политики просвещения (Императорская академия наук, Императорская академия художеств, Российская академия, воспитательные дома);
- сведения об окончании службы (выбыл ли со службы (уволен) в правление императрицы или же продолжал карьеру после ноября 1796 года);
- возраст на момент смерти.

Данная схема организации полученных биографических сведений в базе данных позволила реконструировать коллективный биографический портрет исследуемой выборки вельмож, проследить карьерные траектории персоналий, а также оценить влияние таких факторов развития карьеры, как происхождение и образование. Сведения о предшествовавших придворных местах службы дают возможность выявить случаи предположительно заслуженного пожалования придворным званием в качестве награды. Наличие двух таблиц по исследуемой выборке позволяет сверять математически-обрабатываемую информацию с данными источника, что, в свою очередь, минимизирует для последующего пользователя труды по верификации информации: полученные закодированные данные могут быть сверены с данными источника.

2.2. Коллективный портрет придворного периода правления Екатерины II

2.2.1. Результаты анализа по усредненным показателям

Анализ полученной базы данных и в особенности ее математически обрабатываемой части позволил получить представление о биографических и социальных характеристиках коллективного портрета придворных Екатерины II, включая группу пожалованных ко двору ранее и продолжавших службу вельмож.

Собранная информация дает и представление об общем векторе карьерных передвижений, наиболее распространённом типе карьеры, а также уникальных случаях и факторах, их обусловивших.

Среди ключевых предпосылок, определяющих жизненный успех и служебное продвижение в эпоху монархического правления, традиционно выступает происхождение. В элитных кругах государств позднего Средневековья и раннего Нового времени большинство по-прежнему составляли представители родовой аристократии. Как уже было отмечено выше, к XVIII в России сложился условно-бюрократический тип рекрутирования государственной элиты, когда положение рода определялось в первую очередь службой и служебным положением представителей. Таким образом, к аристократии, сохранявшей высокое положение исследователи относят фамилии, чьи представители достигали высоких чинов бояр и окольничих¹⁷⁹. К моменту изучаемого периода наиболее яркое в истории России выражение практик назначения на государственные должности по положению отца (местничество) отсутствовало уже почти в течении века. Интенции петровского правления ввести элементы меритократического отбора лучших были рассмотрены ранее и, предположительно, дали незначительный эффект, если говорить о высших кругах государственной элиты. На примере состава императорского двора мы можем получить некоторое представление о происходивших в этом отношении процессах.

В ходе исследования происхождение вельмож было проанализировано по такому признаку, как высший по классу чин отца. Поскольку точные даты получения чинов по всем отцам придворных определить довольно затруднительно, а следовательно, установить, был ли чин уже получен к моменту пожалования отпрыска, в некоторых случаях невозможно. Поэтому анализ произведен по высшему чину за карьеру отца, упомянутому в источниках. На примере тех, у кого

¹⁷⁹ Черников С. В. Военная элита России 1700 - 1725 гг.: меритократические и аристократические тенденции в кадровой политике Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682- 1750): [сборник статей]. М.: РОССПЭН, 2013. С. 52.

чин отца возможно установить и на момент пожалования, заметим, что вряд ли «скачок» в несколько классов чина отца мог происходить позже пожалования ко двору сына, за исключением нескольких случаев быстрого карьерного роста самого ребенка. Например, отец братьев Воронцовых на момент пожалования Михаила, самого успешного из сыновей, имел всего лишь чин майора, но впоследствии получит и чин Тайного советника. В таких случаях чин отца учитывается на момент пожалования.

Анализ происхождения именно по классу чина отца позволяет оценить реальное положение семьи при дворе, поскольку вся бурная первая половина XVIII века характеризовалась выдвижением на верхние значимые посты представителей далеко не только старых аристократических родов. Различные семейства поднимались на вершину этой иерархии, некоторым удавалось сохранять свои позиции на протяжении нескольких правлений сменяющихся монархов. Таким образом, оценить действительное положение отца и семьи в большей степени позволит, на наш взгляд, именно полученный чин.

Всего итоговая выборка насчитывает 247 персоналий. Высший чин и соответствующий класс в карьере отца удалось установить в 185 случаях (75%), распределение по классам выглядит следующим образом (Таблица 1).

Таблица 1 - Класс чина отца

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX- XIV
Всего человек в классе	22	43	41	30	13	3	13	11	9
Процент % от всех пожалованных	8,91	17,41	16,6	12,2	5,26	1,21	5,26	4,45	3,6

Чины с I по V класс имели отцы 149 человек, 60 % от всех пожалованных. Среди учтенных с чинами прочих классов и в случаях, где чин точно не установлен, встречаются варианты, когда отец не достиг более высоких ступеней карьерной

лестницы из-за ранней кончины, но дед, иногда прадед, достигали в карьере чинов I-V классов (например, у П. И. Репнина, Ф. Г. Головкина, А. А. Долгорукова, Н. А. Головина, М. А. Долгорукова). В нескольких случаях отец числился на иностранной службе, но дед и прадед получали высокие чины русской службы (Ю. А. Головкин, П. Г. Головкин и Ф. Г. Головкин). Можно допустить, что процент пожалованных вследствие высокого положения отца/деда на самом деле выше. Наиболее часто встречаются среди вельмож фамилии Нарышкиных, Шуваловых, Голицыных, Чернышевых, Салтыковых, Разумовских, Воронцовых, Долгоруковых, Гагариных, Трубецких, Мусиных-Пушкиных. То есть, представители определенных родов жаловались из поколения в поколение благодаря своей принадлежности к семье. Таким образом, мы можем говорить о большинстве пожалованных вследствие высокого положения отца и семьи, но большинстве далеко не абсолютном.

Среди 30% вельмож, чины чьих отцов либо отсутствуют (отец не получал чин согласно новому порядку Табели), либо не установлены точно, значения распределены следующим образом (Таблица 2):

Таблица 2 - Прочие варианты данных о положении отца

Чин не установлен /не учитывался Табелью	Иностранцы	Придворный чин Московского царства	Не дворянское происхождение
36 человек	19 человек	3 человека	4 человека
14,57 %	7,69 %	1,21 %	1,62 %

Из полученных данных следует, что в элитные круги Российской империи возможно было попасть в XVIII веке и не имея дворянского происхождения – в 1,62% случаев. Довольно большой процент дворян, точный чин отца которых не установлен и, предположительно, не являлся высоким (выше VI класса) говорит о существовавших механизмах возвышения для тех, кто не имел достаточно удачной стартовой позиции по происхождению. Многие из них были пожалованы ко двору в результате случая самого вельможи, либо его родственника, либо вследствие

поддержки Екатерины летом 1762 года. Были и те, кто жаловался придворным званием скорее благодаря личным качества и заслугам (к примеру, А. А. Безбородко, С. Г. Домашнев). Таким образом, реальная картина показывает возможность и некое подобия меритократического механизма отбора элиты, помимо фаворитизма и nepотизма. В этом случае искомые личные качества и заслуги могли быть специфическими и характерными для конкретной эпохи.

Следующим атрибутивным признаком, предположительно имевшим влияние на карьерные перспективы вельмож, является образование. Анализ показал, что в большинстве случаев обучение было домашним. Факт домашнего образования или упоминается в источниках, носящих справочно-биографическую информацию, или, при отсутствии данных о наличии какого-то образования, мы предполагаем домашнее, поскольку образовывать своих детей вменялось в обязанность дворянского сословия и контролировалось государством. Согласно указу 1737 года дворянам было предоставлено право домашнего обучения детей с условием проверки результатов государством¹⁸⁰. Предполагалось что приличное домашнее образование могут дать своим отпрыскам именно семьи с хорошим достатком, в противном случае возможно было обучение в образовательном учреждении. Длительность и содержание домашнего образования напрямую связывалось в указе с состоятельностью семьи, выраженной в числе душ. Наиболее обеспеченные недоросли могли продолжать обучение до 20 лет, когда после последнего смотра их распределяли на службу.

Следует отметить, что и ранее образование в России было преимущественно частным, поскольку система государственного образования не была должным образом организована и испытывала недостаток финансирования. В XVIII «система государственного образования еще не сложилась, то частное образование противопоставлялось, как правило, общественному»¹⁸¹ с очевидной

¹⁸⁰ Шанская Т. А. Миф просвещения и идеи частного образования в России XVIII века // Диалог со временем. 2003. №10. С. 143.

¹⁸¹ Там же. С. 142.

привлекательностью первого. С приходом в правление Елизаветы Петровны моды на все французское само содержание воспитательных практик становится иным. На популярности домашнего образования сказывалось и влияние просветительских идей, одной из которых было утверждение о пользе и преимуществах воспитания ребенка в интимном кругу родной семьи как можно дольше, чтобы молодой человек имел возможность нравственно окрепнуть прежде, чем сталкиваться с миром взрослых. Особенностью рецепции данной идеи в России была разница в интенциях с европейским вариантом: в Европе целью частного образования было приблизить ребенка к комфортному естественному интимному миру дома, в России – сделать из ребенка европейца.

Качество усваиваемых знаний в таком формате обучения могло оставлять желать много лучшего. Повышенный спрос на гувернеров из Европы, в особенности французов, приводил к тому, что как воспитатели нанимались иностранцы сомнительной репутации, вовсе не являющиеся учителями, о чем сохранилось немало свидетельств в публицистике и мемуарах. Императрица Елизавета Петровна в указе об учреждении Императорского московского государственного университета замечает, что «великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не только учить науки не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют...»¹⁸². Характерно и удивление её фаворита И. И. Шувалова, когда большинство выписанных им для кадетского корпуса лакеев-французов разошлось по домам высшей знати в качестве учителей¹⁸³. Позднее в екатерининское правление ситуация несколько меняется к лучшему, как отмечают исследователи¹⁸⁴. Уровень преподавания повышается ближе к концу XVIII столетия, появляются и довольно компетентные воспитатели приличной репутации, имевшие представление об

¹⁸² Там же. С. 144.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Чудинов А.В. Французские гувернеры в России конца XVIII в.: Стереотипы и реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России: [Международный сборник]. М.: Наука, 2004. С. 331.

актуальной педагогике (Давид де Будри, Шарль-Жильбер Ромм, Жак Демишель, Пьер-Игнас Жама, воспитатель Александра I Фредерик Сезар Лагарп).

Содержание такого гувернера было довольно затратным, поэтому некоторые дворяне отдавали детей в частные пансионы, руководимые иностранцами. Среди придворных такое обучение имело место в трех случаях (пансионы Эйлера и де Вильнёва).

Из 247 человек образование в учреждениях, дополнявшее, как правило, домашнее, получили 30 человек (12%), включая тех, кто был пожалован ко двору до 1760 г. и иностранцев. По окончанным заведениям распределение выглядит следующим образом:

- Сухопутный шляхетский кадетский корпус - 14 человек;
- Пажеский корпус – 5 человек;
- европейские заведения, оконченные иностранцами – 4 человека;
- Артиллерийская школа в Санкт-Петербурге – 1 человек;
- Московский университет или гимназия при нём – 3 человека;
- частные пансионы – 3 человека.

Большинство будущих вельмож из данного списка учились в закрытых сословных образовательных заведениях. Среди них наиболее популярным был Сухопутный шляхетский кадетский корпус, открытый в 1732 году. Первоначальной задачей данного учреждения была подготовка военных кадров в сочетании с воспитанием приличествующих дворянину поведенческих установок. Несмотря на акцент в обучении на предметах военной специфики для подготовки в первую очередь офицеров, кадетам преподавали и ряд общеобразовательных дисциплин естественнонаучного и гуманитарного направления. После обучения, смотря по его результатам, дворянин мог «получить звание поручика или подпоручика или приравненные к ним гражданские чины»¹⁸⁵. Более широкий образовательный профиль сказывался на популярности именно этого заведения у

¹⁸⁵ Бодров С. Возникновение и развитие кадетского образования в закрытых учебных заведениях России первой половины XVIII века // Истоки. 2006. №4. С. 8.

будущих вельмож ещё и потому, возможно, что переход, иногда даже с повышением в чине, с военной службы на гражданскую был довольно распространен среди дворянства. Часто подобная смена чинов наблюдается и в изучаемой совокупности примеров карьер.

К другим преимуществам обучения в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе относится возможность начать службу после выпуска с офицерских чинов и близость заведения ко двору. Как отмечает в своей статье И.И. Федюкин, «подавляющее большинство (не менее 70% всех учтенных нами кадет) получили при выпуске офицерские чины, как это и обещало правительство»¹⁸⁶. Кроме того, кадеты могли поступать на службу не только в армию, но и «адъютантами к генералам, в штатскую службу, в кавалерию (в частности, полковыми берейторами), в гвардию, в том числе гренадерами поручичьего ранга в Лейб-кампанию»¹⁸⁷. Воспитанники корпуса вовлекались и в придворную жизнь, принимали участие в праздниках, проходили смотры в присутствии императрицы. Предполагалось обучение светским манерам, приличествующим дворянину. Все эти преимущества обусловили популярность корпуса среди благородного сословия, причем среднего и высшего его «сегмента». «У трех четвертей поступающих отцы обладали классными чинами»¹⁸⁸. Несмотря на первоначальное намерение правительства давать в стенах корпуса образование бедным и средним слоям дворянской молодежи, чьи семьи не могут позволить себе должным образом организовать домашнее воспитание, фактически большинство составляли обеспеченные молодые люди. И. И. Федюкин объясняет в своей статье данное положение вещей рядом причин. Во-первых, обучение в корпусе, хоть и было бесплатным, все же предполагало дополнительные траты, которые могли себе позволить не все. Кроме того, поступление было зачастую связано с протекцией

¹⁸⁶ Федюкин И. И. "От обоих истинное шляхетство": Сухопутный шляхетный кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731 – 1762 // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII-XIX века: [сборник]. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 260.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же. С. 265.

родственников. Третьим фактором, возможно, был «отсев» поступающих в Кабинете, куда подавались соответствующие списки из Герольдии.

Во многом данные особенности схожи с особенностями следующего по популярности закрытого сословного учебного заведения – учрежденного в 1757 году Пажеского корпуса. В корпусе обучались преимущественно дети придворных и офицеров, но закрытым дворянским заведением стало уже при Екатерине с 15 ноября 1762 года, когда был обнародован соответствующий указ. Ученики корпуса производились по окончании преимущественно в офицерские чины армии и гвардии. Обучение совмещалось с обязательной службой при дворе, что также могло рассматриваться как определённое преимущество при выборе заведения. Как и в случае с Сухопутным шляхетским кадетским корпусом, поступление в Пажеский корпус часто обуславливалось протекцией родственников.

Более демократичная атмосфера отличала учрежденный в 1755 году Московский университет, куда принимали детей разночинцев. Возможно, это обстоятельство обусловило невысокую популярность среди изучаемой группы персоналий. Университет в начале своего существования не составлял достойной конкуренции домашнему образованию или закрытым сословным военным корпусам в глазах обеспеченного дворянства несмотря на то, что задумывался именно как альтернатива не всегда добросовестным гувернерам.¹⁸⁹

Подводя итог описанию образовательных стратегий в изучаемой группе будущих вельмож следует отметить, что само представление о хорошем образовании было весьма неоднозначным. Как отмечает на страницах «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумароков, образование означало в понимании большинства дворянства «знать столько, сколько благородному человеку пристойно, то есть мало и не основательно...»¹⁹⁰ Один из известных гувернеров,

¹⁸⁹ Шанская Т. А. Миф просвещения и идеи частного образования в России XVIII века // Диалог со временем. 2003. №10. С. 145.

¹⁹⁰ Цит. по: Киселев М. А. Проблема дворянского образования в публицистике и правительственной политике Российской империи на рубеже 1750-х и 1760-х годов // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII-XIX века: [сборник]. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 162.

составлявший план обучения для детей К. Г. Разумовского, Антониу Нунес Рибейро Санчес отмечает среди распространенных недостатков воспитания ограниченность, поверхностность знаний молодых дворян, а кроме того, выступает против участия недорослей в придворной жизни. «Одна из опасностей, таящихся при дворе, - пишет Санчес, - разучиться работать и думать»¹⁹¹. Подобной точки зрения придерживались и другие известные гувернеры еще и в силу того, что идейно европейские просветители видели в придворной жизни средоточие порока. Такое мнение не всегда соответствовало представлениям родителей о должных навыках своих детей. Удачная карьера в тот период скорее ассоциировалась не столько с глубинными познаниями и профессионализмом в какой-либо области, а скорее с освоением «искусства нравиться», чему вполне способствовало участие в светской жизни. Как отмечает вице-канцлер А. М. Голицын в своей инструкции по воспитанию сирот братьев Голицыных: «Наука света для наших молодых князей столкож нужна, как и учение»¹⁹². В целом, в изучаемый период «... качество воспитания мало соотносилось с уровнем познаний в тех или иных предметах, скорее с общим набором умений, неотъемлемой частью которых были такие «искусства», как фехтование, верховая езда, танец и способность музицировать»¹⁹³.

Одной из распространённых в среде обеспеченной знати практик завершения образования стало путешествие в Европу в сочетании с обучением в европейском университете (Страсбургский, Лейденский, Кембриджский университеты) – так называемый гран-тур. Такая поездка следовала уже после образования дома, в некоторых случаях после образования в заведении. Кроме того, поехать в Европу могли и уже пожалованные придворным званием камер-юнкера молодые люди, при

¹⁹¹ Ржеуцкий В. Pro et contra: идеал воспитания высшего дворянства в России (вторая половина XVIII - начало XIX в. // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII-XIX века: [сборник]. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 230.

¹⁹² Берелович В. Я. Образовательные стратегии русских аристократов. Воспитание сирот Голицыных (1782 - 1790) // Европейское Просвещение и цивилизация России: [Международный сборник]. М.: Наука, 2004. С. 325.

¹⁹³ Ржеуцкий В. Pro et contra: идеал воспитания высшего дворянства в России (вторая половина XVIII - начало XIX в. // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII-XIX века: [сборник]. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 234.

этом они продолжали числиться при дворе. «Знатные и богатые родители старались отправить своих подрастающих сыновей на несколько лет «повоаяжировать», посмотреть чужие края и закончить образование в стенах известных зарубежных университетов»¹⁹⁴. Надо отметить, что такая образовательная практика была распространена в остальной Европе и также являлась следствием влияния просветительских идей. Согласно популярным педагогическим идеям Жан-Жака Руссо, воспитанник должен был путешествовать, чтобы иметь возможность воочию видеть и сравнивать формы управления, и затем выбрать ту страну, где «всегда позволительно быть честным человеком»¹⁹⁵. Гран-тур был в биографии иностранцев-кавалеров А. А. Чарторыйского, Готгарда Будбергона (он же Богдан Васильевич), С. О. Потоцкого. В российской традиции образовательное путешествие скорее давало необходимый кругозор, чтобы предстать на Родине европейски образованным человеком, знакомым с практиками западной жизни. Поскольку такое предприятие предполагало достаточные материальные средства, позволить его смогли себе семьи всего 52 человек из изучаемой группы. Около 21% от всех анализируемых случаев.

Служба начиналась среди исследуемых персон, как правило, с детских лет и до 17-19 лет была формальной, что соотносится с установившимся в государстве порядком аттестации недорослей, согласно которому верхняя граница для завершения обучения не превышала двадцати лет. Фактически и до этого возраста будущий вельможа числился на военной службе (68 % случаев), как правило, в гвардии, получал новые чины и продолжал образование. Запись на службу в младенчестве также встречалась, но чаще возраст приближался к 10 годам. После такого «поступления» следовало довольно активное карьерное продвижение, особенно в унтер-офицерских чинах. Иногда следующий чин мог быть пожалован

¹⁹⁴ Бекасова А. В. "Фарос молодых вельмож": И. И. Шувалов и образовательные путешествия российских дворян // *Философский век. Иван Иванович Шувалов (1727-1797): просвещенная личность в российской истории: [По итогам научной конференции, 23-26 июня 1997 г.]*. 1998. №8. С. 25.

¹⁹⁵ Цит. по: Шанская Т. А. Миф просвещения и идеи частного образования в России XVIII века // *Диалог со временем*. 2003. №10. С. 141.

в том же году, что и предыдущий. К примеру, пожалованный камергером к малому двору Елизаветы Алексеевны А. П. Ададулов 1758 года рождения, поступил, согласно списку двора¹⁹⁶, на службу в Измайловский полк капралом в 1773 году, в том же году стал подпрапорщиком, в 1774 – каптенармусом, в 1775 г. – сержантом и прапорщиком, в 1785 г. стал капитан-поручиком и в 1790 г. капитаном гвардии. Но чаще, чем в этом случае, рост до капитана гвардии происходил ранее 30 лет. Такая практика была довольно распространённым явлением, на что обращал внимание в своем доношении для Сената 1760 года И. И. Шувалов: «дворянские дети в таких летах, когда должно приготавливаться, чтобы быть годными к службе, в оную вступают, имея многие способы происходить по случаю, а не по достоинству»¹⁹⁷.

Возраст пожалования ко двору в первом по наиболее распространенному порядку чине камер-юнкера различен, но в подавляющем большинстве случаев пожалование происходило до 30 лет, чаще всего до 25 лет. То есть, из 196 пожалованных ко двору именно в этом чине (а это 79% от всех пожалованных), большая часть жаловалась в начале своей карьеры (Таблица 3).

Таблица 3*- Возраст пожалования чином камер-юнкера

	До 20 лет	21-25 лет	26-30 лет	31-35 лет	36-40 лет	После 40 лет	Возраст неизвестен
Всего человек	45	78	39	19	4	3	8
Процент % от всех пожалованных камер-юнкерами	22,96	39,8	19,9	9,69	2,04	1,53	4,08
<p>Примечания</p> <p>1. В восьми случаях не известна точная дата рождения.</p> <p>2. Не учтены пожалования придворным чином V класса гофмейстер (до 60х годов- 1 человек) и придворно-статским V класса (церемониймейстер).</p>							

Следует отметить, что порядок повышения в чине от низшего придворного к высшему в основном соблюдался.

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 25–26.

¹⁹⁷ Киселев М.А. Проблема дворянского образования в публицистике и правительственной политике Российской империи на рубеже 1750-х и 1760-х годов // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII-XIX века: [сборник]. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 167.

Дальнейшее продвижение по службе при дворе, как правило, подразумевало получение следующего чина камергера. Но были исключения, такие как пожалование чином камергера без нахождения в предыдущем классе (40 человек), либо пожалование сразу чинами V класса гофмейстера (М. П. Елагин), гофмейстера в чине генерал-поручика (А. А. Безбородко), придворно-статским церемониймейстера (А. В. Олсуфьев, М. Ф. Кашталинский, А. Н. Квашнин-Самарин, А. И. Мусин-Пушкин), а также чинами гофмаршала (М. М. Измайлов), шталмейстера (В. М. Ребиндер), гофмаршала в IV классе при малых дворах (Н. Н. Головин, Б. А. Голицын).

Средний промежуток между пожалованиями камер-юнкером и камергером в изучаемой выборке составил около 7 лет. При это разброс довольно большой: от 1 месяца (А. С. Васильчиков) до 12 лет (А. Н. Долгоруков). Здесь следует отметить, что пожалование часто носило «коллективный» характер. Пожалованные в один год и день жаловались также вместе в следующее звание камергера (наиболее наглядный пример: пожалованные в сентябре 1762 года жаловались в следующий чин в 1768 году).

Всего придворным чином камергера пожалованы 176 человек. Самый распространенный возраст пожалования 25-35 лет (Таблица 4).

Таблица 4 - Возраст пожалования чином камергера

	До 20 лет	21-25 лет	26-30 лет	31-35 лет	36-40 лет	41-45 лет	46-50 лет	После 50 лет	Возраст неизвестен
Всего человек	5	25	53	46	24	9	1	4	9
Процент % от всех пожалованных чином камергера	2,84	14,2	30,11	26,14	13,64	5,11	0,57	2,27	5,11

В дальнейшем карьера вельможи могла развиваться как исключительно придворная, так и в других сферах государственной деятельности. Служба параллельно придворной часто назначается с пожалованием чина камергера (до

этого пожалованные камер-юнкерами могут числиться при дворе и уезжать в длительные поездки по Европе).

Во многих случаях дворяне продолжали развивать карьеру уже после того, как переставали состоять в придворном штате. Придворный чин вельможи при упоминании в придворных календарях, адрес-календарях и прочих списках сохранялся. Что, очевидно, указывало на почетность и значимость такового для общества и обладателя, сохраняло определенный статус.

Продвинулись по придворной службе далее 25 человек (здесь учтены полученные придворные чины выше камергера и придворно-статские выше церемониймейстера).

Только придворная дальнейшая служба отмечена (не считая общественно-полезной и невысоко оплачиваемой нагрузки в виде участия в местных органах власти, о чем будет сказано отдельно) у 77 человек (до 60х годов из них пожаловано ко двору 10 человек и достаточно много молодых придворных 90х годов пожалования). То есть, большинство развивало карьеру и в других областях. Среди них наиболее часто встречаются следующие варианты службы, как параллельно придворной, так и после неё (Таблица 5).

Таблица 5 - Служба помимо придворной после пожалования званием придворного

	Сенат	Гвардия	Коллегия иностранных дел	Прочее
Всего человек	62	74	36	55
Процент % от всех пожалованных	25,1	29,96	14,57	22,27

Отметим, что один вельможа мог числиться сразу в нескольких властных инстанциях как параллельно друг другу, так и последовательно.

После губернской реформы 1775 года, с которой учреждались новые органы власти на местах (приказы общественного призрения, дворянские опеки, судебные

учреждения) часть придворных занимает должности в местном управлении. В большинстве случаев кавалеры были губернскими, городскими или уездными предводителями в дворянской опеке. Реже становились депутатами в дворянской опеке, судьями в совестном суде, заседателями в верхнем земском суде. Вновь учрежденные должности фактически не давали значительного содержания и влияния обладателю. «Роль общественных организаций была чисто пассивная, служебная. С окончанием выбора должностных лиц, предусмотренных Учреждением, они делались правительственными чиновниками, получающими жалование от казны и всецело подчиненными своему начальству»¹⁹⁸.

Следует отметить, что не только в отдаленных губерниях, но даже и в Петербургской, не все положенные по норме должности были замещены дворянами¹⁹⁹. Возможно, поэтому в деятельности местных дворянских опеки и судебных органов принимают участие и высокопоставленные чиновники. В некоторых случаях речь идет о замещении выборных должностей уже после ухода с основной службы. Отдельно отметим более значимые посты местного управления наместников и губернаторов, среди них семеро придворных (как упоминавшихся в придворных списках, так и уже нет).

Таблица 6 - Участие в местном управлении и суде

	Местные органы до пожалования ко двору	Местные органы параллельно основной службе	Местные органы после основной службы	Губернаторы/ Наместники
Всего человек	1	22	11	7
Процент % от всех пожалованных	0,4	8,91	4,45	2,83

¹⁹⁸ Мигунова Т. Л. Реализация губернской реформы Екатерины Великой: финансы и штаты // Вопросы истории и права: Межвузовский сборник научных трудов. Арзамас, 2002. С. 92.

¹⁹⁹ Там же. С. 95.

Успешность дальнейшей карьеры придворного, развивавшейся после пожалования придворным званием, характеризуется в представлениях изучаемой эпохи не в последнюю очередь получаемыми чинами. Класс чина в условиях закрепления и развития во второй половине XVIII века традиции «чинопочитания» указывает и на социальный капитал вельможи. «Положение в обществе, измеряемое классами чинов, получило значение главной жизненной ценности»²⁰⁰. Придворные получали далее как военные чины, так и переходили на гражданскую службу и получали гражданские чины. В некоторых случаях выходили в отставку с чином гражданской службы, получая до этого военные. Вельможи, оставаясь на придворной службе в качестве камергера, могли в дальнейшем получать гражданские чины третьего и четвертого классов. Такое пожалование скорее представляло собой почетную награду, чем влекло необходимость занимать новую должность и выполнять иные обязанности, чем прежде. Распределение полученных кавалерами наивысших чинов в карьере по классам выглядит следующим образом (Таблица 7).

Таблица 7 - Наивысшие полученные придворными при правлении Екатерины II чины по классам

	I класс	II класс	III класс	IV класс	V класс	VI класс
Всего человек	4	45	70	59	55	14
Процент % от всех пожалованных	1,6	18,2	28,34	23,9	22,3	5,7

В VI классе учтены пожалованные ко дворам наследников в 1790е годы в качестве камер-юнкеров ранга полковника, в V классе учтены также пожалованные в этих же обстоятельствах в камергеры ранга бригадира и в IV классе гофмаршалы ранга генерал-майора.

Культурные и мировоззренческие веяния эпохи обуславливали участие успешных государственных сановников в просветительской и воспитательной деятельности на благо Отечества. Среди исследуемой группы дворяне состояли

²⁰⁰ Оболонский А. В. Табель о рангах как зеркало российской бюрократии // Открытая политика: Журнал российской политической жизни. 1997. №5. С. 99.

членами и попечителями академий и воспитательных домов чаще всего в возрасте старше 35 лет и согласно наклонностям (коллекционирование искусства, научные интересы, литературная или образовательная деятельность). Большинство числились при Императорском воспитательном доме и Императорской академии художеств попечителями, возможно в силу того, что отношение к Академии наук или Российской академии предполагало наличие более специфических знаний и умений. Имело место и участие в деятельности сразу нескольких заведений. Г. А. Потемкин был почетным членом и попечителем всех перечисленных организаций (Императорская академия художеств, Императорская академия наук, Российская академия, Императорский воспитательный дом, Воспитательное общество благородных девиц). Но общий процент так или иначе участвующих в деятельности таких институтов относительно всех пожалованных все же невысок (Таблица 8).

Таблица 8 - Участие в просветительской и воспитательной деятельности государства

	Императорская академия художеств	Императорская академия наук	Российская академия	Императорский воспитательный дом	Воспитательное общество благородных девиц
Всего человек	18	12	11	20	4
Процент % от всех пожалованных	7,29	4,86	4,45	8,1	1,62

Многие из пожалованных (141 человек, включая двух возвращенных на службу Павлом I) продолжали числиться на службе и после 1796 года. У части вельмож служба продолжалась до последнего года жизни (32 человека). Среди тех, кто закончил службу в последние 2-10 лет жизни (21 человек), встречаются также случаи выхода в отставку по состоянию здоровья. Следует отметить, что достаточно много вельмож уволено либо ушло по собственному желанию в относительно молодом возрасте (не менее 41 человека, около 17%) и прожили

более 10 лет, не числясь на значимой службе (кроме замещения выборных должностей местного управления). Большая часть придворных все же оставалась на службе и по тем или иным причинам не воспользовалась свободой выйти в отставку. Историки по-разному объясняют побудительные мотивы к продолжению службы дворянства после принятия Манифеста 1762 года. Е. Н. Марасинова, проанализировав социальную психологию данного сословия на основании эпистолярных источников, пришла к выводу о скорее внеэкономических стимулах, связанных с пониманием долга и добродетелей²⁰¹. И. В. Фаизова же отмечает, что более обеспеченные помещики гораздо реже увольнялись от службы, восстанавливались на ней или переводились из одной сферы в другую, а если делали это, то скорее из «соображений успешной карьеры, при наличии выгодных предложений и перспектив»²⁰². Значение чина как отражения статуса, положения в обществе сохранялось и после отмены обязательной службы.

Относительно изучаемой социальной группы верны могут быть оба предположения. Тем не менее, сделать вывод о том, что абсолютное большинство служило всю жизнь, было бы некорректным, поскольку в данной выборке учтены и те, кто пожалован в 80-90е годы, то есть достаточно еще молодые люди к концу царствования. Средняя продолжительность жизни всех придворных составила 62 года.

Таким образом, анализ полученной базы данных позволяет сформировать коллективный портрет придворного кавалера времени правления Екатерины II. Исходя из превалирующих биографических характеристик, можно составить следующее жизнеописание. Будущий вельможа родился в семье дворянина, достигшего в своей карьере чинов I -V классов. Получил домашнее образование, о качестве которого довольно сложно судить. Возможно, осуществил свой гран-тур по Европе, что дало некоторые преимущества его кандидатуре для вхождения в

²⁰¹ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 299 с.

²⁰² Фаизова И. В. "Манифест о вольности" и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. С. 171.

придворное общество (но, если мы возьмем самый распространенный случай, то скорее всего гран-тура не состоялось).

С детских лет будущий придворный был записан на службу в гвардейский полк, возможно сменил его на другой гвардейский полк в процессе формальной службы с восхождением по карьерной лестнице. До 25 лет был пожалован ко двору камер-юнкером, примерно через 7 лет получил звание камергера. Скорее всего, получил и чин тайного советника через 10 лет. Помимо придворной кавалер числился в другом государственном учреждении, чаще всего Сенате или Коллегии иностранных дел, получал и гвардейские чины. В коллегиях вельможа получал должности ближе к 30 годам, в Сенат был пожалован ближе к 40 (сенатором, иные должности мог получать и около 30 лет). На службе или после выхода в отставку мог участвовать в деятельности учрежденных после реформы 1775 года местных органов власти. Возраст выхода в отставку вельможи определить достоверно затруднительно, поскольку анализируются разные поколения. Можно лишь констатировать, что большинство продолжало службу к моменту окончания царствования.

Таким образом, полученный коллективный портрет дает нам некоторое представление о самом распространенном варианте биографии, но не содержит достаточных сведений о происходивших изменениях, а также характерных для того или иного поколения особенностей биографий и уникальных случаях. Полученный результат анализа скорее подтверждает уже установившиеся в историографии представления о типичном придворном Екатерины II. Предполагаем, что дальнейший когортный анализ и анализ динамики карьер придворных позволит составить более полную картину, учитывающую всю сложность и многообразие социальных характеристик изучаемого института.

2.2.2. Когортное исследование

Для анализа изменений в биографических и социальных характеристиках вельмож, происходящих в течении правления Екатерины II, полученная выборка

персоналий была поделена на когорты по десятилетиям, исходя из даты пожалования придворным чином. При исследовании учитывались биографии и части придворных, пожалованных чином до июня 1762 года, но продолжавших активную службу и в правление императрицы. Их данные в основном учтены в первой когорте, а также частично во второй среди пожалованных в 1760-1769 гг. Пятая когорта имеет верхней границей 1796 год, а именно 6 ноября 1796 года, дату смерти императрицы.

Итоговое распределение анализируемой выборки по когортам выглядит следующим образом (Таблица 9).

Таблица 9 - Распределение случаев пожалования придворным званием по когортам

I когорта: пожалованные до 1760 г.	II когорта: пожалованные в 1760-1769 гг.	III когорта: пожалованные в 1770-1779 гг.	IV когорта: пожалованные в.1780-1789 гг.	V когорта: пожалованные в 1790-1796 гг.
41 человек	54 человека	49 человек	36 человек	67 человек

Наибольшее количество пожалованных именно в правление Екатерины II приходится на II и V когорты. В случае второй когорты это объясняется стремлением императрицы наградить участвовавших в возведении её на престол, в случае пятой - формированием малых дворов Александра Павловича, Константина Павловича и их жён.

Данные исследования происхождения (Таблица 10) показывают, что в первой когорте больше всего детей чиновников, получивших I класс по Табели о рангах. Это связано с неоднородностью первой когорты по времени пожалования ко двору, где учтены вельможи разных десятилетий пожалования (преимущественно сороковые и пятидесятые годы). Несмотря на то, что отцы пожалованных во второй когорте получали чаще чины I -V классов, как и в остальных когортах, преимущество здесь за чинами третьего и четвертого классов. В последующих III, IV, V когортах большинство отцов получало второй и третий класс.

Таблица 10 - Распределение кавалеров по когортам и классам наивысших чинов отца, полученных за карьеру

Класс чина	I когорта (чел.)	II когорта (чел.)	III когорта (чел.)	IV когорта (чел.)	V когорта (чел.)	Всего в классе (чел.)	Процент (%) от всех пожалованных
I	10	3	5		4	22	8,91
II	8	5	10	10	10	43	17,41
III	2	13	8	2	16	41	16,60
IV	4	10	3	5	8	30	12,15
V		2	3	4	4	13	5,26
VI		1	1		1	3	1,21
VII	1	3	1	4	4	13	5,26
VIII	3	2	3	2	1	11	4,45
IX			1	1	2	4	1,62
X					1	1	0,40
XII		3				3	1,21
XIV		1				1	0,40
Всего:	28	43	35	28	51	185	

Что касается прочих вариантов значений, то распределение по когортам выглядит следующим образом (Таблица 11).

Таблица 11 - Прочие варианты значения положения отца

	I когорта (чел.)	II когорта (чел.)	III когорта (чел.)	IV когорта (чел.)	V когорта (чел.)	Всего (чел.)	Процент (%) от всех пожалованных
Точный чин не установлен или не учитывался таблицей	5	8	9	6	8	36	14,57
Иностранцы 1 поколения русской службы	3	1	5	2	8	19	7,69
Отцы с придворным чином Московского царства	2	1				3	1,21

Продолжение Таблицы 11

Не дворянское происхождение	3	1				4	1,62
	13	11	14	8	16	62	

Данные анализа, как уже было отмечено выше, показали, что в подавляющем большинстве случаев речь идет об отцовских чинах первых пяти классов. Но если предположить, что там, где точный чин отца не установлен, вряд ли речь может идти о видном чиновнике с генеральским чином, и прибавить этих вельмож к указанным в Таблице 10 с чином отца ниже I-V классов, а также не дворян и иностранцев, то получим картину случаев пожалования ко двору, скорее не определенных высоким положением отца (Таблица 12).

Таблица 12 - Пожалование ко двору, не обусловленное высоким положением отца

	I когорта	II когорта	III когорта	IV когорта	V когорта
Количество человек / Процент от когорты	15 чел. /36,5%	20 чел. /37%	20 чел. /40,8%	15 чел. /42%	25 чел./37%

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении царствования войти в элитный круг придворных могли люди и не являвшиеся выходцами из семей первых сановников, хотя последних все же было большинство. Во всех когортах этот процент был приблизительно одинаков с некоторым повышением в третьей и четвертой. При, безусловно, сословном характере изучаемого института и в этом смысле закрытом способе формирования элитной группы, все же действовали механизмы обновления её состава внутри сословия.

Примечательно, что доля иностранцев первого поколения российской службы (представители следующих поколений учитывались уже наряду со всеми прочими) не превышает 8%, включая представителей польской аристократии, за счет пожалования которых доля иностранцев в пятой когорте выше, чем в

остальных. Во многих случаях речь идет о привлечении на дипломатическую службу и пожаловании придворным чином. При этом вельможа мог продолжать жить за границей и представлять российские интересы, фактически появившись при дворе в Санкт-Петербурге всего несколько раз, как это было в случае М. Нессельроде.

Данные об образовании вельмож помимо домашнего распределены по когортам следующим образом (Таблица 13).

Таблица 13 - Образование вельмож помимо домашнего

	I когорта (чел.)	II когорта (чел.)	III когорта (чел.)	IV когорта (чел.)	V когорта (чел.)
Сухопутный кадетский корпус	6	5		1	2
Пажеский Корпус	2			2	1
Московский университет и гимназия при нем		1	2		1
Артиллерийское училище			1		
Частные пансионы				2	1
Гран-тур	9	9	15	5	14

Относительно изменения образовательных стратегий, можно отметить, что популярность Сухопутного шляхетского кадетского корпуса среди будущих придворных к концу века несколько снизилась. По данным И. Федюкина²⁰³, касающимся несколько более раннего периода, но все отражающим тенденцию, доля детей отцов с I -V классом чина снизилась с 10,9% до 2% на отрезке от 1736 до 1758 года, но выросла доля детей штаб-офицеров обер-офицеров до 89,6 в общей сумме. То есть, к шестидесятым годам в корпусе обучались преимущественно дети

²⁰³ Федюкин И. И. "От обоих истинное шляхетство": Сухопутный шляхетный кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731 – 1762 // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII-XIX века: [сборник]. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 266.

среднего дворянства. Еще меньше представителей знатных семей станет в результате реформы И. И. Бецкого, пришедшейся на середину шестидесятых годов и введившей возможность совместного обучения детей дворян и разночинцев. Как отмечает в своей статье В. Ржеуцкий, ссылаясь на выступление А. Феофанова, «в последнюю треть XVIII века эта тенденция будет набирать силу и затронет практически все учебные заведения, в которых могло учиться дворянство (за исключением элитарного Пажеского корпуса): родители из числа высших армейских чинов (первые три класса Табели о рангах) не хотят, чтобы их сыновья учились за одной партой с детьми мелкого дворянства»²⁰⁴.

Наибольшее количество молодых дворян, осуществивших гран-тур, приходится на 1770е годы (довольно много и в пятой когорте, но там учтены и бывшие в гран-туре иностранцы, в большем количестве пожалованные в это десятилетие). Эти молодые люди составили некоторую особую условную группу «блестящей золотой молодежи» - детей сановников екатерининского правления.

Анализ особенностей пожалования чинами камер-юнкера и камергера на протяжении царствования показал, что наиболее ранние случаи характерны для последней когорты (первую когорту в этом отношении можно не учитывать, так как там речь идет о пожалованных в разные десятилетия, собранных воедино). В этот период многие получали чин камер-юнкера при формирующихся малых дворах и юный возраст новых вельмож соответствовал возрасту наследников и их жён. Кроме того, возможно более юный возраст пожалованных в это десятилетие объясняется необходимостью поощрить генеральский состав действующей армии, определив ко двору их молодых наследников (А. В. Чичагов, Е. И. Эльмт, К. И. Ферзен, А. А. Суворов).

Наибольшее количество поздних по возрасту пожалований (камер-юнкером после 30 лет и камергером после 36 лет) приходится на вторую когорту. Это

²⁰⁴ Ржеуцкий В. Pro et contra: идеал воспитания высшего дворянства в России (вторая половина XVIII - начало XIX в. // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII-XIX века: [сборник]. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 209.

обусловлено особенностями формирования Петром III своего придворного круга, ряд вельмож из которого сохранили чины и далее были повышены в классе при Екатерине II (С. М. Голицын, В. Б. Голицын, Н. Г. Строганов, Д. М. Матюшкин, Н. А. Головин), а также награждением придворным чином камер-юнкера участников возведения императрицы на престол, очевидно соотносившимся со степенью участия, а не с традиционным для должности возрастом (П.И. Вырубов, А.И. Ржевский). Возраст пожалования в камер-юнкеры объясняет и более зрелый возраст пожалования в камергеры представителей второй когорты впоследствии. Большее количество пожалованных сразу в придворный чин камергера во второй и пятой когортах (Таблица 14) обусловлено как необходимостью формирования новых дворов наследников, так и использованием возможности наградить участников переворота (последнее верно относительно второй когорты).

Таблица 14 - Пожалованные сразу в придворный чин камергера

	I когорта	II когорта	III когорта	IV когорта	V когорта	Всего
Пожалованы сразу в камергеры (чел.)	6	11	4	2	17	40

Средний срок пребывания в чине V класса до пожалования в IV на протяжении царствования возрастал с характерных для 60х годов 5-6 лет до 9 лет к концу царствования. Это может говорить об определённой стабилизации придворных практик пожалования, как и многих других государственных процедур в ходе длительного управления страной монархом.

Относительно тенденций в выборе или назначении на службу помимо придворной есть несколько примечательных моментов (Таблица 15).

Таблица 15 - Служба помимо придворной (после пожалования чином придворного)

	I когорта (чел.)	II когорта (чел.)	III когорта (чел.)	IV когорта (чел.)	V когорта (чел.)	Всего (чел.)	Процент от всех пожалованных
Сенат	21	17	18	4	2	62	25,10
Гвардия	3	11	11	16	33	74	29,96
Коллегия иностраных дел	9	5	11	6	5	36	14,57
Прочее	16	17	16	6	0	55	22,27

С уменьшением от I к V когорте возраста придворного к концу правления уменьшается и доля числившихся в Сенате, причем для последних двух когорт это было не звание сенатора, а место за обер-прокурорским столом (за исключением случая А. П. Мятлева). Данное обстоятельство объясняется возрастом, очевидно не считавшимся достаточно зрелым и заслуженным, хотя на протяжении всего царствования встречаются редкие примеры ранних пожалований в Сенат именно в качестве сенатора (Г. Г. Протасов в 34 года, Г. И. Чернышев в 26 лет).

Вельможи могли быть сенаторами в московских департаментах и числиться при этом в списке камергеров при дворе (например, В. А. Всевожский). Есть и случаи, где присутствие в Сенате было сопряжено с иной значимой должностью. К примеру, А. Н. Квашнин-Самарин присутствовал в Сенате и возглавлял Нижегородскую губернию; А. Р. Воронцов параллельно придворной службе присутствовал в Сенате, возглавлял Коммерц-коллегию и комиссию о коммерции; П. И. Вырубов параллельно придворной службе присутствовал в Сенате, возглавлял Соляную комиссию; М. М. Щербатов параллельно придворной службе присутствовал в Сенате, был президентом Камер-коллегии, герольдмейстером, присутствовал в комиссии о коммерции и в экспедиции по винокуренным заводам при Камер-коллегии.

Отдельно отметим большое число числившихся при Коллегии иностранных дел в третьей когорте. Объяснение этому кроется, возможно, в социальных и ментальных характеристиках данного поколения придворных, отразившихся на их карьерах. В семидесятые годы ко двору была пожалована группа детей

высокопоставленных сановников уже екатерининского правления, большинство из которых были хорошо по меркам времени образованы, побывали в Европе в ходе гран-тура. В среде образованной аристократии второй половины XVIII века под влиянием идей Просвещения формируются новые ценности и иное понимание долга служения государству. Сказывалось и влияние домашнего обучения, совершенствовавшегося с течением времени и ориентировавшегося на личность ребенка, воспитывавшего во многом либеральные для того времени взгляды и более «индивидуализированное» мировоззрение. Самовыражение через службу сменялось у новых поколений потребностью влиять на существующее положение вещей²⁰⁵. К концу XVIII века формируется слой политической, военной и интеллектуальной элиты, «представители которого уже претендовали на идейное лидерство и заявляли о собственном понимании «высшего блага»²⁰⁶. Патриотическое чувство и понимание долга перед Отечеством уже не связываются только лишь с необходимостью всемерно служить монарху. Данные представления во многом входили в противоречие с реалиями службы в России того периода. «Образованную элиту начинает раздражать и вызывать унижение достоинства, когда надо скрывать свою честность, если желаешь успеха, «идолопоклонство», «выхаживание наград», превращение в лакеев»²⁰⁷. Кроме того, согласно взглядам самой императрицы, воспитание просвещенного аристократа в первую очередь должно было сделать из него ответственного гражданина, предпочитавшего общественное благо личному. Это положение вступает в противоречие с другими идеями европейских просветителей, также задействованными Екатериной и её соратником в этом вопросе И. И. Бецким, скорее индивидуализировавшими личность. Дженет М. Хартли отмечает, что «дворянин проникался «западными»

²⁰⁵ Кошелева А.В. Российская элита: генезис, структура, особенности (социокультурный анализ). М.: Спутник+, 2005. С. 287.

²⁰⁶ Марасинова Е.Н. Манифест о вольности дворянства: к вопросу о механизмах социального контроля // Е.Р. Дашкова и золотой век Екатерины: [по материалам докладов XI Международных Дашковских чтений, март 2005 г.: сборник]. М., 2006. С. 103.

²⁰⁷ Кошелева А.В. Российская элита: генезис, структура, особенности (социокультурный анализ). М.: Спутник+, 2005. С. 274.

ценностями, знаниями и идеями, которые он не мог воплощать на практике в своей родной стране, что таким образом приводило к отчуждению от государства, которое обеспечивало образование и в значительной мере определяло учебный план, которому следовали»²⁰⁸.

В этих условиях «попыткой сохранения личного достоинства стала для такой элиты дипломатическая служба, а также учеба за границей и путешествия, что предполагало отъезд из страны без потери социального престижа»²⁰⁹. Исследователи отмечают, что в России второй половины XVIII века противоречия между престолом и меняющейся элитой разрешались не с помощью запроса на политические права и свободы от последней, а через формирование независимого духовного пространства и право нравственного самоопределения в частной жизни²¹⁰.

Указанная особенность изменения взглядов нового поколения аристократов сказывалась на развитии их карьеры и выборе службы. Многие из таких вельмож второй и отчасти третьей когорты (далее карьера не совсем репрезентативна, поскольку только лишь начинает развиваться в правление императрицы) жаловались придворным чином камер-юнкера в более раннем относительно остальных возрасте, но дальнейшая служба была скорее средней по успешности.

Иногда карьера развивалась крайне медленно. К примеру, А. Б. Куракин получил чин камер-юнкера в 20, камергера в 26, но далее в течении 20 лет не повышался в чинах, что было нетипично для кавалеров его происхождения. В данном случае такая «задержка» с пожалованием могла объясняться и тем обстоятельством, что Куракин был близок к цесаревичу. Вельможи второй и частично третьей когорты были одного поколения с наследником Павлом

²⁰⁸ Hartley Janet M. A social history of the Russian empire, 1650-1825. London: Longman, 1999. P. 129.

²⁰⁹ Кошелева А. В. Российская элита: генезис, структура, особенности (социокультурный анализ). М.: Спутник+, 2005. С. 274.

²¹⁰ Марасинова Е. Н. "Могу быть подданным, даже рабом, - но холопом не буду и у царя небесного": Власть и личность в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 2016. N. 5. С. 240.

Петровичем, многие установили с ним хорошие отношения (что вряд ли одобрялось при «большом» дворе), впоследствии получили повышение в чинах и развитие карьеры сразу после его воцарения. Среди них: Н. П. Румянцев, С. П. Румянцев, А. Б. Куракин, Н. Б. Шереметьев, А. К. Разумовский, Ф. Ф. Вадковский, Н. А. Голицын, а также несколько испортившие отношения с Павлом, но вернувшиеся при нем на службу в Санкт-Петербург Андрей Кириллович Разумовский и Никита Петрович Панин. Последние были отправлены представителями в европейские страны еще и вследствие определенных неудач при дворе императрицы, что также было и формой опалы в правление Екатерины. Среди других представителей обозначенной группы «золотой молодежи», служивших при иностранных дворах посланниками: Н. П. Румянцев, С. П. Румянцев, П. М. Скавронский.

Распределение получения чинов по классам и когортам, следовавших за первым в карьере придворным чином, обуславливается во многом возрастом пожалования (чем старше придворные из когорты, тем выше их наивысшие полученные в период царствования чины) и не показывает каких-либо значимых тенденций, кроме одной особенности. Не поднявшихся выше V и IV классов во второй когорте было относительно много, если учитывать их возраст, позволявший показать другие результаты к концу царствования. Отчасти это объясняется тем, что некоторые ставшие кавалерами в результате переворота гвардейцы не смогли удержать позиций и развить карьерный успех, получив чины выше V и IV классов (И. А. Всевожский, М. Г. Баскаков, Ф. А. Хитрово).

Сравнительный анализ распределения по когортам данных об участии в деятельности организаций, служащих просвещению и воспитанию подданных, показал, что такое членство скорее всего зависело от возраста вельможи. Но, возможно, имеет место и определённая «популярность» такого рода занятий у более старшего поколения. Если сравнивать вполне состоявшихся к концу правления представителей I и II когорт, очевиден будет бОльший процент участия в первой когорте (80,5 % против 35% во второй). Можно предположить, что это

связано с популярностью особым образом воспринимаемых идей эпохи Просвещения в круге близком к императрице по возрасту и демонстрируемым взглядам. При этом русский вариант просвещения предполагал скорее примат государства в этом вопросе. «Культура сосредотачивалась при дворе и служила государству, так как наука литература и искусство были включены в мобилизационную систему»²¹¹. К концу XVIII века ситуация меняется, власть «Уже не могла удерживать под своим контролем богатую интеллектуальную жизнь правящего сословия»²¹². С новыми поколениями хорошо образованных вельмож взгляды на этот вопрос менялись, акцент смещался в сторону частной инициативы, особенно в области благотворительности (странноприимный дом Н. П. Шереметьева, странноприимный дом Куракиных).

Отмеченные тенденции изменения или сохранения социально-биографических характеристик придворных, а также их карьерных предпочтений, дополняют представление о происходивших внутри изучаемого института процессах и социальных практиках. Тем не менее, данные когортного исследования не дают ответа на вопрос, что могло являться залогом успешной карьеры государственного деятеля, а также, что могло усилить либо ослабить влияние вельможи. Чтобы прояснить эти аспекты, необходимо обозначить критерии успешной служебной деятельности относительно рассматриваемого периода и проследить влияние тех или иных фактов биографии на её развитие. Более тщательный анализ карьерных траекторий позволит также предварительно оценить, насколько имело место влияние представителей данного института власти на принятие государственно-важных решений.

²¹¹ Кошелева А. В. Российская элита: генезис, структура, особенности (социокультурный анализ). М.: Спутник+, 2005. С. 277.

²¹² Там же.

2.3. Карьерный путь. Методика определения успешных карьер

Для ответа на поставленные выше вопросы в первую очередь следует обозначить критерии, по которым мы можем идентифицировать карьеру дворянина XVIII века как успешную, чтобы затем иметь возможность выделить её среди прочих и исследовать, какие факторы могли оказать решающее влияние на ее развитие. Одним из очевидных решений кажется определение удачной или неудачной карьеры с опорой на ключевой документ, регулировавший социальный статус согласно чину, - Табель о рангах.

Предположим, что одним из критериев успешной карьеры можно считать возраст получения чинов высоких классов. Чем раньше молодой человек получил придворный чин, к примеру, V класса, тем быстрее он получит чин IV класса, потом последующие, и окажется на более высоких ступенях карьерной и социальной лестницы, чем ровесники. Однако, полученные в ходе исследования данные не позволяют однозначно подтвердить эту гипотезу. Успешность дальнейшей службы после получения придворного звания совсем не была гарантирована. При соблюдении во многих случаях средних (по когортам) сроков нахождения в чине перед пожалованием в следующий, могли быть и случаи более продолжительного нахождения в классе, а могли быть и увольнения.

Всего рассматриваемых случаев с ранними пожалованиями 54. Исходя из сведений о средних по выборке возрастах, к таковым отнесены: камер-юнкеры до 21 года, камергеры до 30 лет, сенаторы или главные должности государственного управления коллегиями, правлениями банков, наместничествами и губерниями раньше 35 лет. Анализ факторов развития карьеры здесь во многом схож с анализом причин пожалования придворным званием, поскольку молодые люди в большинстве случаев начинали фактическую службу с чина камер-юнкера в юном возрасте. Из полученной группы происхождение могло быть решающим фактором в 42 случаях (78 %). Имеются в виду молодые люди, чей отец, дед, дядя достигали высоких чинов I-IV классов. Среди остальных молодых кавалеров четверо

пожалованы в результате переворота (у двоих из них отцы достигли чинов I-IV класса), двое могли быть пожалованы за отличия в действующей армии (у одного из них отец достиг чина III класса), 1 фаворит, 4 родственника фаворитов, происхождение ещё одного неизвестно. Приведенные данные показывают, что в основной массе раннее пожалование предопределялось положением семьи. В остальных случаях имел место скорее фактор конкретных событий (переворот, формирование малых дворов).

Еще одним фактом биографии, предположительно оказывавшим влияние на служебное положение дворянина, было образование. В данной группе гран-тур состоялся у 16 человек (около 30 % от всей группы, что выше среднего процента по выборке – 21%). Из них большинство дети или близкие родственники видных сановников с чинами I-III классов (кроме Е. А. Голицына, но в этом случае прадед был грузинским царем). Остальные варианты полученного образования, помимо домашнего обучения: Сухопутный Шляхетский Кадетский корпус – трое, один из них впоследствии отправился и в гран тур; частный пансион Эйлера – 1 человек, потом был и гран-тур; Пажеский корпус – 1 человек; Московский университет -1 человек. Суммарно образование в заведениях получили не более 11% от данной группы, что чуть ниже процента по всей выборке (12 %) и вполне соответствует курсу на домашнее обучение в среде высшей аристократии. Что касается влияния образования за границей на карьеры молодых дворян на этапе пожалования придворным званием в этой группе, то следует отметить, что довольно часто едут в Европу будучи пожалованными камер-юнкерами, поэтому вряд ли можно связать раннее пожалование и европейскую образованность. Гран-тур имел место скорее благодаря происхождению и состоятельности семьи, как и раннее пожалование.

Как показывает дальнейшее исследование, само по себе раннее пожалование не позволяет говорить однозначно об успешности карьеры, поскольку не дает гарантий дальнейшего быстрого продвижения. Промежутки между чинами далее могут быть более-менее стандартными. В отдельных случаях карьера не развивается длительное время (А. Б. Куракин, не получал чин третьего класса до

46 лет). Кроме того, вельможи из данной группы могли не занимать каких-либо значимых постов государственного управления. В некоторых случаях назначение на должности было скорее формой удаления от двора, часто связанной с откровенными неудачами (к примеру, назначение представителями к иностранным дворам). Примером карьеры молодого вельможи, формально успешной по рассматриваемому критерию, но фактически малозначимой в системе осуществления власти, служит биография П. М. Скавронского. Павел Мартынович был пожалован в камер-юнкеры и затем в камергеры в юном возрасте благодаря происхождению, но практически не появлялся в России и имел мало влияния на государственные дела (недолго служил посланником в Неаполе).

Следующей вероятной детерминантой карьерного успеха, если опираться при определении такового на Табель о рангах, можно предположить скорость повышения в чинах, то есть, время службы перед получением чина следующего класса. В данном случае, наиболее успешными предполагаются карьеры с промежутками менее средних по выборке для повышения в каждый последующий класс. При оценке такого показателя следует принимать во внимание, что большинство пожалованных ко двору с детских лет числились на службе в гвардии и получали там чины с повышением класса один за другим достаточно быстро, иногда в тот же год, как было отмечено выше. Таким образом, многие имели офицерский чин от X до VII класса уже к моменту пожалования ко двору. Иногда само пожалование происходило со «скачком» в несколько классов за короткий промежуток времени: из капитанов гвардии (VII класс) в камер-юнкеры (V класс) за 2 года, из поручиков (IX класс), а иногда из подпоручиков (X класс) за сравнимый промежуток времени (к примеру, П. П. Щербатов из X класса в V класс за 1 год). Поэтому анализ перемещений по такой лестнице до попадания ко двору в большинстве случаев не даст достаточно значимой для исследования информации за исключением случаев, когда пожалование можно рассматривать как награждение за фактическую службу и о службе до придворной известно достаточно. Такие карьеры объединены в отдельную группу с условно

«заслуженным» придворным чином и о ней будет сказано ниже. Но в большинстве случаев более репрезентативным представляется проследить скорость продвижения вельмож между классами после пожалования ко двору.

При выделении группы карьер с более быстрым продвижением в чинах учитывались средние показатели для пожалования каждым чином в различных когортах. С середины семидесятых годов распространенная схема повышения по изучаемой выборке предполагала производство из V в IV класс за 6 лет, из IV в III за 10 лет с последующим возможным пожалованием в сенаторы. На протяжении царствования средние промежутки увеличивались: промежуток между пожалованиями чинами пятого и четвертого класса вырос с шести лет в среднем до девяти, между четвертым и третьим с семи-восьми до десяти. С получением второго класса варьирование нахождения перед этим в третьем характеризуется большим разбросом значений, в этом исследовании промежуток менее 10 лет рассматривается как быстрое пожалование. Всего по выборке случаев на базе данных критериев насчитывается 46.

Анализ полученной совокупности показывает менее однородную картину факторов, влиявших на карьеру, чем в предыдущей группе. Значительно ниже доля пожалованных ко двору из семей, где отцы или деды имели чины I-IV классов (22 человека) из них скорее благодаря происхождению пожалованы 15, в остальных случаях большее значение предположительно играл переворот или личные отношения с императрицей (Дмитриев-Мамонов). Довольно много тех, кто поддержал Екатерину при перевороте – 14 человек (включая уже имевших придворное звание, но быстро получивших чин следующего класса как награду). Отдельно отметим 6 фаворитов, повышавшихся в чинах исключительно быстро: Г. Г. Орлов, Г. А. Потемкин, А. С. Васильчиков, И. Н. Римский-Корсаков, А. Д. Ланской, А. М. Дмитриев-Мамонов (четверо из них не несли при этом никакой значимой службы). Уволены со скорым по сроку повышением в чине 6 человек, все они гвардейцы, участвовавшие в перевороте (М. Е. Ласунский, А. И. Рославлев, С.А. Бредихин, С. А. Всевожский, И. В. Ступишин, Ф. Б. Пасек), чью карьеру вряд

ли можно назвать при этом успешной (кроме Ф. Б. Пасека, вернувшегося на службу впоследствии). Личные заслуги могли стать фактором быстрого карьерного роста в 5 случаях (была служба до и нет иных данных о других факторах, либо при приличном происхождении слишком поздно пожалован ко двору – Гагарин С. С.). Отметим также 6 родственников фаворитов Г. Г. Орлова и Г. А. Потемкина, чей карьерный рост, безусловно, был катализирован благодаря родству с фаворитами.

Из всех учтенных в данной группе гран-тур был у десятерых, что примерно равно среднему показателю по всем вельможам (22 % против 21 %). Пятеро закончили Сухопутный шляхетский кадетский корпус, двое посещали Московский университет, А. А. Безбородко учился в Киевской духовной академии. Процент посещавших учебные заведения в этой группе немного выше среднего по выборке – 18% (против 12 % по всем изучаемым персонам).

Тем не менее, карьеры и этой группы придворных не вполне можно считать однозначно успешными. Среди полученной выборки, к примеру, были случаи быстрого роста между IV и III классом чина, но довольно долгое нахождение в третьем классе перед получением второго: более 15 лет у двоих придворных (В. А. Всеволожский, И. В. Обухов). Или же были отмеченные выше случаи увольнения. Кроме того, вельможа мог не нести никакой государственной службы помимо придворной, что не позволяет оценить его как вполне влиятельного государственного деятеля. Таким образом, и это критерий сам по себе не дает достаточно репрезентативной для целей исследования выборки «успешных» карьер.

Третьим вариантом критерия определения состоявшихся придворных может быть факт назначения сановников на важные посты в государственном управлении. К таковым в данном исследовании отнесены вельможи, отвечавшие за сферы государственной политики: руководители учебных заведений и замещающие таковых, руководители коллегий, правлений банков, командующее войсками, наместники, директора императорских мануфактур. Как правило, речь идет о более чем одном назначении или же об одной должности по руководству целым

направлением (например, управление театрами). В подобных случаях предполагается особое доверие императрицы и перепоручение целых секторов государственного устройства сановникам. Не учитывались вельможи, бывшие только представителями при иностранных дворах, поскольку не всегда такое назначение свидетельствовало об успехе, часто таким образом отсылали знатных аристократов, расхоронившихся в мировоззрении с тронном либо опале, о чем сказано выше. В полученной выборке насчитывается 34 персоны. По факторам пожалования ко двору анализ показывает следующий результат: скорее по происхождению 17 человек (всего вельмож с отцами, дослужившимися до I-IV классов чинов Табели, 21 человек, но не всегда это играло ключевую роль в карьере. Например, отец Мусина-Пушкина В. П. был в опале и личным успехом он обязан скорее участию в перевороте), скорее по личным заслугам – 5 человек, в результате переворота – 4 человека (из них двое с отцами, дослужившимися до чинов I-IV класса), родственники фаворитов – 6 человек (из них 1 человек с отцом, дослужившимся до III класса), фавориты - двое. Фактор пожалования, разумеется, не подменяет и не отменяет дальнейшие личные заслуги и успехи на службе. Включавшиеся затем специфические механизмы продвижения в первые лица государства и роль личных качеств дворянина будут рассмотрены в третьей главе настоящей диссертации. Здесь мы можем лишь констатировать, что происхождение в данный период могло оказывать влияние лишь в чуть более половины случаев с видными государственными управленцами, получавшими и придворный чин. В прочих биографиях так или иначе речь идет о разных аспектах личных качеств и персональных карьерных стратегий. Отдельно отметим пятерых родственников фаворитов Екатерины II, где фактор происхождения не в полной мере объясняет карьерный успех.

Что касается такого важного аспекта, как данные об образовании вельмож, то гран-тур за границей был осуществлен в 9 случаях (26,5%), в учебных заведениях (Академиях, Университетах) отучились трое, трое закончили Сухопутный кадетский корпус (17,6 %). О хорошем домашнем образовании ещё троих

сохранились воспоминания (М. М. Щербатов, Б. А. Куракин, А. А. Ржевский). То есть, в данной группе как большее количество осуществивших гран-тур, так и большее количество посещавших государственные учебные заведения, чем в среднем по всем пожалованным. Что с одной стороны может свидетельствовать о неоднородном социальном составе и стартовых возможностях, а с другой и о большей степени образованности группы относительно всех представителей изучаемого института.

Таким образом, на наш взгляд, третья выборка в большей представляет успешные карьеры вельмож Екатерины II, поскольку именно эти персоны могли оказывать влияние на различные стороны государственного управления, принятия государственных решений. Вместе с тем, неверно было бы предположить, что прочие кавалеры, пусть даже оставаясь всю жизнь на придворной службе, не могли иметь значительное влияние и вес, особенно учитывая значение сложной системы патрон-клиентских отношений. Такого рода карьеры трудно оценить в количественном отношении по занимаемым постам или скорости повышения в чинах, данный аспект требует более пристального изучения социально-властных практик, характерных для данного института и периода истории в целом.

Полученные данные позволяют сопоставить все три группы придворных и найти их пересечения.

Совпадения у одной персоны первого и второго из описанных выше критериев успешной карьеры (ранние по возрасту пожалования высокими чинами и более быстрые пожалования в чины следующих классов) отмечены у 9 человек, включая одного уволенного с повышением в классе чина. Относительно общей суммы первой и второй групп (100 человек) это довольно низкое значение. Из такого соотношения можно сделать закономерный вывод о том, что раннее по возрасту пожалование высоким чином никак не предопределяло дальнейший карьерный рост быстрее среднего по изучаемой выборке.

Совпадения первого и третьего критерия (пожалованы в раннем возрасте высокими чинами и впоследствии занимали значимые посты в государственном

управлении) встречаются всего в шести случаях. Пересечений в данном случае ещё меньше, что говорит и о том, что многие выходцы из знатных родов, жаловавшиеся ко двору в относительно раннем возрасте, не сделали при Екатерине II значимой в плане государственного управления карьеры.

Больше всего совпадений в карьерах вельмож отмечено у второго и третьего предложенных критериев успешной карьеры (быстрое повышение в чинах и замещение важных государственных должностей) – 15 человек. Пятнадцатым можно считать Ф. Б. Пасека, чьё быстрое продвижение в чине сопряжено с увольнением и продолжением службы через ряд лет.

Из 15 отмеченных карьер вельмож в 11 случаях пожалование ко двору связано с родственными связями и фаворитизмом. В четырех случаях пожалование предопределили скорее личные качества (не исключая родственные связи).

Все три предложенных критерия совпали у троих вельмож: И. Г. Чернышев, А. Р. Воронцов, Г. А. Потемкин. Основным фактором, повлиявших на карьеру Григория Александровича, стали его личные отношения с императрицей. Далее уже, безусловно, сыграли роль индивидуальные качества, позволившие развить успех до роли принца-консорта по оценкам исследователей²¹³. Некоторое время Потёмкин обучался в Московском университете. У И. Г. Чернышева и А. Р. Воронцова отцы являлись высокопоставленными сановниками предыдущих царствований и были довольно близки ко двору. Оба завершили образование гран-туром, что давало определенные преимущества для пожалования придворным чином и дальнейшей службы.

Таким образом, анализ полученных в ходе исследования данных показывает, что фактор происхождения оказывал влияние на вероятность пожалования ко двору в юном возрасте. Раннее пожалование высокими чинами отнюдь не предопределяло более быстрое развитие карьеры, в большинстве случаев соблюдался порядок пожалования в следующий чин, предполагавший

²¹³ Мадариага Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой: [Пер. с англ.]. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 973 с.

определенную выслугу лет (для чинов выше V класса выслуги как таковой не существовало, но по когортам наблюдаются средние для десятилетий сроки нахождения в чине каждого класса). Более значимая корреляция наблюдается между случаями более быстрого продвижения в чинах и занятием важных государственных постов, руководством той или иной частью общественной жизни государства.

Следует отметить, что карьера, которая среди представителей изучаемого института выглядит не слишком успешно, среди абсолютного большинства дворянства того периода могла считаться удачной. Если провести сравнение²¹⁴ карьеры придворных екатерининского правления после пожалования за 1762-1790 гг. (карьерный путь именно этих дворян можно считать в большей степени сложившимся в ее правление и сколько-нибудь репрезентативным в плане наличия продвижений по лестнице чинов) и аналогичной выборки выпускников Пажеского корпуса, как наиболее близкого к придворной жизни, исследование покажет значительно более успешные карьеры именно пожалованных придворным чином. Представители императорского двора получали чины IV класса и выше (изучалась та часть придворных, которая сумела минимально продвинуться от звания камер-юнкера по лестнице чинов) значительно чаще чем выпускники Пажеского корпуса несмотря на элитарность и близость ко двору этого учебного заведения. То есть, мы можем предполагать, что сам факт пожалования придворным чином давал карьере иную перспективу. Кавалеры в большинстве числились, кроме того, и на других значимых должностях военной и статской службы (преимущественно статской). Возможно, вместе с пожалованием ко двору дворянин попадал в «кадровый резерв» и, проявив себя должным образом, мог быть назначен на важные государственные посты. Граф А. И. Рибопьер свидетельствует в подтверждение такого предположения в своих мемуарах: «Они [кавалеры]

²¹⁴ Оксамитная Д. А. Императорский двор Екатерины II как инструмент формирования элиты государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2020. № 3. С. 284-290.

постоянно дежурили при Государыне и Наследнике, составляли их ежедневное общество. Благодаря этому, их хорошо узнавали, оценивали и могли каждого назначить именно на то, на что он был годен. Это был благородный рассадник, из которого, по справедливому выбору или же по особой монаршей милости, выходили министры, гражданские сановники, военачальники...»²¹⁵.

Зачисление в такой «резерв» часто обуславливалось происхождением из семей чиновников высокого ранга. Но, как было отмечено в параграфе 2 настоящей главы, среди всей совокупности изучаемых случаев попадания ко двору этот фактор не оказывал абсолютно доминирующего влияния. Были и случаи пожалования в качестве награды за заслуги. В ходе исследования такие примеры проанализированы и объединены в отдельную группу. Критерием отнесения к данной совокупности стала предшествующая фактическая служба (не считая гвардии, где реальную службу от формальной отделить для этого периода затруднительно), которая могла дать шанс отличия для дворянина. Здесь следует отметить, что у многих все же фиксируется приличное происхождение. Факт служебного успеха и награды придворным чином в некоторых случаях установить проблематично из-за скудных биографических сведений, но он довольно вероятен в силу наличия длительной предшествующей службы (Я. П. Долгоруков, например).

Всего полученная выборка насчитывает 28 персон. Пожалование ко двору в этой группе происходит зачастую от 30 лет и старше (в 17 случаях). Раньше тридцати лет жаловались к малым дворам в 1790е годы после участия в боевых действиях. Сферы службы, предшествовавшей пожалованию придворным чином, были следующими:

- военная (в действующих армии и флоте) - 13 человек, из них адъютантами числились двое;

²¹⁵ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Кн. 1. № 4. С. 475.

- служба в Коллегии иностранных дел (при посольстве, посланником, при переводах) – 9 человек;
- прочие государственные учреждения (Медицинская коллегия, Канцелярия строений, Камер-коллегия, Комиссия по составлению нового уложения) – 4 человека;
- служба при Кабинете императрицы – 2 человека (из них А. А. Безбородко служил и в Коллегии иностранных дел).

Исходя из полученных данных, наиболее вероятным можно полагать пожалование за успехи на военной службе, что обуславливалось проведением масштабных военных кампаний и необходимостью вознаграждать участников, а также отвечает представлениям о воинском долге благородного сословия. Далее по возможностям пожалования ко двору в результате служебного усердия следует Коллегия иностранных дел. Данная особенность объясняется помимо прочего неплохим образованием служащих дворян. Как минимум, требовалось знание языков, которое проверялось в ходе отбора сотрудников коллегии и ценилось в придворном обществе. Но основным вектором дальнейшей карьеры в этом случае было продолжение службы за границей. Служба при Кабинете императрицы давала возможность непосредственного контакта с правительницей, в ходе которого уже личные качества дворянина могли быть ею оценены должным образом. Однако, не всякий секретарь императрицы был жалован придворным чином, большинство из них кавалерами не были. Это могло объясняться как отсутствием совокупности необходимых придворному качеств, так, возможно, и отсутствием личных амбиций такого рода.

Что касается прочих возможных факторов, оказавших влияние на ход карьеры в этом случае, то завершение образования гран-туром отмечено в 8 случаях. Семеро получили образование в частных и государственных учреждениях (двое в Кадетском корпусе, по одному в Киевской духовной академии, Пажеском корпусе, пансионе Эйлера, Московском университете, университетской гимназии при Московском университете). М. М. Щербатов был хорошо образован. Таким

образом, о неплохом образовании как минимум шестнадцати человек из двадцати восьми есть какие-либо данные, что позволяет сделать предположение о значимости этого биографического фактора для карьер придворных, чье пожалование ко двору можно считать условно «заслуженным».

Итак, среди общих факторов, наиболее часто оказывавших влияние на пожалование ко двору и начальное развитие карьеры, определяются: происхождение, родственные связи, наличие более значимого для социума того времени образования, чем просто домашнее обучение – гран-тура (у большего процента придворных по проанализированным группам, чем в общей изучаемой выборке придворных). Последующее развитие успеха зависело уже от менее поддающихся количественному анализу факторов, в число которых входят как личные данные и умения чиновников, так и влияние различных механизмов патрон-клиентских отношений.

Подводя итог подробному рассмотрению коллективной биографии и карьерных траекторий придворных Екатерины II, полагаем необходимым остановиться ещё раз на вопросе степени участия кавалеров в государственном управлении и значении пожалования придворным званием в связи с кадровой политикой императрицы.

Большинство исследуемых персон сначала было пожаловано придворным чином, а затем получало значимые должности. Таким образом, мы можем предположить, что, будучи пожалованными придворным чином, кавалеры получали доступ в некое сообщество, где могли так выстроить свои отношения с государыней и сановниками, проявить себя, чтобы развить успешную государственную карьеру. Личное общение позволяло императрице принимать те или иные кадровые решения, как, например, при проведении эрмитажных собраний: «С удовольствием на этих собраниях императрица соединяла и государственные виды. Тут она узнавала способности и достоинства людей, их недостатки и пороки. Если случалось ей слышать о каком-либо достойном человеке, она прежде приказывала проверить эти слухи, а потом приглашала его в

эрмитажные собрания..... Сообразуясь с личными наблюдениями, одних она отдаляла от себя, других возвышала. Губернаторы назначались только через Эрмитаж. На важнейшие места министров, статс-секретарей, и другие, она определяла не иначе, как после продолжительного, личного знакомства»²¹⁶ .

Отметим, что поскольку бюрократический аппарат управления империей рассматриваемой эпохи не отличался профессионализацией сфер управления, характерной для более развитых систем администрирования, требования о наличии должного опыта в соответствующей сфере к кандидатам на замещение высоких постов управления по сути не существовало. При реализации кадровой политики многое решали личные отношения и лояльность (либо иные сугубо политические соображения). Настоящее исследование позволяет привести примеры карьер придворных, возглавлявших коллегии, комиссии, наместничества, различные культурные учреждения и не имеющих при этом соответствующего опыта в искомой сфере государственного управления. Замечу, что во всех указанных ниже случаях все начинается с придворной службы, значимые должности появляются позднее. Что подтверждает предположение об императорском дворе как о кадровом резерве.

Примеры назначений на должности глав коллегий, комиссий без опыта соответствующей работы:

- Б. А. Куракин. Чином камер-юнкера пожалован в 16 лет, камергером пожалован в 22 года, гофмейстером в 28 лет, в 29 лет назначен в состав Комиссии по решению вопроса о монастырских землях, в 30 лет президент Коллегии экономии, в 31 год президент Камер-коллегии.
- А. П. Шувалов. Чином камер-юнкера пожалован в 13 лет, камергера в 17 лет, тайного советника в 24 года, с 24 лет директор Правления банков для выема государственных ассигнаций (вновь образованного), с 38 лет сенатор в первом департамент Сената и в межевой экспедиции Сената

²¹⁶ Исторические рассказы и анекдоты о Екатерине II её сподвижниках и современниках // Русская старина. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1874. Т. 10. С. 772.

присутствующий, глава Шпалерной мануфактуры, присутствующий в Комиссии о строении Санкт-Петербурга и Москвы, в 40 лет получил чин действительного тайного советника. В 43 года назначен в Совет.

- А. Р. Воронцов. Чином тайного советника пожалован в 16 лет, камергера в 20 лет и до 43 лет числится в списках, посланник в Голландии параллельно придворной службе в 24-27 лет, чином тайного советника пожалован в 32 года, в Комиссии о коммерции с 32 лет и президент Коммерц- коллегии с 32 лет, сенатор третьего департамента Сената с 37 лет, чином действительного тайного советника пожалован в 43 года, присутствует в Совете с 46 лет.

- Г. Г. Протасов. Камер-юнкер с 22 лет, с 25 лет президент главного Магистрата в Москве, в 30 лет пожалован чином камергера, Сенатор с 34 лет.

- М. М. Щербатов. Чином камер-юнкера пожалован в 35 лет, с 37 лет в Комиссии о коммерции, с 39 лет герольдмейстер, чином камергера пожалован в 40 лет, сенатор с 45 лет, президент Камер-коллегии с 45 лет и тогда же назначен при Экспедиции по винокурренным заводам.

- А. А. Ржевский. Камер-юнкер с 25 лет, камергер с 36 лет, советник директора Правления банков в 32-38 лет, в 35-36 лет замещает Орлова В. Г. на посту президента Императорской академии наук, в 38-48 лет президент Медицинской коллегии, с 46 лет сенатор и пожалован чином тайного советника.

- Н. Б. Юсупов. Камер-юнкер с 22 лет, с 28 лет камергер, с 32 лет и до 38 лет посланник в Турции и числится в Комиссии о коммерции, в 38 лет пожалован чином тайного советника и в Сенат, с 39 лет имеет главное надзирание за Императорской шпалерной мануфактурой, с 40 лет в Межевой экспедиции сената, с 42 лет директор Императорского стекольного завода, с 44 лет директор Императорского фарфорового завода.

- Ю. А. Головкин. Чином камер-юнкера пожалован в 22 года, камергера в 31 год. Параллельно придворной службе числится с 20 лет и до 34 лет капитаном

гвардии, с 20 до 30 лет числится советником в Правлении банков для выема государственных ассигнаций, с 33 до 36 лет директором Правления банков.

- П. П. Бакунин. Начал службу в Коллегии иностранных дел. Титулярный советник в 19 лет, коллежский асессор в 21 год, камер-юнкер в 27 лет по именному указу. В 28-30 лет правит должность директора Императорской академии наук.

- А. Н. Квашнин-Самарин. Паж при дворе, после выпуска из Пажеского корпуса поступил в Ингерманландский пехотный полк, в 48 лет церемониймейстер, в 50 лет пожалован чином действительного тайного советника, в 50-54 года губернатор Казанской губернии, 58-59 лет губернатор Нижегородской губернии, в Сенате с 57 лет.

- Ф. Б. Пасек. С 26 лет и до 32 лет значится как действительный камергер, затем был перерыв в службе. С 42 лет возглавляет Могилевское наместничество, в 45 лет генерал-аншеф, с 45 лет возглавляет Полоцкое генерал-губернаторство, с 47 лет в первом департаменте Сената.

- П. Ф. Квашнин-Самарин. Камер-юнкером пожалован в 29 лет, камергером числиться с 35 лет до 41 года, тайным советником пожалован в 40 лет, в 39-49 лет правитель Уфимского наместничества, председатель в приказе общественного призрения Уфимского наместничества, правитель Новгородского наместничества, председатель в приказе общественного призрения Новгородского наместничества, в Сенате с 49 лет (уволен от двора присутствовать).

Перечисленные примеры демонстрируют не только назначение главами коллегий, наместничеств и комиссий людей без должного опыта, не формировавшихся профессионально внутри соответствующей бюрократии, но и весьма условное (если не отсутствующее) понимание отраслевой специализации: чиновники могут возглавлять абсолютно не связанные между собой сферы государственного управления (карьера А. А. Ржевского, например). Надо отметить, что в области военного управления все же сохраняется приоритет

соответствующего опыта, но и там встречаются различные варианты. Например, назначение И. Г. Чернышева после дипломатической службы командиром галерного флота и порта, а затем и вице-президентом Адмиралтейств коллегии.

Отдельно следует отметить назначения в Сенат. Несмотря на то, что во многих случаях подобное назначение служило чем-то вроде почетной пенсии и не давало значимых полномочий и контроля за какой-либо сферой государственного администрирования, Сенат оставался значимым в плане репутационного веса государственным учреждением, что несомненно влияло на социальное и политическое положение пожалованных туда на должности кавалеров. Служба в Сенате отмечена у четверти всех изученных персон. На примере этого учреждения можно оценить участие кавалеров не только в придворных куртагах и церемониальной части жизни императорской резиденции, но и в органах государственного управления. Для этого мы провели исследование количественного соотношения придворных в составе Сената с шагом раз в 10 лет: в 1773, 1783, 1793 гг. со следующим результатом:

- 1773 г.: из 25 сенаторов отмечены 11 человек с придворными чинами и двое из обер-прокуроров;
- 1783 г.: из 37 сенаторов отмечены 14 человек с придворным чином, двое из обер-прокуроров, двое имеющих место за обер-прокурорским столом в первом департаменте и за генерал-прокурорским в общем собрании;
- 1793 г.: из 49 сенаторов отмечены 22 человека с придворным чином, двое обер-прокуроров с придворным чином, двое имеющих место за обер-прокурорским столом в первом департаменте и за генерал-прокурорским в общем собрании.

Итак, на протяжении исследуемого правления примерно 40-45% от состава Сената имели придворный чин, что является значимым показателем, отражающим фактическое участие придворных в деятельности иных властных институтов. У многих придворных была соответствующая полномочиям в различных государственных учреждениях доля власти. Да, не все из них возглавляли

коллегии, комиссии, наместничества и т.д. Но помимо двора служило большинство кавалеров. После пожалования придворным званием только придворная служба отмечена у 77 человек (что отнюдь не лишает их влияния, вельможи могут вполне способствовать назначениям, продвижениям, быть искусными царедворцами), прочая служба (не считая гвардии, хотя есть и те, кто там продвигался вполне успешно) отмечена у 153 человек.

Придворный чин ценился и сам по себе, имел символическое значение попадания в особый круг лиц, а значит придавал большой репутационный, политический, социальный вес персоне. Даже уволенные от службы бывшие кавалеры при упоминаниях в местных органах управления всегда сопровождалась указанием придворного чина (А. И. Рославлев, например, уволенный от службы в связи с делом Хитрово, в 1786-1787 гг. значился в городе Бронницы предводителем дворянской опеки с указанием чинов генерал-поручика и камергера). Кроме того, фавориты в большинстве своем получали и придворный чин (Г. Г. Орлов, А. С. Васильчиков, И. Н. Римский-Корсаков, А. Д. Ланской, А. М. Дмитриев-Мамонов). Даже в длинном титуловании Г. А. Потемкина в Адрес-календарях всегда особо указывался его чин действительного камергера, хотя, как кажется, он в нем при всех своих прочих регалиях мало нуждался. То есть, у придворного чина было символическое значение принадлежности к особой «касте», что (вкуче с тем, что первый придворный чин камер-юнкера уже относился к пятому классу Табели) давало карьере иную перспективу. Получение чина высокого ранга поднимало и планку ожиданий пожалованного, последующие назначения должны были соотноситься с уже достигнутым положением в обществе.

ВЫВОД

Анализ коллективного портрета придворных показал сохраняющееся высокое значение происхождения для пожалования придворным чином и дальнейшей успешной службы. Тем не менее, процесс рекрутизации элиты не носил строго закрытый характер, поскольку довольно высок процент

пожалованных, чье происхождение не предопределяло априори попадание ко двору как этап карьеры (как в случае с выходцами из семей высокопоставленных сановников первых чинов из ближнего окружения императрицы или родственников правящей династии). Кроме того, когортное исследование показывает, что в последние два десятилетия царствования процент таких случаев немного повышается, что говорит о некотором расширении горизонта возможностей для представителей дворянства чуть менее привилегированного.

Образовательные стратегии в изученной группе кавалеров показывают сохранение преимущества домашнего образования перед образованием в заведениях. Среди последних доминируют закрытые сословные корпуса с общеобразовательным профилем. Завершение образования гран-туром в большинстве случаев характерно для представителей обеспеченных и знатных семей, что еще раз подчеркивает преимущества происхождения на старте карьеры.

Карьерные траектории придворных в целом отличает соблюдение характерных для нахождения в каждом классе чина временных отрезков с тенденцией к росту таковых к концу царствования. Нарушение общего сложившегося порядка пожалований с более быстрым ростом в чинах чаще было вызвано фактором конкретных событий, таких как переворот 1762 года или формирование малых дворов внуков императрицы. Большинство дворян изучаемой группы продвинулось в чинах выше первого придворного чина камер-юнкера, более половины поднялись и до I - III классов, что свидетельствует как о влиянии самого фактора пожалования на карьеру, так может и говорить о роли императорского двора как кадрового резерва.

Оценивая влияние Манифеста 1762 года на развитие анализируемых карьер, следует отметить, что об относительно ранней отставке можно говорить лишь в 17% случаев, включающих опалы. Большинство числилось на должностях вплоть до последних лет жизни. Что свидетельствует о сохранении важности службы для шляхетства, ее влиянии на социальный статус, материальное положение и

самоидентификацию личности в формирующейся новой бюрократической иерархии страны.

Анализ биографических факторов, оказывающих влияние на карьерный успех, показывает, что при различных критериях выделения наиболее удачных служебных траекторий, сохраняется доминирующее значение происхождения. Среди прочих фактов биографии значимыми являлись: попадание в фавор к императрице, возвышение в фавориты родственника, факторы конкретных событий (в особенности переворот 1762 г.).

На наш взгляд, критерий выделения успешных карьер на основе степени государственного влияния, оцененного через занятие наиболее важных государственных постов, является наиболее достоверным с точки зрения интерпретации успеха как вхождения в государственную управленческую элиту и приобретения возможности влиять или оказывать влияние на принятие государственных решений. Для таких случаев помимо сохранявшегося влияния происхождения, значение могла иметь и лучшая образованность относительно средней, а также близость к фаворитам. Прочие факторы роста, связанные не с биографическими константами, а с практиками внутриэлитного взаимодействия будут рассмотрены далее особо.

Отдельно отметим, что пожалование придворным чином выступало как присвоение политического и социального капитала: авансом за заслуги родителей (как в многочисленных случаях с детьми влиятельных сановников на старте карьеры) или как поощрение за успехи на других поприщах, и позволяло кавалерам рассчитывать на соответствующую уже достигнутому положению карьерную перспективу. Многие кавалеры благодаря последующим назначениям на значимые управленческие посты, часто не соответствовавшие наличию опыта и соответствующих компетенций у назначаемых, получали властные полномочия в тех или иных сферах государственного администрирования. В последнем обстоятельстве также, на наш взгляд, реализовывалось значение императорского двора как одного из центров распределения власти.

ГЛАВА 3. ВЫЯВЛЕНИЕ И АНАЛИЗ НЕФОРМАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ КАРЬЕРНОГО РОСТА, В ТОМ ЧИСЛЕ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРА ПАТРОН-КЛИЕНТСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

3.1. Интегрированность неформальных отношений в механизмы осуществления власти

3.1.1. Роль неформальных отношений в системах власти государств Нового времени, российская специфика

Анализ полученной в ходе исследования императорского двора просопографической базы данных позволил сформировать представление о наиболее распространенных этапах биографий вельмож, векторах развития карьер, а также отклоняющихся от усредненного тренда вариантах биографий. Все изученные персоналии действовали в определенном социальном поле придворной жизни, где присутствовали специфические гласные и негласные законы развития отношений. Успешное освоение особых правил взаимодействия в данной среде позволяло кавалерам наиболее эффективно функционировать в изучаемом общественном пространстве, в том числе и с точки зрения служебного успеха. Более подробный анализ специфики придворных отношений как части внутриэлитного взаимодействия даст дополнительное знание о факторах, оказывавших влияние на развитие изученных карьер. Сопоставление полученной информации с материалами базы данных позволит на конкретных примерах проследить влияние неформальных практик имплементации власти на карьеры представителей государственной элиты екатерининского правления.

Особая роль неформальных отношений внутри официальных иерархий государственного управления в большей или меньшей степени неизменно проявляется на протяжении столетий истории различных государственных образований. Их изучение позволяет видеть все нюансы работы механизмов

осуществления власти, распределения материальных благ и милостей, раздачи официальных должностей. К одним из ключевых видов неформальных отношений, в том числе оказывающих влияние на механизмы рекрутирования элиты, исследователи относят патрон-клиентские отношения.

Подобные отношения были особенно распространены в государствах Нового времени, дублируя (а иногда и подменяя) зачастую неэффективные механизмы осуществления государственной власти и представляли собой не менее важную систему управления, чем официальная административная иерархия²¹⁷. Вопрос о том, связано ли большее распространение отношений патроната и клиентелы в изучаемый исторический период с вырождением феодализма или же подобные отношения существовали на всем протяжении истории человечества с античных времен, является спорным. Некоторые исследователи отмечают, что монархическое правление само по себе подразумевает патримониальную форму традиционного господства, базовым принципом которого выступают «клиентарные отношения»²¹⁸. Для государств Нового времени описываемое явление представляется скорее типичным, «сформировавшийся внутри официальных государственных структур и функционировавший параллельно с ними»²¹⁹. При этом личные отношения во властных кругах не всегда воспринимались в обществе с негативной коннотацией. К примеру, «верность» и личная «преданность» относились к ценным добродетелям, хотя и часто влекли за собой включение неофициальных механизмов управления, связанных с непотизмом, коррупцией и прочими пороками патримониальных систем. Кроме

²¹⁷ Ермакова О. К. Терминологические аспекты дискуссии о неформальных связях в государствах Европы Нового времени (на примере современной англо- и франкоязычной историографии) // Вестник ННГУ. 2021. №2. С. 24.

²¹⁸ Мельников К. В. Клиентелизм как определяющая черта неопатримониальных режимов // Вопросы управления. 2017. №1 (44). С. 74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientelizm-kak-opredelyayuschaya-cherta-neopatrimonialnyh-rezhimov> (дата обращения: 18.11.2025).

²¹⁹ Кром М. М. Патронат и клиентела в Московском государстве XVI-XVII вв.: Историография и проблематика // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. №4. С. 74.

того, как указали С. Н. Айзенштадт и Л. Ронигер, неформальные связи служили не только для обмена ресурсами, но и восполняли потребность в доверии.

В посвященной развитию Российского государства историографии описаны примеры подобных отношений и в допетровской эпохе. М. М. Кром указывает на XVI век как на наиболее раннее задокументированное проявление данного явления общественной жизни²²⁰. П. В. Седов отмечает покровительственное отношение бояр к более бедным дворянам, которые могли выполнять различные поручения и составлять свиту «патрона». Бояре в свою очередь способствовали служебному росту «клиентов»²²¹. Другой отечественный историк А. П. Павлов отмечает особое распространение таких отношений во время правления Михаила Федоровича и обращает внимание на их «наследственный» характер²²². Павлов связывает развитие патронажа и клиентелы в послесмутное время с тем обстоятельством, что в столицу на службу попадало все большее количество уездного дворянства, которое стремилось заручиться поддержкой влиятельных бояр. Основанием для складывания устойчивых неформальных отношений покровительства могло выступать родство, земельное соседство, служебная деятельность. М. М. Кром отмечает, что в наиболее развитой своей форме, характерной уже для XVII – XVIII веков российской истории, институт патроната и клиентелы формируется параллельно и вследствие централизации государственной службы, приобретения ею обязательного характера, «когда царская, то есть государственная, служба играла центральную, системообразующую роль в жизни дворянского сословия»²²³.

Важным отличием исторических процессов в России и западной Европе в плане становления и развития бюрократического аппарата, отразившемся и на специфике патрон-клиентских отношений, исследователи указывают то

²²⁰ Там же. С. 70.

²²¹ Седов П. В. Боярские «хлебояжцы» и свойственники // Времена и судьбы: сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб.: Европейский Дом, 2006. С. 133–142.

²²² Кром М. М. Патронат и клиентела в Московском государстве XVI-XVII вв.: Историография и проблематика // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. №4. С. 69.

²²³ Там же. С.70.

обстоятельство, что «в России упадок феодализма и укрепление государственной власти были сопряжены с деполитизацией социальной жизни, деспотизацией всей сети иерархических властных отношений в русском обществе»²²⁴. Отметим, тем не менее, другие исследователи полагают, что система управления в России раннего Нового времени не отличалась драматически от современных ей монархий «старого режима», но все же деспотические черты управления признаются и ими²²⁵. Стремление самодержавия к всеобъемлющему контролю и централизации приводило к разрастанию бюрократии и увеличению персонального влияния чиновников на местах, что в свою очередь стимулировало коррупцию. Таким образом, управленческая модель тяготела скорее к простому персональному управлению, нежели к институциональному формализованному, что повышало значимость неформальных отношений

Другой особенностью, способствовавшей распространению патрон-клиентских отношений, отметим то, что в Российской империи рассматриваемого периода меритократические критерии отбора чиновников на занятие государственных должностей не были приоритетными. Петровские реформы, предполагавшие новый порядок рекрутирования (Табель о рангах) и финансирования (через фиксированные оклады) государственных служащих, оказали некоторое влияние на начальные этапы формирования бюрократического управления, но на деле во многом продолжали действовать старые, существовавшие ранее неформальные механизмы. Чины высших рангов в большинстве случаев все равно получали дети привилегированной знати. В этих условиях отношения патронажа и клиентелы процветают, поскольку одним из ключевых факторов быстрого карьерного роста была протекция. «Борьба за успех,

²²⁴ Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С.101.

²²⁵ Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. 271 с.

власть, богатство предполагала социальный капитал, т.е. цепь выгодных связей»²²⁶. Протекция вступала в качестве механизма рекрутирования элиты, вытесняя меритократический принцип ее формирования. «Табель о рангах», основа петровской бюрократической модернизации и формирования регулярного государства, закрепила иерархию и социальное значение чинов, но «продвижение только по табельному расписанию было, пожалуй, уделом неудачников»²²⁷. Кроме того, служебный успех зависел от воли императора и близости к царской особе, что также усиливало патримониальные начала царской власти над бюрократической системой. «В самодержавной России неограниченная власть монарха являлась единственным законом, а близость к трону и благоволение государыни определяли состав политически господствующей верхушки, возвышение и падение дворянских группировок»²²⁸. Добавим к этому утверждению отмеченное нами в первой главе настоящей работы влияние такого правового состояния и на прочность власти монарших особ. Данное положение вещей, как отмечают исследователи²²⁹, было скорее общей тенденцией для подобных бюрократических модернизаций в европейских странах.

3.1.2. Роль неформальных отношений в институтах власти

С появлением и развитием рационально-легальных институтов управления неформальные отношения адаптировались к новым условиям, особенно если

²²⁶ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С.118.

²²⁷ Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С.118.

²²⁸ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С.40.

²²⁹ Мельников К. В. Клиентелизм как определяющая черта неопатримониальных режимов // Вопросы управления. 2017. №1 (44). С.75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientelizm-kak-opredelyayuschaya-cherta-neopatrimonialnyh-rezhimov> (дата обращения: 18.11.2025).

институционализация шла не вполне успешно. М. Н. Афанасьев отмечает²³⁰, что «Российский государственный строй не знал четкой и определенной дифференциации формального и неформального, институционального и персонального, власти-функции и личной власти». Подобные черты государственного управления в XVIII отмечает Б. Н. Миронов²³¹. В условиях модернизирующегося государства переходного периода, к которому в российской истории можно отнести большую часть XVIII века, частные связи могут подменять институты «имперской государственности»²³². К примеру, рассматривая работу таких формальных государственных институтов, как коллегии, исследователи отмечают, что несмотря на существовавшую официальную процедуру принятия решений общим голосованием, последнее фактически не проводилось, все зачастую решалось неформально до голосования²³³. «Система самодержавия, порожденное им господство фаворитов, «ласкателей» и «сильных людей», низкая исполнительская культура чиновников — все это делало коллегиальность формальной и малоэффективной»²³⁴.

Несмотря на первые шаги в государственном управлении по формализации службы чиновников, подчинения её установленным процедурам и ограничения рамками введенных институтов (создание Сената и коллегий, принятие Табели о рангах, введение фиксированных окладов государственных служащих, издание

²³⁰ Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 98-99.

²³¹ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 томах. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2023. Т.2. С. 545.

²³² Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С.11.

²³³ Патронат и клиента в истории России: (материалы "круглого стола") // Источник. Историк. История. Выпуск 4: Новая политическая история / ответственный редактор М. М. Кром. Санкт-Петербург: Алетей, 2004. С. 267.

²³⁴ Анисимов Е. В. Императорская Россия: [от Петра Великого до Николая II]. Санкт-Петербург: Питер, 2008. С. 315.

указа «О существенных обязанностях чиновников» в 1765 г.), система отличалась рядом черт, существенно затруднявших администрирование. К таким относят²³⁵: несоординированность центральных и местных ведомств, недостаточный контроль за деятельностью чиновников и учреждений, несмотря на наличие специально для этого созданной прокуратуры, смешение различных функций и ветвей власти в одном учреждении, недостаток государственных служащих и отсутствие должного образования у наличествующих, сохранявшаяся практика кормлений от дел в виде взяток. Указание центральной власти могло не быть исполненным как вследствие недостатка кадров на местах, так и из-за намеренного сопротивления местных властей попыткам упорядочить управление и контроль в виду материальной заинтересованности провинциальных чиновников²³⁶. Система была выстроена таким образом, что иногда управлять было проще, минуя официальные механизмы и расставляя на посты знакомых и верных людей. Вследствие чего многие процессы управления шли параллельно официально существовавшим процедурам и институтам. «Преобладание неформальных практик вело к узурпации чиновниками власти, принадлежавшей государственным учреждениям, и разрастанию теневой сферы в бюрократии»²³⁷.

Процессы неформального управления шли «за фасадом» существовавших властных институтов, что в некоторой степени поддерживало представление об эффективности последних. В действительности институционализация и администрирование государственного управления отнюдь не были завершенными и эффективными процессами. По крайней мере на начальном этапе правления Екатерины II институционализация государственного управления и меритократический отбор чиновников если и не отсутствовали совершенно, то

²³⁵ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 томах. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2023. Т. 2. С. 544.

²³⁶ Курукин И. В. "Вскоре тех ведомостей сочинить невозможно": Административная повседневность провинции в эпоху "бироновщины" // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 6. С. 43.

²³⁷ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 томах. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2023. Т. 2. С. 501.

были в недостаточно развитом состоянии. В продолжении царствования императрицы в этой сфере произошли некоторые примечательные изменения. В частности, после проведения губернской реформы 1775 г. появились новые местные властные учреждения, частично избираемые, произошло выделение сословной судебной власти, структурирована вертикаль исполнительной власти. Кроме того, увеличивалось число чиновников относительно населения, прописывались их обязанности и регламент поведения (указ 1765 г. «О существенных обязанностях чиновников»), увеличивалось финансирование и проведена фиксация окладов. Все эти меры способствовали решению проблемы кадрового голода, рационализации складывавшейся бюрократической системы, организации и систематизации процесса администрирования. Исследователь государственного управления России XVII-XVIII вв. Л. Ф. Писарькова отмечает, что «представление о быстром росте рядов бюрократии в результате реформ Петра I оказалось в значительной степени преувеличенным»²³⁸ и значительно бюрократический аппарат увеличился уже после губернской реформы 1775 г. Но патримониальные основы делопроизводства все еще сохранялись. Сенат, коллегии, органы местной власти и суда не действовали независимо как институты, согласно закрепленным формальным процедурам и правилам и под свою ответственность, а лишь призваны были исполнять волю вышестоящего начальства²³⁹. Л. Ф. Писарькова полагает, что «в последней четверти XVIII в. сложилась система управления, при которой верховная власть осуществляла свои функции посредством не учреждений, а доверенных лиц»²⁴⁰. Сами чиновники не получали специального образования, оставались специалистами «широкого профиля», часто

²³⁸ Писарькова Л. Ф. Российская бюрократия XVIII в.: состав и численность // Петр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 230.

²³⁹ Yaney G. L. The systematization of Russian government. Urbana, a. o.: University of Illinois press, 1973. P. 91.

²⁴⁰ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 480.

переходили с военной службы на государственную, сохранялась практика получения ими взяток с зависимых просителей²⁴¹. Кроме того, отдельно следует отметить закрепившуюся при Екатерине II практику повышения в чине автоматически по истечении 7 лет вне зависимости от наличия соответствующей свободной должности и личных дарований соискателя как нивелировавшую меритократические интенции, заложенные в Табели о рангах.

Анализ возникающих трудностей государственного управления дается, в частности, в докладе Н. И. Панина Екатерине II²⁴², где отмечены проблемы существующих органов власти, и других документах по данной теме (проект манифеста о реформе Сената и создания Императорского Совета). Среди ключевых недостатков упоминается плохая координация управления, отсутствие унификации и ревизии законов: «все дела вышеобъявленных государственных частей производятся в их собственных коллегиях и приказах еще больше с наблюдением одного приказного порядка, нежели с попечением о действительном успехе и о общей пользе, ибо и каждое приказное место имеет свои границы собственных законов, которые разводят касательность их дел между собою. А кто думает, что правительствующий сенат, обнимая все дела, исправляет сию неудобность, тот совершенно, как выше доказано, ошибается, потому что сенат в пределах тех же законов каждого места обращаться должен»²⁴³. Вследствие чего, отмечает Панин, Сенат даже если и делает по предписаниям, иногда это идет совершенно вразрез реальности и необходимости, «часто не соображая, что по переменам положения в государстве и по приключаящимся обстоятельствам одно другому иногда может

²⁴¹ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 томах. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2023. Т. 2. С. 499.

²⁴² Панин Н. И. Доклад о управлении государством, поданный Екатерине II вскоре по восшествии ее на престол; Записка князя Михаила Никитича Волконского о необходимых улучшениях (1775). Лейпциг: Вольфганг Гергард, 1863. URL: <https://elibr.shpl.ru/ru/nodes/32140> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁴³ Там же. С. 8. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/32140#mode/inspect/page/14/zoom/4> (дата обращения: 18.11.2025)

делать, а иногда и действительно делает подрывы»²⁴⁴. Совсем категорично Никита Иванович дает негативное заключение о делопроизводстве в предыдущие царствования: «все наиважнейшие должности и службы претворены были в ранги и в награждения любимцев и угодников; везде фавер и старшинство людей определяло; не было выбору способности и достоинству. Каждый по произволу и по кредиту дворских интриг хватал и присвоивал себе государственные дела, как кто которыми думал удобнее своего завистника истребить, или с другим против третьего соединиться»²⁴⁵. Надо полагать, что описанные порядки не изменились в одночасье с началом нового царствования.

Как на основные причины сложившегося положения дел Н. И. Панин указывает как раз на отсутствие должной институционализации управления и чрезмерную роль персональных отношений. В частности, упоминая правление Анны Иоанновны и его недостатки, отмечает, что «таковыя государству вредныя приключения происходили несомненно частию от того, что в производстве дел действовала более сила персон, нежели власть мест государственных; частию же и от недостатка таких начальных оснований правительства, которыя бы его форму твердою сохранять могли»²⁴⁶. Заметим, что в предлагаемых проектах реформирования государственных органов управления отдельно упоминаются требования к чиновникам, где отражена и интенция учитывать скорее меритократические критерии отбора вразрез с существовавшим при предыдущих царствованиях порядком: «следовательно для подаяния совершенной силы действию его самодержавной власти, а особливо избранные к тому статские секретари, яко члены в том трудами и работою поспешествующие, должны иметь

²⁴⁴ Проект гр. Н. И. Панина о реформе Сената и создании Императорского Совета. 1762 г. URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13644> (дата обращения 18.11.2025).

²⁴⁵ Панин Н. И. Доклад о управлении государством, поданный Екатерине II вскоре по восшествии ее на престол; Записка князя Михаила Никитича Волконского о необходимых улучшениях (1775). Лейпциг: Вольфганг Гергард, 1863. С. 16. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/32140#mode/inspect/page/22/zoom/4> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁴⁶ Проект гр. Н. И. Панина о реформе Сената и создании Императорского Совета. 1762 г. URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13644> (дата обращения 18.11.2025).

сверх способности, знания и разума, качества телесных к таковым большим заботам; еже временем болезнями и многими другими приключаящимися обстоятельствами в жизни, может приходить в ослабление, из чего также может надобность дел требовать и перемены в их персонах»²⁴⁷. Отдельно отмечается формализм в исполнении должностей сенаторами и отсутствие контроля за их деятельностью²⁴⁸.

В данных условиях как раз возрастает роль персональных и, в частности, патронажных отношений, которые решают проблемы эффективного управления и заполняют лакуны недостаточно слаженного и прописанного механизма администрирования и делопроизводства. Существует и такое мнение, что «никакие законы не будут эффективно функционировать, если они не подкреплены неформальными отношениями, которые в значительной мере определяют характер и направленность изменений институтов политической власти»²⁴⁹. Работа самих институтов, в частности Сената, во многом зависела от борьбы придворных партий, которая переносилась в государственные органы вслед за назначением туда членов тех или иных патронажных иерархий²⁵⁰.

Непосредственно борьба лидеров патронажных иерархий из крупных сановников проявляла себя в Совете - органе, созданном в первую очередь для решения военных вопросов, а затем вопросов внутреннего управления и внешней дипломатии. Английский историк С. Диксон даже полагает²⁵¹, что фактически на протяжении всего XVIII века русская администрация координировалась рядом созданных под специальные внеочередные задачи (как правило, военные) групп

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Лаптева Юлия Владимировна Проект фундаментальных законов Н. И. Панина - Д. И. Фонвизина как проявление дворянской оппозиционности во второй половине XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. 2011. Вып.4. № 9. С. 20.

²⁴⁹ Бирюков С. В. Клиентела как модель политического порядка и политических изменений. М.: ТЕИС, 2009. С. 20.

²⁵⁰ Rancel D.L. The politics of Catherinian Russia. The Panin party. New Haven - London: Yale University Press, 1975. P. 80.

²⁵¹ Dixon Simon M. The modernisation of Russia, 1676-1825. Cambridge: Cambridge university press, 1999. P.127.

высокопоставленных дворян, обладавших различной степенью влияния на монарха и контроля над чиновниками, что лишний раз доказывает неэффективность регулярных институтов управления. Императрица старалась вводить в состав Совета представителей конкурирующих придворных «партий» (Н. И. Панин и Г. Г. Орлов, позднее Г. Г. Потемкин и А. Р. Воронцов со сторонниками), а также некоторое количество сановников, способных примыкать к одной или другой группе (к примеру, братья Чернышёвы, К. Г. Разумовский) и своих личных доверенных лиц (как генеральный прокурор А. А. Вяземский).

В 1788 году произошло значительное обновление Совета. К этому моменту вышли в отставку или умерли многие участники первоначально состава (Н. И. Панин, З. Г. Чернышев, Г. Г. Орлов, А. М. Голицын, М. Н. Волконский). Императрица ввела в Совет в 1787 г. таких значимых государственных деятелей, как В. П. Мусин-Пушкин, А. П. Шувалов, А. Р. Воронцов, С. Ф. Стрекалов, П. В. Завадовский, оставаясь при этом верной принципу баланса между «партиями», назначив как сторонников Г. А. Потемкина, так и конкурирующую «партию» близкую к А. Р. Воронцову. Бывали в Совете и дискуссии придворных групп, к примеру, по внешнеполитическим вопросам: в 1772 году подверглось критике предложение Г. Г. Орлова завершить войну с Турцией ударом по Константинополю; в 1792 году А. Р. Воронцов выступил против плана второго раздела Польши²⁵². Однако, никакими формально закрепленными полномочиями и компетенциями Совет не обладал, поэтому финальное решение всегда оставалось за императрицей, которая могла как учитывать мнение его членов, так и действовать по своему усмотрению. К примеру, в 1772 г. Совет предлагал идти на уступки в переговорах с Портой дабы завершить длящуюся войну и принять ограничение кораблеплавания в Черном море. Императрица ждала более удачного расклада на поле боя и заключила мир на более выгодных условиях.

²⁵² Стегний П. В. Коллегия иностранных дел в период правления Екатерины II // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2002. №. 1. С. 20.

Таким образом, отношения патроната и клиентелы проникали в ключевые институты государственного управления и начинали определять их политику. Екатерине II необходимо было править с учетом интересов и соперничества придворных «партий», поддерживая конкуренцию между ними и прибегая к тем или иным от них исходящим решениям согласно обстоятельствам.

3.2. Неформальные отношения как фактор карьерного роста

3.2.1. Влияние родственных связей

Рассматриваемые отношения пронизывали все стороны жизни русского дворянина в XVIII веке. Различные формы покровительства существовали везде: в армии, государственных учреждениях, личных поместьях. С самого рождения представители дворянского сословия были встроены в сети разнообразных связей, горизонтальных и вертикальных. «Наследуемая позиция и связи в значительной степени определяли характер воспитания и карьерную траекторию каждого»²⁵³. Д. Орловский, к примеру, выделил четыре типа патрон-клиентских связей в среде российской бюрократии: 1) клиентелизм монархического окружения; 2) клиентелизм родственный; 3) клиентелизм земляческий; 4) клиентелизм должностей²⁵⁴.

Но были ли такие отношения в рассматриваемом периоде подчинены институциональному порядку или же выходили на первый план и являлись «решающим элементом», главным «каналом обмена социетальными ресурсами»²⁵⁵? Выступали ли заложенные с принятием Табели о рангах тенденции

²⁵³ Патронат и клиентела в истории России: (материалы "круглого стола") // Источник. Историк. История. Выпуск 4: Новая политическая история / ответственный редактор М. М. Кром. Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. С.267.

²⁵⁴ Цит. по: Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 114.

²⁵⁵ Там же. С. 25.

меритократического отбора в качестве оснований для отбора элиты, образуя вкупе с протекцией более сложные комплексные механизмы рекрутирования? По точному замечанию Ю. М. Лотмана, фаворитизм и Табель о рангах являли собой два постоянных механизма – «единых и противоположных одновременно, взаимодействие которых и образовывало реальные условия службы»²⁵⁶. Более подробно сложившиеся условия карьерного роста и влияние неформальных связей на функционирование механизмов государственной власти рассмотрим далее на примере непосредственно императорского двора Екатерины II.

Система неформальных отношений патроната и клиентелы при дворе Екатерины II была достаточно динамичной, впрочем, как и при её предшественниках, но все же по сравнению с ними более устойчивой. За всё время царствования Екатерины II практически не было шумных отставок, никто не был официально сослан и тем более казнён. Если все же возникала необходимость удаления от двора, как правило, отставка была почетной и сопровождалась значительными дарованиями. Примером тому служат жалования фаворитам по окончании их «службы», а также почетные отставки других придворных. После окончания фавора Григорий Орлов сохранил пожалованные ранее поместья и получил с братом Алексеем еще 10 тысяч душ. Григорий Григорьевич получал после отставки пенсию в 150 тысяч рублей в год, кроме того, ему были обещаны 100 тысяч рублей на достройку дома, пожалован великолепный столовый сервиз французской работы из серебра, разрешалось в течение года пользоваться царским винным погребом и придворными экипажами. Отставка других фаворитов также не сопровождалась лишением прежде пожалованных титулов и поместий. Практически все они были богато одарены: А. С. Васильчиков получил пенсию 20 тыс. руб., 50 тыс. на устройство дома в Москве, С. Г. Зорич получил город Шклов, 7 000 крестьян и 500 тысяч рублей, А. П. Ермолов 130 тысяч рублей и 4 000 тысячи душ, даже уличенный в измене А. М. Дмитриев-Мамонов получил 2250 душ и 100

²⁵⁶ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 301.

тысяч рублей²⁵⁷. Кроме того, фаворит Екатерины П. В. Завадовский даже сохранил должность кабинет-секретаря и продолжил карьеру. Примером почетной отставки прочих придворных может служить увольнение от должности обер-гофмейстера Н. И. Панина. Он получил звание первого класса в ранге фельдмаршала с жалованьем и столовыми деньгами по чину канцлера, 8 412 душ крепостных, в том числе в землях, присоединенных от Польши, 100 тысяч рублей на заведение дома и прочее²⁵⁸. Другим примером может служить «понижение вверх» Г. Р. Державина: Екатерина уволила его из статс-секретарей и сделала сенатором, что было почетно, но лишало поэта более близкого контакта с императрицей.

Зависимость карьерного продвижения лично от монарха обостряла конкуренцию и во многом препятствовала складыванию корпоративной солидарности. Фигуры возвышались и теряли влияние (Н. И. Панин, братья Орловы, А. Р. Воронцов), позиции патронов отражались на положении всей сети их клиентелы (более подробно о придворных, примыкавших к тем или иным партиям написано далее в пункте 3 настоящего параграфа). Кроме того, патроны и клиенты могли меняться местами (к примеру, влияние А. А. Безбородко к концу царствования превосходило силу его патрона на старте карьеры П. А. Румянцева), один и тот же сановник выступал в разном качестве для различных своих контактов. Формировалась непростая для стороннего восприятия система, функционировавшая зачастую на уровне оттенков значений и полутонов, требовавшая специфических знаний и умений от амбициозного искателя карьерного успеха.

Как отмечает Д. Рансел, «партии» определяли сферу разработки политики контролировали рекрутирование и обучение персонала для высоких должностей, обеспечивали организационную сплоченность для эффективной реализации

²⁵⁷ Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 351-393.

²⁵⁸ Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М.: Международные отношения, 1989. С. 89.

политики»²⁵⁹. Основные карьерные пути также прокладывались внутри таких групп и с покровительством патрона того или иного уровня. Статус, материальный интерес, безопасность – все было в большой мере связано с сетями клиентелы. Особые уникальные возможности социальной мобильности для родственников и клиентов фаворитов определяли подчас головокружительные карьерные траектории (к примеру, родственники Г. Г. Потемкина: А. Н. Самойлов, П. С. Потемкин). Примечательно, что А. Н. Самойлов был назначен на важнейший государственный пост генерал-прокурора после смерти влиятельного родственника, не имея (по отзывам современников) к тому никаких особенных способностей. Сама Екатерина так оценивала своего подчиненного в разговорах с Храповицким: «он час от часу становится больше по руке, с прежним у него равное усердие»²⁶⁰. Возможно, дело было как раз в готовности быть во всем проводником воли императрицы, проявлять усердие, не заявляя личных властных амбиций. Данный пример отражает общую для времени тенденцию рекрутирования чиновников, в рамках которой личная лояльность ценилась выше компетентности²⁶¹.

Отдельной особенностью российской системы патронажа и клиентелы, отражавшейся на персональном положении дворян, была её обусловленность местом службы. Уволившиеся от службы и удалившиеся в свои имения (добровольно либо вследствие немилости) в большинстве случаев теряли влияние и при дворе²⁶². «В российском социуме индивид всегда испытывал сильнейшее воздействие властных структур, а его социальные роли определялись местом в системе «механической солидарности»; утрата положенного места влекла утрату

²⁵⁹ Rancel D. L. The politics of Catherinian Russia. The Panin party. New Haven - London: Yale University Press, 1975. P. 1.

²⁶⁰ Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М.: Университетская типография, 1862. С. 286.

URL: <https://runivers.ru/bookreader/book450549/#page/287/mode/1up> (дата обращения: 18.11.2025)

²⁶¹ Dixon Simon M. The modernisation of Russia, 1676-1825. Cambridge: Cambridge university press, 1999. P. 137.

²⁶² Rancel D.L. The politics of Catherinian Russia. The Panin party. New Haven - London: Yale University Press, 1975. P. 101.

ролей, социальную дезориентацию, маргинализацию»²⁶³. Исследователь социально-психологических характеристик образованного дворянства последней трети XVIII века Е. Н. Марасинова также отмечает, что «Намерение уйти со службы разрушало целостность сознания, лишало чувства психологической безопасности, принадлежности к определенному социуму, отнимало привычный смысл существования. Отставка блокировала общепризнанный путь самоутверждения в обществе, защищавший материальное и статусное благополучие»²⁶⁴.

Рекрутирование чиновников для занятия высших должностей государственного управления оставалось в ведении непосредственно императрицы, которая могла делать выбор опираясь на личные качества и способности дворянина. Быть представленным для оценки и апробации таковых, к примеру, в рамках придворной службы, было возможно благодаря протекционизму. Фактор влияния личной протекции на карьеры является одним из наиболее сложно анализируемых в силу своей переменчивой природы. Если рассматривать самый естественный вариант патроната - родственные связи, то следует отметить, что родство с влиятельной персоной могло как возвысить дворянина в какой-то момент времени, так и оказать негативный эффект при опале влиятельного родственника.

Родственники-клиенты влиятельного сановника создавали механизм «сетевого обмена», где в разных направлениях перемещались «не только письма и сувениры, но рекомендации, чины, назначения на служебные вакансии, награды, пенсии»²⁶⁵. Как отмечает в своем исследовании историк А. В. Бекасова²⁶⁶, позиции

²⁶³ Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 39.

²⁶⁴ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 113.

²⁶⁵ Бекасова А. В. Семья, родство и покровительство в России XVIII века: "домовое подданство" графа П. А. Румянцева: автореферат диссертации... кандидата исторических наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2006. С. 23.

²⁶⁶ Там же. С. 24.

такой сети зависели как от прочности положения патрона, его ресурсов по обеспечению клиентеле должностей, материальной поддержки, так и от степени сплоченности и солидарности самих членов сети, должностей ими занимаемых и располагаемых ими ресурсов влияния. Таким образом, можно предположить, что влиятельный сановник был заинтересован в карьерном росте и влиятельном положении родственников как связанных с ним наиболее прочными кровными или свойственными узами.

Следует отметить, что иногда родство было довольно дальнее, в некоторых случаях достаточно было одинаковой фамилии для расположения к заинтересованному искателю. К примеру, современник правления, гвардеец И. М. Долгоруков, бывавший при дворе, но не носивший придворного чина, вспоминает о покровительстве В. М. Долгорукова-Крымского своей семье: «хотя и не был он с нами в родстве, но, по природе нося одно имя с ним, батюшка пользовался его благоволением и просил его обо мне»²⁶⁷. Такое «родство по фамилии» (заметим, что общие предки у Долгоруковых в глубине веков скорее все же найдутся) позволит Ивану Михайловичу быть назначенным адъютантом к В. М. Долгорукову-Крымскому. В дальнейшем молодой дворянин получит через В. П. Мусина-Пушкина, женатого на дочери Долгорукова-Крымского, разрешение бывать на балах у Великого князя Павла Петровича. Кроме того, отдаленное родство с женой влиятельного царедворца Н. И. Салтыкова («Она любила всех тех, кои были ее роду. И потому очень приласкала меня»²⁶⁸) позволит Ивану Михайловичу быть вхожим в его семью и круг общения. На примере его воспоминаний, прослеживается влияние тех самых «сетей» неформальных отношений, которые позволяли делать успешные карьеры во второй половине XVIII века и значительную роль родственных связей, иногда даже и очень дальних.

²⁶⁷ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце на 25-ом году от рождения моего...: [Мемуары]. Санкт-Петербург: Наука, 2004. Т. 1. С. 54.

²⁶⁸ Там же. С. 95.

Влияние фактора протекции родственников и свойственников на карьеру изучаемой социальной группы придворных можно оценить по нескольким основаниям. Во-первых, как показало исследование составленной нами просопографической базы данных большинство получивших придворный чин происходило из семей влиятельных сановников с чинами высших рангов V-I класса (60% от всех пожалованных). Родственный фактор сказался и на пожалованиях детей отличившегося генералитета (А. В. Чичагов, Е. И. Эльмт, К. И. Ферзен, А. А. Суворов). Здесь же отметим случаи с пожалованием внуков и правнуков влиятельных вельмож (пожалования придворным званием П. И. Репнина, А. А. Долгорукова, М. А. Долгорукова, Н. А. Головина, Ю. А. Головкина, П. Г. Головкина и Ф. Г. Головкина), а также пожалование из поколения в поколение представителей семей Нарышкиных, Шуваловых, Голицыных, Чернышевых, Салтыковых, Разумовских, Воронцовых, Долгоруковых, Гагариных, Трубецких, Мусиных-Пушкиных. Значение имевшее в некоторых случаях высокое положение деда или прадеда иллюстрирует пожалование ко двору молодого поколения Головкиных, чей род по линии деда Александра Гавриловича, сына знаменитого первого канцлера империи Г. И. Головкина, обосновался к этому времени за границей. Кузены Ю. А. Головкин, П. Г. Головкин и Ф. Г. Головкин были приглашены на русскую службу и пожалованы ко двору. В своих воспоминаниях Ф. Г. Головкин приводит такие обстоятельства назначения на должность камер-юнкера: «послав по почте прошение о принятии меня на службу, написанное на французском языке стихами, что было тогда запрещено, так как многие злоупотребляли этим, я был принят ко двору камер-юнкером». Как обоснование своего прошения Федор Гаврилович как раз упоминает заслуги предков: «в этом прошении я перечислил все то, о чем я не посмел бы сказать прозою: мое происхождение, заслуги моих предков, наконец, права, которые я имел быть при дворе предпочтительно перед всяким иным родом службы и предпочтительно

перед многими другими лицами»²⁶⁹. Впрочем, скорее всего роль сыграла не только известная фамилия, но и протекция родственников: Екатерины Головкиной (вдовы сосланного при Елизавете в Сибирь Михаила Гавриловича, возвращенной в Москву при Екатерине II) и графини Марии Александровны фон Камеке, урожденной Головкиной²⁷⁰.

Происхождение из влиятельной и богатой семьи давало и другое преимущество кандидату на высшие чины: хорошее (согласно представлениям эпохи) образование, завершаемое гран-туром. В некоторых случаях в гран-тур отправлялся и менее состоятельный родственник. К примеру, Гагарин Гавриил Петрович, поехал в Европу со своими родственниками Куракиными под покровительством Н. И. Панина. Поездке В. П. Кочубея способствовало положение дяди А. А. Безбородко. Протекция сказывалась и на приеме в закрытые сословные учебные заведения: Пажеский корпус и Сухопутный шляхетский кадетский корпус. При поступлении и обучении в Московском государственном университете могли сыграть роль связи, как об этом, к примеру, вспоминает князь И. М. Долгоруков: «Всему способствовало покровительство Шувалова, внимание к родителям моим, дары их учителям, услуги и ходатайства неотступные!»²⁷¹

Если рассматривать влияние протекции родственников непосредственно на карьерные траектории, то, как показало настоящее исследование, принадлежность к влиятельной семье, родственные отношения со знатным вельможей чаще могли сказываться на раннем старте карьеры при дворе, а именно в 78 % случаев группы ранних пожалований. Кроме того, ещё в 6% случаев отцы дослужились до I - IV классов, но это не было решающим фактором, и 4 человека (7,5 %) являлись родственниками фаворитов (всего 91,5%). Но, как отмечено во второй главе настоящего исследования, ранние пожалования ко двору не были гарантией

²⁶⁹ Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I: портреты, воспоминания и анекдоты. М.: Сфинкс, 1912. С. 79.

²⁷⁰ Там же. С. 63.

²⁷¹ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце на 25-ом году от рождения моего...: [Мемуары]. Санкт-Петербург: Наука, 2004. Т. 1. С. 38.

быстрого развития карьеры (только 9 случаев из 56, с происхождением из знатных семейств всего 5 человек).

В группе придворных с относительно быстрым продвижением между классами знатное происхождение отмечено у 15 человек (33% от группы). В 7 случаях (15%) сыграли роль происхождение и участие в перевороте, в 1 случае отмечены и происхождение, и личные качества (Гагарин С. С., сын обер-шталмейстера, но пожалован достаточно поздно, 1,9 % от группы). С учетом 6 родственников фаворитов (13%) можно констатировать, что всего в 29 случаях из 46 значимым фактором были родственные связи (63%).

В третьей группе карьер (выделены по значимости персоны в государственном управлении, количеству должностей и роли в какой-либо отрасли), состоящей из 34 человек, в 17 случаях (50%) значимым фактором карьерного роста было происхождение, в 2 случаях (5,9%) сыграли роль и происхождение и переворот, в 6 случаях (17,6%) родственные связи с фаворитом. Как итог по группе, происхождение или родственные связи оказали значимое влияние на карьеру в 74%.

Проследить влияние фактора родственной протекции на карьерный успех довольно сложно, поскольку в разные моменты времени и развития карьеры данное обстоятельство может с разной степенью сказываться на жизненном пути вельможи, принимать различные формы. К примеру, В. П. Кочубей был пожалован ко двору благодаря родственным связям с А. А. Безбородко, но о назначении Виктора Павловича посланником в Константинополь Платона Зубова непосредственно просил близкий к А. А. Безбородко С. Р. Воронцов²⁷². Как видно из приведенного выше анализа по группам, влияние происхождения и потенциальной протекции родственников скорее сказывалось на представителях первой группы карьер (раннее пожалование ко двору), несколько меньше третьей группы (роль в государственном управлении), в наименьшей степени на второй

²⁷² Курукин И.В. Последний фаворит. Платон Зубов. Санкт-Петербург: Наука, 2022. С. 177.

группе (быстрое продвижение между классами). В последнем случае достаточно много скорых пожалований в следующий чин связано с участием в перевороте или скорой отставкой с повышением в чине. В целом на протяжении царствования средние промежутки между пожалованиями чинами (в основном речь идет о придворных и гражданских, поскольку вельможи в большинстве случаев переходили на статскую службу) соблюдались, что может отражать общую тенденцию в чинопроизводстве, имевшую своим следствием законодательное закрепление повышения в чине по выслуге лет для гражданских чиновников (через указы Екатерины II от 16 декабря 1790 г., Павла I от 20 апреля 1797г. и 9 декабря 1799г.).

3.2.2. Брачные стратегии как фактор карьерной динамики

В исследовании влияния фактора родственных отношений отдельно необходимо отметить значение брачных стратегий. По всей совокупности придворных удачные браки с точки зрения значительного улучшения для мужчины материального и служебного положения встречаются не так часто. Среди примеров браки Н. А. Загряжского (женился на богатой наследнице Н. К. Разумовской, чей отец выхлопотал предварительно для него чин камер-юнкера), П. С. Валуева (сын генерал-майора из небогатого рода женился на представительнице более приближенного к придворному кругу рода Д. А. Кошелевой, чей дед, женившись на дочери воспитателя Екатерины I пастора Глюка, получил придворный чин шталмейстера, дослужился до обер-шталмейстера и генерал-лейтенанта, а восприемниками при крещении отца Дарьи Александровны были А. Д. Меншиков и царица Анна Петровна²⁷³), Д. А. Гурьева (женился на богатой наследнице Прасковье Николаевне Салтыковой, благодаря этому и личным связям с семейством Скавронских получил чин камер-юнкера), Д. А. Зубова (женился на П. А. Вяземской, дочери генерал-прокурора Вяземского, внучке ген-фельдмаршала

²⁷³ Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716-1720, 1726-1727 гг. М.: Российский архив, 2004. С. 218.

Трубецкого; впрочем, чин камер-юнкера уже имел благодаря возвышению брата Платона), И. В. Тутолмин (женился на богатой наследнице Софье Петровне Паниной), Н. Н. Демидов женился на Е. А. Строгановой (оба рода богаты, но Строгановы более знатные, что улучшало положение в обществе жениха)). В моменте упрочили свое положение, женившись на племянницах светлейшего князя Г. А. Потемкина, П. М. Скавронский и М. С. Потемкин. Среди указанных примеров в большинстве случаев (кроме Д. А. Гурьева) жених уже имел придворный чин на момент брака.

Чаще встречаются союзы, когда представитель значимой и богатой семьи укрепляет и так хорошее положение удачной женитьбой. И. Г. Чернышев первый раз женился на Е. И. Ефимовской, единственной дочери двоюродного брата Елизаветы, второй раз на А. А. Ислентьевой, племяннице Александра Загряжского. А. П. Шувалов женился на дочери фельдмаршала П. С. Салтыкова Екатерине. А. К. Разумовский, сын фельдмаршала, женился на В. П. Шереметьевой, дочери бывшего обер-камергера и богатой наследнице. Примеров таких браков, когда жених и невеста принадлежали к знатным и/или успешным семьям, достаточно много. Семейный союз рассматривался с точки зрения средства по закреплению и улучшению положения в обществе и зависел от «целей и средств коллективных стратегий заинтересованных групп», а также от «материального и символического капитала»²⁷⁴, которым располагали семьи. В данной сфере протекция также имела место. К примеру, И. М. Долгоруков упоминает в своих мемуарах, что Н. И. Салтыков способствовал браку дочери принцессы Екатерины Гольштейн-Бекской А.И. Барятинской и своего двоюродного брата Н. А. Толстого: «Пользуясь стесненными обстоятельствами принцессы в отношении ко двору, предположил ей вместе с своим покровительством родственника своего в зятя. Принцесса не могла

²⁷⁴ Бурдые П. Практический смысл. М., Санкт-Петербург: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 2001. С. 363.

отказаться, боясь притеснений»²⁷⁵. Возможно, И. М. Долгоруков имеет в виду, неодобрительное отношение к принцессе императрицы и части высшего света, упоминаемое также в иных источниках²⁷⁶. Были и случаи сердечного выбора, к примеру, свадьба Н. П. Панина и С. В. Орловой, чьи семьи принадлежали к прежде конкурировавшим придворным «партиям».

Анализ влияния фактора удачной женитьбы на три выделенные группы карьер придворных привел к следующим выводам. Успешный союз не влиял на раннее пожалование, скорее связь обратная: успешный молодой дворянин, рано получивший придворный чин, затем заключал выгодный брак. К примеру, родственник Орловых Г. Г. Протасов, пожалованный ко двору по итогам успешного переворота 1762 г., женился на А. Б. Юсуповой, дочери высокопоставленного сановника елизаветинского правления, уже будучи президентом Главного Магистрата. Другим подобным примером служит брак М. Е. Ласунского, также пожалованного в камергеры благодаря участию в возведении Екатерины II на престол, и Н. Ф. Апраксиной, богатой и знатной дочери графа Ф. А. Апраксина. Племянник и протеже влиятельного секретаря императрицы А. А. Безбородко Виктор Павлович Кочубей женился на М. В. Васильчиковой, внучке гетмана Разумовского и воспитаннице Н. К. Разумовской, уже будучи камергером и чрезвычайным посланником в Неаполе. Преумножили материальное состояние камергер В. В. Мусин-Пушкин-Брюс, женившийся на единственной наследнице московского генерал-губернатора А. Я. Брюса, и упомянутый выше камер-юнкер Н. Н. Демидов, женившийся на Строгановой Е. А., вошедший через эту женитьбу в круги высшей знати. На более знатной наследнице, И. М. Щербатовой женился и камер-юнкер М. Г. Спиридов.

²⁷⁵ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце на 25-ом году от рождения моего... [Мемуары]. Санкт-Петербург: Наука, 2004. Т.1. С. 142.

²⁷⁶ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления гос. бумаг, издание Великого князя Николая Михайловича, 1908. Т. 4. вып. 1. С. 15.
URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003980212?page=48&rotate=0&theme=white (дата обращения: 18.11.2025)

Значимых связей между карьерным продвижением и женитьбой не выявлено и при анализе других двух групп (с относительно быстрым ростом в чинах и значимыми в государственном управлении постами). Чаще, как и в описанных выше случаях, успешная карьера, образуя материальный и символический капитал, далее уже приводила к выгодному с точки зрения знатности или денег браку. Например, в случаях родственников Потёмкина (М. С. Потёмкина, П. С. Потемкина и А. Н. Самойлова) все наиболее значительные карьерные продвижения уже были осуществлены к моменту сватовства. Финансово удачные женитьбы на девушках из более состоятельных семей П. В. Мятлева и В. Н. Зиновьева (на П. И. Салтыковой и В. М. Дубянской) также состоялись на фоне служебного успеха вельмож. Из связанных с карьерой напрямую браков можно предположительно выделить женитьбу В. П. Мусина-Пушкина на дочери В. М. Долгорукова-Крымского Прасковье, под началом которого Валентин Платонович непосредственно служил в русско-турецкую войну 1768-1774 гг. (но заметим, что придворный чин камер-юнкера Валентин Платонович получил благодаря поддержке переворота 1762 года, да и происходил из знатной семьи). В большинстве случаев удачных партий всех трех групп речь шла скорее о приблизительно равных с точки зрения финансов и положения семьи в обществе браках.

Таким образом, можно заключить, что брачные стратегии безусловно имели значение в плане подтверждения и укрепления положения вельможи. Но не предопределяли карьерный успех. Скорее карьерный успех кавалеров из менее знатных и состоятельных семей, достигнутый либо благодаря личным заслугам (участию в перевороте, к примеру), либо благодаря родству с фаворитами мог привести к удачным брачным союзам.

3.2.3. Протекция внутри придворных партий

Настоящая роль, функция и значение патрон-клиентских отношений в системе власти модернизированной в XVIII веке Российской империи

определялись рядом аспектов. Первым отметим рамку абсолютистского правления, как в историографии обычно характеризуют царствование Екатерины II. После пересмотра и уточнения традиционного взгляда на абсолютизм как форму правления с неограниченной властью монарха, исследователи стали больше принимать во внимание тот факт, что сюзеренам приходилось считаться с внутриэлитными настроениями. Как отмечает в своей работе о роли политики Н. И. Панина при дворе Екатерины II Д. Рансел, «теоретически безграничная власть российской автократии была по факту узко очерчена»²⁷⁷.

Важным аспектом влияния неформальных связей было их способствование выстраиванию внутриэлитных союзов, с которыми необходимо было сосуществовать монарху. Основанием выступали как отношения родства, так и дружеские контакты. В таких обстоятельствах сочетание личной зависимости и солидарности определяли противоречивый характер отношений патронажа и клиентелы. Подобные союзы, объединяя крупных и влиятельных чиновников с доступом к различного рода ресурсам, становились придворными «партиями», вступающими в конкуренцию друг с другом за обладание большим влиянием на принятие государственных решений. Цели доминирования достигались, помимо прочего, через занятие важных постов, расстановку на различных уровнях управления и общественного устройства своей клиентелы. Каждый новый возвысившийся сановник или фаворит старался окружить себя клиентской сетью, чтобы упрочить свое положение и расширить влияние.

Вельможи часто способствовали карьерному успеху родственников. Императрица также могла использовать назначения на должности родственников и клиентов в качестве «подарков» для своих сановников. К примеру, граф А. А. Безбородко в письме князю С. Р. Воронцову отмечает милости, оказанные Екатериной его родным, а также родным и людям, «зависящим» от А. Р.

²⁷⁷ Rancel D.L. The politics of Catherinian Russia. The Panin party. New Haven - London: Yale University Press, 1975. P. 1.

Воронцова, П. В. Завадовского и А. П. Шувалова²⁷⁸. Успешные придворные и чиновники старались заботиться о продвижении и карьерном росте своей родни и клиентов, обратная ситуация даже могла вызывать в обществе неодобрение. Безбородко, к примеру, упрекал фаворита А. М. Мамонова в нежелании помогать родственникам²⁷⁹. На основании личной преданности, родства и свойства образовывались закрытые союзы, нередко вступавшие в конкуренцию друг с другом.

Состав и позиции придворных партий изменялись на протяжении тридцатичетырёхлетнего царствования императрицы. В начале правления проведена постепенная смена кадров на высших государственных должностях, отправлены в отставку или бессрочный отпуск такие высокие сановники как Н. Ю. Трубецкой, А. И. Шувалов, М. И. Воронцов, М. М. Голицын-младший. Три первые коллегии возглавили З. Г. Чернышев, И. Г. Чернышев и фактически первым лицом в Коллегии иностранных дел стал Н. И. Панин, что повлекло обновление коллегий и удобный момент для их глав в расстановке своих креатур. Затем произведены перестановки в управлении на местах. Сменился и состав Сената после проведенной в 1764 году реформы, куда вошли как чиновники елизаветинского правления, так и новое поколение «екатерининского призыва». В 1764 году же проведены перестановки в остальных коллегиях²⁸⁰. Должности в перечисленных сферах государственного управления, а также при дворе в основном и составляли предмет интереса честолюбивых дворян, искавших покровительства уже успешных и влиятельных сановников. Последние же были заинтересованы в продвижении лояльных и надежных протеже.

²⁷⁸ Патронат и клиентела в истории России: (материалы "круглого стола") // Источник. Историк. История. Выпуск 4: Новая политическая история / ответственный редактор М. М. Кром. Санкт-Петербург: Алетей, 2004. С. 268.

²⁷⁹ Там же. С. 269.

²⁸⁰ Курукин И. В. Опыт административной истории России "эпохи дворцовых переворотов" // Архив русской истории: сборник Российского государственного архива древних актов. М., 2007. Выпуск 8. С. 215.

В начале царствования основная конкуренция развивалась между придворным кругом братьев Паниных, главным действующим лицом из которых был Никита Иванович, и братьев Орловых. Условная «партия» Панина состояла скорее из опытных и более старших, чем партия Орловых, лиц, многие из которых служили довольно давно и постепенно поднимались по лестнице Табели о рангах²⁸¹. Их объединяло прохладное отношение к более молодому поколению, перескакивавшему через ступеньки и снискавшему славу и успех главным образом на почве переворота, потому в значительной степени зависевших от личной благосклонности императрицы. На примере панинской партии заметим, какую роль играли родственные и свойственный связи, даже иногда и не самые близкие, в формировании союзов и патронажных иерархий. К примеру, Панин покровительствовал Михаилу Дашкову, приходившимся ему двоюродным племянником (способствовал назначению командующим войск, вступивших в Польшу в 1764 г.), помог возвращению ко двору его жены, Екатерины Романовны, после охлаждения отношений с императрицей последней в начале правления. Позднее Е. Р. Дашкова и Н. И. Панин действовали в союзе²⁸².

Адресоваться к Никите Ивановичу по служебным вопросам рекомендовал своему племяннику и брату Дашковой, Александру Романовичу Воронцову, канцлер М. И. Воронцов при вынужденном отъезде за границу²⁸³. Впоследствии А. Р. Воронцов сделает успешную карьеру и возглавит «социетет» - придворную «партию», заменившую со временем панинскую в противостоянии с неограниченным влиянием фаворитов. Возможно, было покровительство и двоюродным братьям Дашковой – Воронцовым: Артемию (пожалован камер-юнкером, затем камергером, затем в комиссии о коммерции одновременно с А.Р. Воронцовым) и Иллариону (с 15 лет числится при посольстве в Вене, затем с 17 в

²⁸¹ Rancel D.L. The politics of Catherinian Russia. The Panin party. New Haven - London: Yale University Press, 1975. P. 107.

²⁸² Елисеева О.И. Дашкова. Академик Екатерины Великой. М.: Вече, 2013. С. 191.

²⁸³ Там же. С. 129.

Варшаве, потом пожалован камер-юнкером в 26 лет и удачно женился на племяннице Н. Б. Юсупова и М. М. Измайлова).

Другим примером отдаленного родства является принимавший участие в перевороте А. Ф. Талызин, женившийся на дочери фельдмаршала С. Ф. Апраксина Марии и через этот брак породнившийся с Куракиными, а через них и с Паниным (сестра Марии, урожденная Елена Апраксина, была замужем за родным племянником братьев Паниных – Б. А. Куракиным), что позволило ему быть вхожим на небольшие собрания у Великого князя Павла²⁸⁴. Еще один возможный пример покровительства Н. И. Паниным отдаленному родственнику - П. А. Бутурлин, действительный камергер до 1773 (ко двору пожалован еще при Елизавете Петровне) и посланник при испанском дворе в 1765-1767 гг. (его мать приходилась сводной сестрой А. Б. Куракину, мужу сестры Паниных).

После неудачи плана по реформе Совета Никита Иванович во многом делал ставку на будущего императора Павла I, воспитателем которого являлся, и старался ввести в его окружение своих более молодых родственников. Ко двору пожалованы Куракины Алексей и Александр, оба устроены не только при дворе, но и позднее при Сенате: Алексей в экспедиции Сената по ревизии счетов, затем возглавил её; Александр до 29 лет числился обер-прокурором третьего департамента, затем последовала опала в связи неудовольствием императрицы.

Ко двору пожалован Г. П. Гагарин, двоюродный племянник братьев Паниных и племянник мужа сестры Румянцева-Задунайского, чьей карьере могло способствовать родство сразу по двум этим направлениям. Впоследствии Гагарин станет обер-прокурором пятого департамента Сената, потом сенатором там же. Пожалован ко двору в чине камер-юнкера внучатый племянник по матери Паниных и племянник сторонника и свойственника Паниных Н. В. Репнина Я. И. Лобанов-

²⁸⁴ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления гос. бумаг, издание Великого князя Николая Михайловича, 1906. Т. 2, выпуск. 3. С. 113.
URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004146919?page=147&rotate=0&theme=white
(дата обращения: 18.11.2025)

Ростовский, ставший впоследствии камергером и получивший место за обер-прокурорским столом в Сенате.

Пример покровительства Никиты Ивановича молодому дворянину благодаря приятельским отношениям с его отцом Алексеем Колычевым - С. А. Колычев²⁸⁵. При участии Панина молодой человек был направлен получать образование и служить при посланниках в Голландии, Париже, Неаполе. Затем Колычев назначен посланником в Мадриде, Гааге и Берлине и примерно в одно время с должностью посланника получает чин камер-юнкера (довольно поздно в 35 лет), потом и камергера.

«Партии» Паниных удалось «выдвинуть» своего фаворита – А. С. Васильчикова, который способствовал карьерному продвижению брата В. С. Васильчикова (1773-1778 гг. числится камер-юнкером, потом числится поручиком, затем капитаном гвардии Измайловского полка, упоминается с чином камергера), что в свою очередь помогло его удачной женитьбе на дочери гетмана Анне Кирилловне в 1773 году во время фавора брата.

Братья Орловы, не обладавшие разветвленными династическими связями среди российской элиты, постарались ввести в придворные и чиновные круги своих ближайших родственников: Г. Н. Орлова (камергер, гофмаршал, затем глава Придворной конторы, двоюродный брат Орловых по отцовской линии), Г. Г. Протасова (камер-юнкер, стал президентом Главного магистрата в Москве в 25 лет, возможно получил и чин камергера, состоял в отдаленном родстве с Орловыми), А. Н. Зиновьева (чины камер-юнкера, камергера, замещал должность обер-прокурора третьего департамента Сената до 1777 г., двоюродный брат братьев Орловых по их матери, урожденной Зиновьевой), В. Н. Зиновьева (в 1779-1794 гг. имел место за обер-прокурорским столом в первом департаменте Сената и за генерал-прокурорским столом в общем собрании (в 1784 г. - уволен в чужие края), 1795-

²⁸⁵ Русский биографический словарь. Т. 9: Кнаппе – Кюхельбекер. Санкт-Петербург: типография главного управления уделов, 1903. Т. 9. С. 82.

URL: <https://runivers.ru/bookreader/book436279/#page/84/mode/1up> (дата обращения: 18.11.2025).

1796 гг. отправляющий должность президента Медицинской коллегии, двоюродный брат братьев Орловых по их матери, урожденной Зиновьевой), С. С. Зиновьева (чины камер-юнкера и камергера, многолетний посланник при мадридском дворе, родственник Орловых по матери, вероятно, троюродный брат).

У троих из перечисленных вельмож карьера окончилась или замедлилась к концу семидесятых с возвышением Потемкина, как и у самих братьев Орловых, (кроме Г. Н. Орлова и С. С. Зиновьева). Степан Степанович Зиновьев сумел выстроить хорошие служебные отношения с родственником жены Е. А. Меньшиковой Н. И. Паниным, благодаря этому получил и сохранял пост посланника в Испании довольно длительное время²⁸⁶. Григорий Никитич Орлов устраивал Екатерину на месте гофмаршала, входил в ближний круг императрицы²⁸⁷.

Скорее к «партии» Орловых в какой-то момент можно отнести И. В. Несвицкого, пришедшего к фавориту с доносом на заговор своего приятеля Ф. А. Хитрово²⁸⁸ (многолетняя придворная карьера, вплоть до 1796 года числиться как камергер, получил чины тайного советника и действительного тайного советника на этой службе), А. И. Черкасова (камергер, тайный советник, президент Медицинской коллегии, вышел в отставку в 1778 г.; в некоторых источниках упоминается, что барон, будучи сторонником Орловых, не ладил с Потемкиным²⁸⁹), поэта и переводчика С. Г. Домашнева, дворянина лишь во втором поколении, отличившегося в Морейской экспедиции А. Г. Орлова²⁹⁰ (получил в том числе благодаря этому чин камер-юнкера в 29 лет в 1772 г. и назначен затем директором

²⁸⁶ Волосюк О. В. Испания и российская дипломатия в XVIII веке. М.: Издательство Российского университета дружбы народов (РУДН), 1997. С. 125.

²⁸⁷ Курукин И. В. Последний фаворит. Платон Зубов. Санкт-Петербург: Наука, 2022. С. 87.

²⁸⁸ Елисеева О. И. Дашкова. Академик Екатерины Великой. М.: Вече, 2013. С. 131.

²⁸⁹ Русский биографический словарь. Т.22: Чаадаев – Швитков. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1905. С. 169.

URL: <https://runivers.ru/bookreader/book436346/#page/171/mode/1up> (дата обращения: 18.11.2025)

²⁹⁰ Русский биографический словарь. Т.6: Дабелов – Дядьковский. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1905. С. 582.

URL: <https://runivers.ru/bookreader/book436250/#page/586/mode/1up> (дата обращения: 18.11.2025)

Императорской академии наук по рекомендации В. Г. Орлова в 32 года²⁹¹; уходил со скандалом, усиленным Дашковой). В начале правления эту «партию» поддерживал вернувшийся из ссылки А. П. Бестужев-Рюмин. Последний растерял свой кредит и так же, как молодые участники переворота, мог опираться в основном на лояльность императрицы.

Несколько высокопоставленных вельмож могли поддерживать ту или иную партию в различных вопросах. Братья Захар и Иван Чернышевы, а также К. Г. Разумовский примыкали в начале к оппозиции Орловым в вопросе брака императрицы с Григорием Григорьевичем, затем Чернышевы сблизилась с Орловыми в вопросе возвышения Понятовского в Польше (Григорий Орлов был против последнего, так как видел в нем соперника).

К. Г. Разумовский, поддержавший оппозицию Паниных браку императрицы с Орловым, хотя и был впоследствии отставлен как гетман, сохранил состояние и положение. Кирилл Григорьевич был в хороших отношениях и с императрицей, и с наследником, неизменно входил в Совет при высочайшем дворе (впрочем, данная обязанность в последние годы царствования скорее была почетной, чем фактической, поскольку в этот период фельдмаршал уже отошел от дел). Племянники Разумовских, М. В. Будлянский и В. Е. Дараган, получившие придворные чины еще при Елизавете Петровне, продолжали числиться при дворе камергерами в правление Екатерины II, первый получил и чин тайного советника.

В 1772-1773 гг. происходит снижение влияния обеих главных «партий» екатерининского двора начального периода правления, в который императрица «была вынуждена маневрировать между панинской и «орловской» партиями, занимавшими в силу создававшейся при дворе ситуации различные, нередко диаметрально противоположные позиции по ключевым внутренним и внешним проблемам»²⁹². Наследник Павел Петрович официально становится

²⁹¹ Елисеева О. И. Дашкова. Академик Екатерины Великой. М.: Вече, 2013. С. 237.

²⁹² Коллегия иностранных дел в период правления Екатерины II // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2002. №. 1. С. 12.

совершеннолетним и не нуждается в воспитателе, вследствие чего Н. И. Панин теряет часть своего влияния. Фаворит Г. Г. Орлов терпит дипломатическую неудачу на переговорах в Фокшанах, портятся и личные отношения с Екатериной.

С закатом карьеры Григория Орлова на позицию значимого фаворита выдвигается Г. А. Потемкин, бывший ранее под покровительством П. А. Румянцева, сумевший также заручиться на первых порах поддержкой партии Панина²⁹³. Позднее он способствует окончательному закату карьеры Никиты Ивановича, изменив внешнеполитический курс империи и найдя поддержку у императрицы. С Екатериной Романовной Дашковой же отношения пройдут разные этапы, Светлейший всячески покровительствовал в какой-то момент её сыну князю П. М. Дашкову²⁹⁴.

«Клиентела» Потемкина, как и Орловых, в первую очередь строилась на родственных отношениях, как самых надежных. Пожалованные ко двору родственники М. С. Потемкин, П. С. Потёмкин, А. Н. Самойлов занимали важные посты военного и территориального управления. Самойлов сумел набрать собственную силу придворного и сановника, вошел и в Совет в 1793 году уже после смерти патрона. Александр Николаевич в свою очередь покровительствовал, например, Н. Н. Демидову: испросил у фаворита Зубова придворный чин камер-юнкера для богатого, но не слишком родовитого родственника.

Один из фаворитов А. М. Дмитриев-Мамонов был также в дальнем родстве с Потёмкиным, покровительствовавшим ему на старте карьеры. Использовал светлейший и брачные стратегии для укрепления положения – устроил своим племянницам выгодные с точки зрения знатности и с учетом политической конъюнктуры партии: Александра Энгельгардт выдана за коронного польского гетмана Браницкого, Варвара выдана за племянника братьев Чернышевых – С. Ф. Голицына, Екатерина – за П. М. Скавронского. Родственник последнего, князь И. М. Долгоруков отмечает в своих воспоминаниях выгодность такого союза для

²⁹³ Елисеева О.И. Дашкова. Академик Екатерины Великой. М.: Вече, 2013. С. 199.

²⁹⁴ Там же. С. 229.

обеих сторон: «Племянница его несла в приданое за собой жениху милости дяди и прекраснейшие черты лица, брат мой дарил ей с именем своим богатое состояние»²⁹⁵. Отмечает князь и благоприятные последствия для себя как кузена Скавронского: «Из этого союза для меня произошла польза та, что граф Скавронский [П. М.] просил Потемкина о помещении меня в гвардию»²⁹⁶, что вполне отвечает распространенным путям построения карьеры через покровительство влиятельного сановника. Скавронский помог через Потемкина и своему приятелю Д. А. Гурьеву²⁹⁷, удачно женившемуся на П. Н. Салтыковой и сделавшему впоследствии хорошую придворную и государственную карьеру. К сторонникам Потемкина относят влиятельного вельможу, чей отец возвысился при Елизавете Петровне, - А. П. Шувалова²⁹⁸. В конце восьмидесятых годов Андрей Петрович столкнулся с оппозиционным Григорию Александровичу «социететом» А. Р. Воронцова: противостоял проекту объединения Заемного и Ассигнационного банков под руководством П. В. Завадовского.

Во второй половине царствования на арене противоборства «партий» усилилась новая группа - уже упомянутый «социетет» А. Р. Воронцова. Как отмечает О. И. Елисеева, сотрудничество Воронцова и императрицы напоминало отношения последней с Паниным, поскольку Александр Романович, по ее мнению, также склонялся к идее ограничения власти суверена²⁹⁹. Кроме того, Воронцов не ладил с Потемкиным и старался «идти всегда вопреки» светлейшему³⁰⁰. К этой «партии» примыкал А. А. Безбородко, принадлежавший изначально к клиентеле П. А. Румянцева, открывшего его таланты ещё при своей Малороссийской канцелярии

²⁹⁵ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце на 25-ом году от рождения моего...: [Мемуары]. Санкт-Петербург: Наука, 2004. Т. 1. С. 66.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Вигель Ф. Ф. Записки Филипа Филиповича Вигеля. М.: Университетская типография, 1892. Ч.3-5. С. 86.

²⁹⁸ Русский биографический словарь.Т.23: Шебанов – Шютц. Санкт-Петербург: типография Главного управления уделов, 1911. С. 472.

URL: <https://runivers.ru/bookreader/book436351/#page/473/mode/1up> (дата обращения 18.11.2025).

²⁹⁹ Елисеева О. И. Дашкова. Академик Екатерины Великой. М.: Вече, 2013. С. 271.

³⁰⁰ Там же.

и рекомендовавшего его императрице. Александр Андреевич в свою очередь покровительствовал родственникам, придворные чины камер-юнкера получили племянники Безбородко - В. П. Кочубей и А. П. Кочубей, а дальнейшая карьера Виктора Павловича развивалась благодаря брату А. Р. Воронцова Семёну Романовичу, о чем упомянуто выше. Последнее обстоятельство демонстрирует влияние придворных «союзов» на карьеры вовлеченных лиц и их протееже.

К партии Паниных, а затем к союзникам Воронцова близок был фельдмаршал П. А. Румянцев, глава собственной клиентской сети, бывший с братьями Паниными и в свойстве через свою сестру Екатерину - жену родственника Паниных Н. М. Леонтьева. Ранние пожалования придворным чином получили его сыновья Румянцевы Николай Петрович и Сергей Петрович (троюродные братья упомянутых выше Куракиных), оба впоследствии служили посланниками.

Еще один член «социетета» П. В. Бакунин меньшей был женат на двоюродной сестре А. Р. Воронцова А. С. Татищевой и поручил своих детей согласно последней воле³⁰¹ попечению Воронцова: Павла Петровича (пожалован в камер-юнкеры из коллежских асессоров, до пожалования служил при посольстве в Лондоне, после в 1795-1796 гг. правит должность директора Императорской академии наук) и Модеста Петровича (до пожалования чином камер-юнкера имел чин коллежского асессора, успел послужить при посольствах в Неаполе и Лондоне).

Под покровительством брата во второй половине царствования оказалась и княгиня Е. Р. Дашкова, которая в свою очередь побеспокоилась о карьере племянника Д. П. Татищева (в 25 лет должность поверенного в делах в Константинополе, до этого служил волонтером в армии Потемкина, с 1793 г. назначен камер-юнкером и стал членом Российской академии).

Значимую роль играл во второй половине правления Екатерины известный царедворец Н. И. Салтыков, воспитатель Александра и Константина Павловичей.

³⁰¹ Воронцов А. Р. "...душевно к вам привязан": переписка графа Александра Воронцова и бригадира Алексея Дьяконова (1780-е годы). М.: Высшая школа экономики, 2022. С. 57

Салтыков действовал аналогично Н. И. Панину, вводя своих сыновей в круг общения будущего императора и способствуя их пожалованию ко двору: Дмитрия (камер-юнкер с 1786 года по 1793 год с 18 лет), Александра (камер-юнкер с 15 лет, капитан гвардии с 19 лет), Сергея (камер-юнкер с 14 лет, капитан гвардии с 18 лет). И. М. Долгоруков дает такую характеристику вельможе в своих воспоминаниях «...тонкий царедворец, ума самого изгибистого, совести езуитской, а чтоб в коротком слове схватить весь портрет- эгоист!»³⁰² Отзыв князя можно считать несколько предвзятым, поскольку для него Николай Иванович выхлопотать должность при малых дворах своих воспитанников не смог или не пожелал, ответив, что Екатерина не желает окружать наследников представителями знатных семей. «Отговорки ли то были пустые со стороны Николая Ивановича или настоящая правда, узнать трудно!... Может быть и справедливо, потому что он имел многих ближайших родственников, из которых, однако, никто не попал ко двору также, что по времени подтвердила мне и Наталья Володимировна в откровенном разговоре»³⁰³. В данном случае можно говорить об определённой осторожности знаменитого царедворца, возможно не желавшего чрезмерно расходовать свой «кредит». Тем не менее, двоюродный брат Салтыкова Н. А. Толстой, к примеру, пожалован камергером к малому двору Александра Павловича и Елизаветы Федоровны из капитанов гвардии. Покровительствовал Салтыков и семейству Зубовых, чей глава А. Н. Зубов возможно являлся его управляющим (в воспоминаниях И. М. Долгорукова упоминается как родственник Салтыкова³⁰⁴), и способствовал попаданию Платона Зубова в поле зрения императрицы. Не без расположения фаворита получил Николай Иванович главное управление Военной коллегией, обойдя более опытного на этом поприще В. П. Мусина-Пушкина, и «весь город бросился в его переднюю»³⁰⁵.

³⁰² Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце на 25-ом году от рождения моего...: [Мемуары]. Санкт-Петербург: Наука, 2004. Т. 1. С. 94.

³⁰³ Там же. С. 114.

³⁰⁴ Там же. С. 116.

³⁰⁵ Там же. С. 216.

Последний фаворит императрицы также был заинтересован в союзниках и своеобразной «партии». К ней можно отнести родственников, вводимых в придворный круг: брата Д. А. Зубова, пожалованного ко двору в год возвышения Платона Александровича (числился камер-юнкером 5 лет до 1794 г., затем переименован бригадиром и определен в инспекторскую военную коллегии особо в армейском инспекторском департаменте, получил чин генерал-майора); племянника А. А. Жеребцова (пожалован ко двору Анны Федоровны камер-юнкером). Также среди близких к фавориту упоминаются придворные кавалеры: молодой С. С. Колычев (камер-юнкер с 23 лет, параллельно служил в Конной гвардии, камергер с 30 лет), который уже при фаворе Зубова получил чин тайного советника, был назначен править должность гофмаршала и вице президента придворной конторы; дипломат С. А. Колычев, двоюродный брат последнего, направленный в Берлин представлять Россию на переговорах о третьем разделе Польши; камер-юнкер Федор Головкин, направленный в 1794-1795 гг. посланником в Неаполь.

К «партии» примыкали и уже пожилые сановники: О. Штакельберг (к моменту возвышения Зубова имел чин тайного советника, камергера, был посланником в Испании, Варшаве, в 1793 г. назначен в Стокгольм), участник событий 1762 года П. Б. Пассек (генерал-аншеф, сенатор первого департамента, генерал-губернатор Могилевского наместничества и Полоцкого наместничества, в 1794 -1796 гг. числится генерал-адъютантом императрицы). Упоминается в связи с интригами Зубова П. В. Мятлев³⁰⁶ (к началу 1790х числится камергером и советником в Правлении банков для выема государственных ассигнаций), пожалованный в 1794 г. чином тайного советника, сенатором в первом департаменте Сената и главным директором в Правлении банков.

Круг близких к наследнику Павлу Петровичу придворных отчасти сформирован стараниями Н. И. Панина из своих родственников и свойственников,

³⁰⁶ Курукин И. В. Последний фаворит. Платон Зубов. Санкт-Петербург: Наука, 2022. С. 98.

как например уже упомянутые братья Куракины, отчасти состоял из прочих симпатизировавших представителей молодого поколения знатных семей. Среди последних, к примеру, к малому двору были близки дочь гетмана Разумовского Н. К. Загряжская с мужем Н. А. Загряжским (числился при дворе как камер-юнкер 6 лет с 1772 г. по 1778 г., затем камергером по 1791 г.), сын гетмана Андрей до скандальной истории с первой женой Павла (камер-юнкер с 1772 г. по 1784 г., посланник в Неаполе с 1778 г., затем в Копенгагене, затем до конца царствования в Вене; генерал-майор в 1775 г., потом получит чин тайного советника, упоминается как камергер), Ф. Ф. Вадковский, сын одного из «деятельных пособников Екатерины II при восшествии на престол»³⁰⁷ (дружен с Павлом с детства, с 22 лет камер-юнкер, с 30 лет камергер, тайный советник в 39 лет, в мае 1796 г. уволен со службы, при правлении Павла будет взлет карьеры на какое-то время), Ф. Н. Голицын, племянник И. И. Шувалова (камер-юнкер с 26 лет, с 35 лет камергер, с 44 лет тайный советник, в 27 лет имеет место за обер-прокурорским и генерал-прокурорским столами в Сенате), Н. А. Голицын (камер-юнкер с 22 лет, камергер в 31 год, придворная конюшенная контора с 39 лет до 41 года, в первом департаменте Сената с 41 года до 42 лет, с 43 лет в московском шестом департаменте, при Павле карьера продолжится), впоследствии отчасти Ф. В. Растопчин (служба в гвардии, в действующей армии, протоколистом на Ясской конференции, камер-юнкер с 29 лет).

Как отмечают исследователи данного вопроса, в отсутствии четко институционализированной административной системы, действовавшей строго согласно букве закона, и социальных сословий, обладавших корпоративной солидарностью, иерархически организованные патронажные группы при дворе и на высших государственных должностях выступали как один из немногих реально

³⁰⁷ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Санкт-Петербург, 1906. Т. 3. Вып 3. С 126.
 URL:https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004146049?page=177&rotate=0&theme=white
 (дата обращения: 18.11.2025).

работавших механизмов управления империей³⁰⁸. С этим приходилось считаться императрице. Взаимодействие с различными придворными партиями, столкновение их друг с другом, замена одной «партии» на другую – все это позволяло проводить успешную политику, ловко балансируя между различными интересами и задачами имплементации власти государыни. Примером такого маневрирования может служить нейтрализация с опорой на братьев Орловых и примкнувших к ним А. П. Бестужева, А. Н. Вильбоа чрезмерно грозящего самодержавной власти проекта Н. И. Панина по организации Совета при Высочайшем дворе. Обратный маневром можно считать действия императрицы в истории с продвигаемым Орловыми планом замужества государыни и Григория Орлова. Оппозиция такому шагу Екатерины со стороны Н. И. Панина, К. Г. Разумовского, М. Л. Воронцова вкупе с раскрывшимся через «заговор Хитрово» настроением гвардии дали ей необходимый противовес влиянию братьев, которым Екатерина во многом была обязана успехом переворота 1762 года. В итоге императрица смогла избежать действий, ограничивших бы ее личную власть и позволивших бы возвыситься какой-либо одной из партий. «Становясь последовательно то на одну, то на другую сторону, она могла управлять, не опасаясь посягательств на свою власть»³⁰⁹.

В условиях централизованной и подчас волюнтаристской модернизации российского государства в XVIII веке, особенно в его начале, сохранение старых механизмов личных отношений во власти в какой-то степени обеспечивало потребность в защите от произвола монарха в переходный период истории, когда законные механизмы и институты власти только развивались и не выполняли в полной мере своих функций. Исследователь отношений протекционизма среди государственной элиты Екатерины II Д. Рансел полагает³¹⁰, что семейные и персоналистские патронажные иерархии, в том числе придворные партии,

³⁰⁸ Rancel D. L. The politics of Catherinian Russia. The Panin party. New Haven - London: Yale University Press, 1975. P. 1.

³⁰⁹ Елисеева О. И. Дашкова. Академик Екатерины Великой. М.: Вече, 2013. С. 137.

³¹⁰ Rancel D. L. The politics of Catherinian Russia. The Panin party. New Haven - London: Yale University Press, 1975. P. 163.

возможно, предоставляли участникам чувство личной, имущественной защищенности, поскольку атака на одного из членов патронажной иерархии часто вызывала сопротивление на всех уровнях этой неформальной «структуры» или «сети» от высоких патронов, заинтересованных в благополучии своего клиентского ресурса, до подчиненных, зависимых от протекции патронов. Поэтому попытки искоренять злоупотребления или каким-то образом угрожать той или иной неформальной группе влияния потенциально несли большие риски для монарха. Впрочем, конкретных примеров подобного сопротивления всей патронажной группы Ранселом не приводится, ученый концентрирует свое внимание в основном на главах придворных партий и их ближайшем окружении. На данный момент полноценного исследования клиентских сетей и инфильтрации ими всей формирующейся бюрократии изучаемого периода, к сожалению, не проведено, поэтому вопрос реальной способности патронажных иерархий представлять некоторый отпор на всех уровнях действиям самодержца является спорным.

Другие исследователи данного периода ставят под сомнение возможность и желание даже и дворянской верхушки представлять политическую силу действительно оппозиционную самодержавию в условиях высокой карьерной конкуренции. «Общепринятые ценностные ориентации на успешную карьеру не объединяли, а, напротив, изолировали прямых вассалов монарха»³¹¹. С учетом высокой внутриэлитной конкуренции даже клановые родственные связи не представляются исследователям надежными основаниями действительно политически значимых объединений: «историки уже подчеркивали «эфемерность» таких родственно-политических отношений, которые «использовались, когда это

³¹¹ Марасинова Е. Н. Социальная психология российского дворянства. (По материалам эпистолярных источников второй половины XVIII века) // Сословия и государственная власть в России, XV - середина XIX вв.: Международная конференция-Чтения памяти академика Л.В. Черепнина, 13-16 июня 1994 г. Ч.1. М., 1994. С. 322.

было выгодно, и забывались, когда это становилось политически-целесообразно»³¹².

Тем не менее, как показывает настоящее исследование коллективного просопографического портрета придворных кавалеров, во многих случаях фактор родственных отношений продолжал оказывать влияние на карьерные траектории, особенно в начале пути, а также на формирование придворных партий. Преувеличивать степень организованности и сплоченности клиентских сетей, их строго закреплённый вертикальный характер, на наш взгляд, не стоит. Карьерные траектории изученных нами в настоящем исследовании биографий и роль в них покровительства скорее показывают практическое стремление высшего дворянства к установлению как можно большего числа полезных контактов, формирование скорее сетевых отношений, чем строго иерархически организованных. Кроме того, при дворе формировались особые специфические поведенческие паттерны, складывалось так называемое особое «придворное поведение», обусловленное высокой личной конкуренцией и вносившее свои коррективы в действия людей и в существовавшие патрон-клиентские связи. В частности, удачливый протееже, вошедший силу, вполне мог ставить свои интересы выше интересов своего бывшего покровителя, как например в случае отношений П. А. Румянцева и Г. А. Потемкина.

Как справедливо указывает в своем исследовании Й. Дейндем³¹³, поддержка вертикальных иерархических групп была значима, но относительно монаршего двора её значение могло нивелироваться иными формами конкуренции, в частности нельзя исключать упоминаемых исследователем горизонтальных форм объединения, рождавших «конфликт лояльностей». Дейндем говорит о некотором коллективном сопротивлении придворных одного уровня иерархии дворянам более

³¹² Курукин И. В. Артемий Волынский и его клиенты // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682- 1750): [сборник статей]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 225.

³¹³ Duindam J. F. J. Vienna and Versailles: the courts of Europe's dynastic rivals, 1550 – 1780. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 249.

низкого ранга, посягающим на полученные кавалерами благодаря пожалованию ко двору привилегии. Относительно российского императорского двора говорить о коллективном действии скорее не приходится, но стоит отметить, что попадание в число приближенных ко двору лиц повышало статус дворянина, и кавалер старался распоряжаться полученным ресурсом бережно и с максимальной для себя выгодой. То есть, пожалование придворным званием как бы отделяло его от всей его родственной и клиентской сети и помещало в среду высокой личной конкуренции с иными правилами. Характерны в этом случае отзывы И. М. Долгорукова о Н. И. Салтыкове и А. М. Дмитриеве-Мамонове. Первый, по свидетельству мемуариста, если и помогал, то всегда действовал согласно выгоде для своего положения в конкретный момент. Второй же, будучи в приятельских отношениях с Долгоруким до попадания в фавориты, уже на высокой позиции при императрице постарался максимально отстраниться от не слишком выгодного с точки зрения пользы контакта с И. М. Долгоруким.

Кроме того, сама среда отличалась высокой персональной конкуренцией, что препятствовало складыванию крепких и надежных союзов. К примеру, при падении влияния Н. И. Панина его сотрудники и бывшие соратники нашли возможным искать служебного успеха уже в фарватере действий Г. А. Потемкина³¹⁴, а затем примкнуть к противостоящему фавориту «социетету» А. Р. Воронцова. Высококонкурентная среда может объяснять и тот факт, что определить большинство пожалованных ко двору к той или иной группе, «партии» вряд ли возможно. Более надежной формой взаимодействия оставалась родственная связь, которая могла быть основанием для протекции и формирования более или менее длительных союзнических отношений.

Если вопрос организованности и сплоченности патронажных иерархий остается спорным, совсем нивелировать их значение и значение неформальных

³¹⁴ Голицын Ф. Н. Записки князя Федора Николаевича Голицына: [статья из «Русского архива», 1874, Т.5, № 7]. М., 1874. С. 1284. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book406225/#page/100/mode/1up> (дата обращения: 18.11.2025).

отношений в государственном управлении не представляется верным, ведь при проведении любых решений и реформ монарху необходимо было считаться с устоявшимися традициями и группами влияния. Мотивы членов «партий» в свою очередь обуславливались различными факторами, от материального интереса до связей с иностранными дворами, все их также необходимо было иметь в виду. Еще в статусе великой княгини и жены наследника престола Екатерина Алексеевна имела возможность наблюдать борьбу таких «партий» при дворе Елизаветы Петровны и, в частности, опасное усиление Воронцовых после падения А. П. Бестужева. В течении уже своего правления императрица предпочитала уравнивать влияние одной придворной группировки через конкуренцию с другими, не допускать чрезмерного усиления ни одной из них. В письме Гримму от 1776 года она так опишет свою стратегию: «...я всегда чувствовала большую склонность быть под руководством людей, знающих дело лучше моего, лишь бы только они не заставляли меня подозревать с их стороны притязательности и желание овладеть мною; в таком случае я бегу от них без оглядки»³¹⁵. На данную особенность управления Екатерины II указывал и О. В. Ключевский, отмечая «способность пользоваться обстоятельствами и людьми так, чтобы до времени плыть по течению первых и служить видимым, послушным, но не слепым орудием в руках других. Она часто и отдавалась в руки других, но только для того, чтобы эти другие ее, как игрушку, могли донести до места, до которого она не могла прийти своими ногами»³¹⁶.

Таким образом, относительно императорского двора и значения «партий» в придворной жизни можно сделать следующее заключение исходя из анализа данных кавалеров. Сменявшие друг друга союзы или, по выражению одного из исследователей Н. Хеншелла, «фракции» стремились к обретению влияния на ход

³¹⁵ Новооткрытые письма императрицы Екатерины Второй к барону Гримму. Русский архив. Историко-литературный сборник. Выпуск 9. М.: Типография Лебедева, 1878. С. 33. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book406320/#page/35/mode/1up> (дата обращения: 18.11.2025).

³¹⁶ Цит. по: Стегний П.В. Коллегия иностранных дел в период правления Екатерины II // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. М., 2002. № 1. С. 12.

государственных дел через поддержку императрицы. Такие «партии», как указывал Хеншелл в своем исследовании и подтверждают данные анализа изучаемой группы, «скреплялись родственными узами и отношениями клиентелы. И редко - политическими устремлениями»³¹⁷. На протяжении правления, как правило, двумя противоборствующими центрами притяжения становились окружение могущественного фаворита и конкурирующий союз, во главе объединения которого становился успешный государственный деятель. Г. Г. Орлов, а затем Г. А. Потемкин не имели значительных родственных связей среди утвердившейся государственной элиты и вынуждены были формировать окружение из родственников, поднимая их значение до надлежащего высокого уровня. Часть новой элиты, рекрутированной подобным образом, теряла положение с падением патрона, часть же смогла утвердить собственные значимые связи и укрепить положение, как показало исследование. Что указывает на важность формирования большого числа контактов и необходимость поиска собственной выгодной позиции при дворе.

3.3. Придворное поведение: практики, влияние на карьерный успех

Исследование показало, что значительное влияние на успешный старт карьеры большинства придворных кавалеров времени правления Екатерины II оказывало происхождение, родственные связи. Дальнейший служебный успех также во многом определялся фактором покровительства сановных родственников или свойственников, располагавших возможностью способствовать назначению на должности, получению чинов и наград. Но не все из пожалованных ко двору кавалеров смогли упрочить свое положение и достигнуть высот государственной карьеры. В некоторых случаях формальное продвижение в чинах происходило, но заметной роли в государственном управлении и окружении императрицы

³¹⁷ Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. С. 178.

придворные не получили. Возможно, причину следует искать в том числе в личностных особенностях, не позволивших использовать полученное преимущество вхождения в высшие светские круги в достаточной мере. Некоторые из кавалеров, числившиеся всю жизнь при дворе, сопровождавшие императрицу в поездках, возможно были вполне на своем месте и удовлетворялись прочным придворным положением, не искали иного поприща. Среди таких придворных можно отметить Л. А. Нарышкина (камер-юнкером пожалован в 18 лет, камергером в 22 года, шталмейстером в 28 лет, обер-шталмейстером в 42 года и числился главой Придворной конюшенной конторы всю оставшуюся жизнь), И. В. Несвицкого (пожалован чином камер-юнкера в 22 года, чином камергера в 28 лет и числился камергером до 54 лет, чином тайного советника пожалован параллельно службе камергером в 35 лет, действительного тайного советника в 55 лет и сделан Павлом I обер-шенком), И. В. Обухова (пожалован камер-юнкером в 28 лет, камергером в 34 года и числился в этом звании до 61 года, чином тайного советника пожалован в 39 лет, действительного тайного советника в 61 год), неизменного партнера императрицы за карточным столом Е. А. Черткова (камер-юнкером пожалован в 27 лет, камергером в 33 года и числиться в этом качестве до 61 года, чином тайного советника пожалован в 40 лет, действительного тайного советника в 60 лет), А. Ю. Нелединского-Мелецкого (камер-юнкер с 33 лет, камергер с 39 лет и числился в этом качестве до 67 лет, чином тайного советника пожалован в 50 лет, действительного тайного советника в 56 лет).

Далее рассмотрим такой фактор как личные качества дворянина, соответствие его действий определённому исторически сложившемуся паттерну поведения, позволявшему в заданных условиях максимально развить карьерный успех.

Прежде всего следует определить, как именно меняется социальное поведение высшего дворянства во второй половине XVIII века, какие качества и проявления личности приветствуются и поощряются в высшем обществе, какие вызывают неодобрение и препятствуют установлению столь необходимых в

высшем свете «полезных» контактов. Как отмечает исследователь социальной психологии дворянства последней трети XVIII века Е. Н. Марасинова, в этот период складывается особый слой «просвещенного дворянства», образованного, восприимчивого к новым идеям, «по интенсивности и богатству социальной практики, многообразию связей, мобильности эти круги представляли наиболее деятельную и думающую часть российского шляхетства»³¹⁸ и отличались от остальных представителей сословия и даже верхних его слоев. Сама императрица позиционировала себя как просвещенного монарха, знакомого с ведущими философскими идеями и мыслителями своего времени, применяющего лучшие знания и практики (исходя из собственной оценки) в управлении страной. Как уже было отмечено ранее в исследовании, в высшем обществе приветствовалась образованность, знание языков, умение поддержать разговор. Интересы самой Екатерины создавали моду на творческие проявления личности: довольно популярными стали театральные постановки, выросло число издаваемых журналов. И даже если большинство элиты все же не обладало достаточными литературными талантами, возрастающая популярность данной сферы предполагала по крайней мере необходимость быть осведомленным о происходящем в интеллектуальной жизни общества.

Все это предопределяет некоторый минимальных набор требований к образованию и кругозору молодого человека, желающего добиться успеха при дворе и в светских кругах, что, в свою очередь, может улучшить и карьерные перспективы. «Салоны, знакомства, придворные и не придворные балы, встречи с иностранцами, журналы, театр, т.е. комплекс, в сфере влияния которого мог воспитаться человек с известным минимумом культуры и цивилизации»³¹⁹. Князь и придворный кавалер Ф. Н. Голицын указывает в своих воспоминаниях: «одно из

³¹⁸ Марасинова Е. Н. Социальная психология российского дворянства. (По материалам эпистолярных источников второй половины XVIII века) // Сословия и государственная власть в России, XV - середина XIX вв.: Международная конференция-Чтения памяти академика Л. В. Черепнина, 13- 16 июня 1994 г. Ч.1. М., 1994. С. 320.

³¹⁹ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 20.

первых для молодого человека достоинств - уметь говорить ясно и складно. Дабы сие приобрести, надобно прилежать к познанию языков и читать как можно более и даже выписывать из книг лучшие изречения. Стараться также, будучи в свете, примечать людей, приятно объясняющихся и нравящихся всем прочим, и у них перенимать»³²⁰. Князь обращает внимание на развитую речь, умение излагать свои мысли красиво и остроумно как на отличительное преимущество искателя расположения общества. Отмечает Голицын и галантность в общении с дамами «женским полом не токмо пренебрегать не надобно, но стараться во всем угождать; а он, по большей части, довольствуется мелким, так сказать, и раздробительным вниманием»³²¹. Роль женщин в установлении контактов сложно переоценить, часто именно через них связывались родственные кланы, решались вопросы протекции. Поэтому, возможно, князь делает на поиске расположения у прекрасного пола особый акцент. Таким образом, мы можем говорить об определённом наборе светских манер, считающихся в высшем обществе изучаемого времени приемлемыми и привлекательными.

Покровительство, как доминировавший механизм рекрутирования элиты, диктовал определенную последовательность действий для ищущих успеха дворян. Части придворных из исследуемой совокупности с происхождением из семьи, приближенной ко двору и монарху, повезло настолько, что первые чины они получали, скорее не предпринимая самостоятельно активных действий, об их положении уже вполне побеспокоились родители или влиятельные родственники. Среди таких молодых вельмож сын обер-шталмейстера Л. А. Нарышкина Александр, сыновья генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского Николай и Сергей, сыновья генерал-поручика и гофмейстера Б. А. Куракина Александр и Алексей (последние обязаны придворным положением и стараниям дяди Н. И. Панина), сын адмирала Г. А. Спиридова Матвей, сын вице-президента

³²⁰ Голицын Ф. Н. Записки князя Федора Николаевича Голицына: [статья из «Русского архива», 1874, т. 5, № 7]. М., 1874. С. 1300.

URL: <https://runivers.ru/bookreader/book406225/#page/108/mode/1up> (дата обращения: 18.11.2025)

³²¹ Там же.

Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышева Григорий, сын генерал-прокурора Я. А. Шаховского Алексей, сын видного екатерининского вельможи, впоследствии члена Совета А. П. Шувалова Петр и другие юноши из влиятельных семейств. Все они были пожалованы придворными званиями относительно рано, большинство побывало в Европе для завершения образования, но для дальнейшего успеха и им требовалось устанавливать различные полезные контакты, в том числе с успешными вельможами. Не всегда полученный благодаря придворному и государственному весу родственников чин предопределял значимую карьеру государственного деятеля, о чем свидетельствуют приведенные во второй главе настоящей работы сведения о развитии карьер группы вельмож с наиболее ранними по возрасту пожалованиями ко двору.

Остальные же дворяне с несколько менее выгодным происхождением только через многочисленные родственные и свойственные связи, часто совсем отдаленные, могли добиться продвижения по службе, выстраивая отношения самостоятельно. Общественный успех был тем выше, чем многочисленнее и интенсивнее были социальные контакты. Одним из распространенных способов установления полезных контактов стали рекомендации, часто письменные, являвшиеся в патримониальных системах важнейшим каналом рекрутирования и продвижения чиновников³²². О распространенности и востребованности такого эпистолярного «жанра» говорит выход специальных письмовников, содержащих советы и шаблоны по написанию различного рода писем, в том числе

³²² Мельников К. В. Клиентелизм как определяющая черта неопатримониальных режимов // Вопросы управления. 2017. №1 (44). С. 75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientelizm-kak-opredelyayuschaya-cherta-neopatrimonialnyh-rezhimov> (дата обращения: 18.11.2025).

рекомендательных³²³. Наряду с рекомендательными письмами, как от первого лица, так и о другом человеке, важными «жанрами» переписки с установившимся эпистолярным этикетом также были прошения, благодарности, поздравления, соболезнования. Последние два вида призваны скорее поддерживать связь для обращения за услугами в дальнейшем.

Институт покровительства, в рамках которого устанавливалась подобная переписка, задавал тон, структуру, лексику прошений и рекомендаций. Как отмечает исследователь в том числе подобной переписки изучаемого времени Е. Н. Марасинова, данные письма отличает подобоострастный тон, высокопарные обращения, стремление как-то оправдать свою просьбу и уверения в вечной признательности. Марасинова отмечает и обилие лексики из бюрократических формуляров, что делает общение скорее неискренним, отстраненно-обезличенным, несмотря на наличие свидетельств личного восхищения и вечной благодарности. Другой исследователь эпохи Д. Рансел в своей статье³²⁴, посвященной анализу изданного в 1788 году письмовника, приводит сетование его авторов о том, что современниками пишется множество писем пустых по содержанию, выражающих лишь бесконечное почтение и предложение своих услуг. То есть, призванных в первую очередь устанавливать контакты. Рансел полагает, что такие «пустые» письма играли важную ритуальную роль в превалирующей системе социального общения, влияли на саму модальность коммуникаций между членами патронажных

³²³ См.: Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов. М.: типография Императорского Московского университета, 1765; Краткие правила, способствующие к изучению сочинять разного рода письма с приобщением примеров из славнейших писателей / перевод с французского Н.И. Новикова. М., 1788; Сокольский И. Кабинетский и купеческий секретарь, напечатанный вместе в одной книге в пользу желающих научиться письменному слогу во всяком роде, или Собрание наилучших и употребительнейших писем...: ч. 1 и 2. М., 1788; Новый и полный письмовник или подробное и ясное наставление, как писать купеческие, канцелярские ... дружеские письма. Санкт-Петербург: типография Богдановича, 1791; Всеобщий секретарь или новый и полный письмовник... М.: типография А. Решетникова, 1793.

³²⁴ Ransel D. L. Bureaucracy and Patronage: the view from an eighteenth-century Russian Letter writer // The rich, the well born, and the powerful. Urbana a. o.: University of Illinois press, 1973. P. 154-178.

иерархий и помогали поддерживать сплочённость и мораль среди этих важных кирпичиков общества³²⁵.

Распространенность подобной переписки и существование специальных пособий по ее ведению свидетельствуют о необходимости устанавливать и поддерживать полезные контакты в дворянской среде, если дворянин нацелен на развитие карьеры и достижение высоких постов, поскольку цепь таких контактов являлась необходимым социальным капиталом, способствовавшим успешному продвижению по службе. При этом смешивались деловые и личные контакты, что могло приводить к потере грани между дружеской просьбой и манипуляцией в корыстных целях.

Рекомендация могла быть, разумеется, и личной, когда влиятельный родственник/свойственник/знакомый мог лично представить заинтересованного в протекции дворянина другим значимым фигурам. Такие случаи были вполне в порядке вещей и, как показывает анализ личной переписки,³²⁶ иное поведение скорее воспринималось с удивлением. Так Д. И. Фонвизин пишет своей сестре по поводу устройства её мужа В. А. Аргамакова: «С приезда своего отдыхал он неделю... На другой неделе начал я дружески и по твоему письму советовать ему, чтоб он позволил мне представить его графу моему, через которого можно сблизиться с великим князем. Он на то согласился, хотя представления свое от дня в день и откладывал... Прошло уже пять недель, и он не сделал ни одного шага к исканию своего места... У него честное сердце, да нрав преудивительный»³²⁷.

Наиболее результативен был поиск протекции в Сенате, у приближенных императрицы, в особенности фаворитов: «Если кто хотел что получить, тому

³²⁵ Там же. Р. 170.

³²⁶ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

³²⁷ Цит. по: Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 102.

надлежало непременно просить любимца»³²⁸. Самым эффективным фактором протекции было расположение самой императрицы. Пожалование к императорскому двору могло открыть доступ ко всем наиболее значимым фигурам, но необходимо было не просто добиваться желаемого через прошения, но и соответствовать негласному образу придворного поведения, чтобы расположить к себе влиятельные придворные круги.

Как отмечено выше, достаточный уровень образования, развитая речь и галантные манеры являлись необходимыми условиями успеха в обществе. Кроме того, при дворе вырабатывался особый язык общения, позволявший выстраивать стратегию на пути к личному успеху, включающий особые речевые и поведенческие схемы. Первостепенная задача представленного ко двору - расположить к себе влиятельных вельмож, желательного из ближнего круга императрицы. В первую очередь это требовало знания этикета, учтивости, контроля над аффектами.

Для завоевания расположения важно было не только быть галантным и хорошо образованным, но и уметь устанавливать личный контакт с потенциальным патроном, находящемся в фаворе на данный момент. Как правило, это происходило посредством проявления особого внимания и доброжелательности, а также через заверения в готовности услужить. Князь И. М. Долгоруков сетует в своих мемуарах в связи со своей личной ситуацией, что «и самая, по-видимому, бездельная милость у двора без сильного ходатайства получена быть не может»³²⁹ Благожелательность и интерес света к персоне были напрямую связаны с текущими успехами оной при дворе, расположением к ней монарха.

Умение держаться фаворитов и отстраняться от тех, чей кредит рисковал быть утерянным - ещё одна важная черта придворного поведения, отмечаемая

³²⁸ Голицын Ф.Н. Записки князя Федора Николаевича Голицына: [статья из «Русского архива», 1874, Т.5, № 7]. М., 1874. С. 1277.

URL: <https://runivers.ru/bookreader/book406225/#page/97/mode/1up> (дата обращения: 18.11.2025).

³²⁹ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце на 25-ом году от рождения моего...: [Мемуары]. Санкт-Петербург: Наука, 2004. Т.1. С.245.

современниками. В эпистолярном наследии второй половины XVIII века такое поведение награждают различными и не особенно лестными эпитетами: особой ловкостью, притворством, расчетом, предательством. Князь Ф. Н. Голицын отмечает, что при дворе «...честолюбие образует каждого человека в притворном ему виде, скрывая природный его характер»³³⁰.

И. М. Долгоруков вспоминает относительно ситуации со своим успехом при малом дворе наследника: «некоторые же, напротив, удвоили свои ласки, и наипаче господа придворные, которые, видя, что я приобретаю день ото дня сильнее милости меньшого двора, втирались в приязнь мою для будущего времени... не удалось - он не стыдиться, а отмщает прежние свои ласковости грубым презрением, а удалось – он уже и знаком с тем, кто ближе его успел стать у потока земных благ»³³¹.

Важной особенностью среды, влиявшей на вырабатывавшиеся придворные навыки, была возможность быстрой смены существовавшей диспозиции отношений. Под влиянием ли интриг, объективных обстоятельств внутренней или внешней политики мог изменяться расклад сил при дворе, что требовало внимания и чутья у тех, кто стремился остаться на плаву в любых условиях. Выстраивание благоприятных отношений также требовало учета множества нюансов в связях между придворными. «Тут человек виден во всех его отношениях, обстоятельства меняются ежечасно, по воле их он и падает, и возвышается. Голова его становится лабиринтом, из которого иногда никакая нитка не выведет души на истинный путь ее спокойствия и тишины»³³².

Осторожность в поиске правильной позиции формировала особый язык, исключавший чрезмерную прямоту и проявление аффектов. Опасно было обойтись

³³⁰ Голицын Ф. Н. Записки князя Федора Николаевича Голицына: [статья из «Русского архива», 1874, Т.5, № 7]. М., 1874. С. 1276. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book406225/#page/96/mode/1up> (дата обращения: 18.11.2025).

³³¹ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце на 25-ом году от рождения моего...: [Мемуары]. Санкт-Петербург: Наука, 2004. Т. 1. С. 133.

³³² Там же. С. 110.

нелюбезно с набиравшим кредит придворным, так же опасно было быть чересчур любезным с близким к опале. В русском придворном обществе становится также значимо влияние особой «придворной рациональности», описанной Н. Элиасом относительно придворного обращения при французском дворе Людовика XIV, как специфического поведения, предполагающего самоконтроль вельмож, позволяющий продумывать общение и действия, сдерживать аффекты ради жизненно важных целей, а также расставлять значившие очень много акценты в своем обращении с разными людьми. Ф. Н. Голицын отмечает в своих мемуарах: «... я советую каждому молодому человеку к светскости как можно более привыкать и знать и уметь с каждым по его важности и состоянию пристойно обходиться, без лишней смелости и без робости, в чем состоит истинная любезность»³³³. А. В. Суворов же сетовал: «при дворе язык с намеками, догадками, недомолвками, двусмыслием. Я – грубый солдат- вовсе не отгадчик...»³³⁴.

Отдельно отмечают современники негативное значение придворных «интриг» и «клеветы», имея в виду скрытые за внешней учтивостью проявления острой конкуренции у трона за внимание императрицы и людей из её ближнего круга. Подобные интриги требовали особой ловкости и «чутья», поскольку велись скрыто, могли в случае неудачи вызвать открытую вражду с оппонентом или выставить начавшего дело в нелестном виде в глазах монарха. Кроме того, интриговать против не утратившего полностью расположения сановника также было опасно и чревато неудовольствием императрицы. Й. Дейндем замечает относительно изучаемых им монарших дворов Вены и Версаля, что «соревнование (конкуренция) при дворе определялась динамикой и восприятием фавора: интрига скорее удавалась, если была поддержана кем-то близким к правителю»³³⁵. Н. Элиас

³³³ Голицын Ф. Н. Записки князя Федора Николаевича Голицына: [статья из «Русского архива», 1874, т.5, № 7]. М., 1874. С. 1300. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book406225/#page/108/mode/1up> (дата обращения: 18.11.2025).

³³⁴ Цит. по: Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 115.

³³⁵ Duindam J. F. J. Vienna and Versaille: the courts of Europe's dynastic rivals, 1550 – 1780. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 248.

в своем исследовании придворного общества Франции заключает, что вся напряженная придворная «система» «была пронизана бесчисленными отношениями соперничества между людьми, которые пытались утвердить свое положение, усиливая свои отличия от нижестоящих, и в то же время, возможно улучшить его, сокращая свои отличия от вышестоящих»³³⁶.

Действовали при дворе и общие для чиновной бюрократии законы покровительства и служебного этикета. Марасинова отмечает в своем исследовании: «Четко отработанные негласные заповеди внушали – не злоупотреблять милостью начальника, ничего не требовать, благодарить за то, что дают, реагировать на малейшее проявление его воли, следовать его мнениям, быть воплощением исправности, почтения, послушания, особенно на первых этапах служебной карьеры»³³⁷.

К концу XVIII века в среде образованного интеллектуального дворянства отмечается тенденция недовольства сложившимися социальными порядками. Основа государственного устройства, самодержавие, еще не подвергается сомнению и полноценному критическому осмыслению, но отдельные механизмы продвижения по службе, принятые пути достижения социального успеха критикуются. Недовольство вызывает идолопоклонство, необходимость подстраиваться под мнение вышестоящих чиновников, практика доискивания должностей и чинов, быстрое повышение в чинах благодаря покровительству, а не заслугам, чрезмерное влияние фаворитов. Пустое исполнительство, не связанное с реальным делом и возможностью проявить себя, помехи в виде интриг, фактов самовластия, влияния фаворитов приводили в раздражение честолюбивых чиновников, наиболее деятельную часть государственной чиновной элиты³³⁸.

³³⁶ Элиас Н. Придворное общество: исследование по социологии короля и придворной аристократии. с введением: Социология и история М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 98.

³³⁷ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 100.

³³⁸ Там же. С. 100-102.

Е. Н. Марасинова объясняет возникающий у образованных дворян внутренний конфликт как «столкновение усложняющейся индивидуальности с социально-типичными структурами деятельности»³³⁹, то есть, со сложившейся системой покровительства. Карьерный рост, связанный в первую очередь с расположением значимых сановников, а не с личными заслугами, необходимость беспрестанно добиваться благосклонности высокопоставленных чиновников, близких к трону вельмож вызывают протест у части просвещенной элиты, выражающийся в этическом осуждении сложившихся социальных порядков и попытке обрести внутреннюю независимость в определении жизненных ценностей и критериев социальной успешности. Последнее находило выражение, в том числе, в поиске альтернативных форм деятельности, предполагающих удаление от высококонкурентного светского и придворного общества (удаление в имение, ращение детей, благотворительность, творчество). Е. Н. Марасинова отмечает, что желание поменять службу вблизи придворных кругов на армейскую или дипломатическую присутствует в более чем 45% изученной переписки³⁴⁰. Отдельным видом компромисса между сохранением общественно признанного социального статуса и удалением от полного интриг социума стала дипломатическая служба.

Исследователь придворного общества Н. Элиас отмечает подобные тенденции при правлении Людовика XIV во Франции, выраженные, в частности, в возникновении «придворной пастушеской романтики»³⁴¹, и связывает подобные настроения с усилением давления со стороны монарха, «прикреплением» знатных подданных ко двору. Необходимость участвовать в острой конкурентной

³³⁹ Марасинова Е. Н. Социальная психология российского дворянства. (По материалам эпистолярных источников второй половины XVIII века) // Сословия и государственная власть в России, XV - середина XIX вв.: Международная конференция-Чтения памяти академика Л.В. Черепнина, 13- 16 июня 1994 г. Ч.1. М., 1994. С. 323.

³⁴⁰ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 105.

³⁴¹ Элиас Н. Придворное общество: исследование по социологии короля и придворной аристократии. с введением: Социология и история М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 267.

борьбе за покровительство короля и его приближенных рождала, согласно Элиасу, необходимость строгого самоконтроля, подавления аффектов, продумывания стратегий своего поведения. Интеллектуальная элита также начинала ставить под сомнение значимость вожделенных привилегий, оказывавших такое влияние на жизнь придворных. Выражением поиска альтернативы стало обращение к романтизированной и во многом иллюзорной жизни вдали от центра правления. «Сельская жизнь превратилась в символ утраченной невинности, непринужденной простоты и естественности...»³⁴².

Другой историк, исследовавший непосредственно российской придворное общество и бюрократию периода правления Екатерины II, Д. Рансел указывает на несоответствие заданных введением Табели о рангах ценностных ориентиров на скорее меритократический отбор, законность и рациональность с фактическим действием старых неформальных практик рекрутизации элиты как на причину возникавшего у молодых поколений чувства несправедливости³⁴³.

Тем не менее, как показывает упомянутое исследование Е. Е. Марасиновой³⁴⁴, большинство сословия все же мыслило себя на службе и стремилось к повышению в чинах, несмотря на отмену ее обязательного характера. Ради удовлетворения честолюбивых устремлений дворянству приходилось учитывать сложившиеся порядки и стараться встраиваться в установившийся механизм рекрутирования элиты, демонстрировать приверженность ценностям официальной идеологии. Д. Рансел также отмечает, что образованная элита в своих высказываниях (как публицистических, так и личной переписке) единодушно осуждала методы, которыми сама волей-неволей пользовалась каждый день для достижения своих целей³⁴⁵.

³⁴² Там же.

³⁴³ Ransel D. L. *Bureaucracy and Patronage: the view from an eighteenth-century Russian Letter writer* // *The rich, the well born, and the powerful*. Urbana a. o.: University of Illinois press, 1973. P.154.

³⁴⁴ Марасинова Е. Н. *Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

³⁴⁵ Ransel D. L. *Bureaucracy and Patronage: the view from an eighteenth-century Russian Letter writer* // *The rich, the well born, and the powerful*. Urbana a. o.: University of Illinois press, 1973. P.161.

Насколько владение искусством придворного общения являлось значимым фактором карьерного успеха придворных кавалеров оценить довольно сложно. Можем только предполагать, что в части изученных биографий это играло роль по косвенным признакам, либо сохранившимся свидетельствам и отзывам современников о том или ином вельможе как о «тонком царедворце». Отнести к умелым и ловким придворным можно большинство получивших государственный вес и занимавших значимые посты, как по крайней мере не допускавших грубых ошибок. Но насколько именно умение быть ловким придворным было определяющей составляющей карьерного успеха оценить достоверно довольно непросто. К примеру, из выделенной нами в настоящем исследовании группы карьер тридцати шести придворных с наибольшим влиянием в той или иной области государственного управления (третья группа успешных карьер, описанная во второй главе настоящей диссертации), наберется не больше десяти человек, чье поведение при дворе либо охарактеризовано современниками как поведение «царедворца» (например, В. П. Мусин-Пушкин, П. В. Мятлев), либо мы можем предположить некоторые особенные навыки в области установления и поддержания хороших отношений и выгодных контактов с различными придворными партиями, позволявшие сохранять положение и при смене монархов (например, И. Г. Чернышев, сохранял хорошие отношения как с Большим двором, так и с двором наследника; К. Г. Разумовский сумел сохранить высокое положение даже после потери гетманства; А. П. Шувалов остался при дворе при перевороте 1762 года, затем сумел найти общий язык с Г. А. Потемкиным и упрочить свое положение; сохраняли хорошие отношения и Екатериной и с Павлом Петровичем Н.Б. Юсупов и Ю.А. Головкин, что позволило им продолжить карьеру при новом императоре; не раз выходил победителем из придворных интриг и глава дипломатии Н.И. Панин). При этом, в группе встречаются примеры и ведущих себя довольно независимо и не всегда удобно для императрицы и придворного общества высоких сановников, как А. Р. Воронцов и М. М. Щербатов. Впрочем, некоторое

условное «фрондерство» последних вряд ли выходило за рамки принятой при дворе формы поведения и обращения.

Таким образом, принимая во внимание успешные с точки зрения участия в государственном управлении карьеры кавалеров, не снискавших всеобщего признания в качестве ловких и умелых царедворцев, а также карьеры многолетних спутников дворцовой жизни императрицы, несомненно в тонкостях светского общения искушенных, но не имевших при этом никаких значительных управленческих постов, можно предположить, что владение в совершенстве искусством придворного поведения не являлось ключевым фактором, определявшим карьеру государственного чиновника. Несомненно, умение вести себя в обществе и избегать враждебных выпадов конкурентов давало преимущества (или же скорее помогало избегать провалов), но выбор императрицей вельмож для замещения важных постов государственного управления диктовался и иными факторами или их комбинациями (например, протекция влиятельных родственников вкупе с личными дарованиями – А. Р. Воронцов, близость к фавориту – А. Н. Самойлов, некоторая компетентность в определенной области – Н. Б. Юсупов).

ВЫВОД.

При исследовании императорского двора как особого института власти периода правления императрицы Екатерины II, помимо биографий и карьерных траекторий составлявших его лиц, немаловажным представляется учитывать и сложную для стороннего наблюдателя систему неформальных отношений, влиявших, а точнее лежавших в основе механизмов управления государством.

Высокая степень централизации системы правления, растущая вследствие этого бюрократизация в сочетании с недостатком администрирования и развитых государственных институтов – все эти черты российской государственности,

характерные для неё в изучаемом историческом периоде, предопределяли поиск эффективных решений управления на более традиционном и простом персонализированном уровне взаимодействия. Неформальные отношения, в первую очередь патрон-клиентские, формировали сложные системы обмена ресурсами, оказывавшие влияние на весь жизненный путь дворянства в целом и исследуемой группы придворных кавалеров в частности. Лежащие в основе идеи введения Табели о рангах скорее меритократические критерии отбора элиты в действительности в сочетании с различными видами протекции образовывали сложные механизмы рекрутирования, а иногда и полностью влиянием протекции нивелировались. Дворянство в большей степени приняло чиновную иерархию в качестве новой социальной и карьерной «рамки», чин приобрел высокую общественную ценность. Но механизмы социальной мобильности во многом опирались на неформальные отношения, личная преданность зачастую стоила больше личных дарований.

Факты протекции сложнее анализировать и учитывать, чем простые биографические данные, поскольку даже наиболее очевидное родственное протектирование могло принимать на разных этапах карьеры дворянина различные формы. К примеру, действовать не непосредственно через прошение влиятельного отца или дяди, а их «политических» союзников или служебные контакты. Тем не менее, в изучаемой группе кавалеров влияние именно родственных и свойственных связей в большинстве случаев представляется наиболее значимым в карьере вельмож. Факторы удачного брака или принадлежности к придворным партиям представляются производными от родственных отношений, иногда даже и очень отдаленных. Данное обстоятельство может объясняться потребностью в доверии как основы для выстраивания неформальных отношений. Родство или свойство давало необходимую психологическую привязку в понимании как оказывающих покровительство, так и ищущих его, пусть и не всегда оправдывало ожидания всех сторон в дальнейшем.

Патримониальный (или же матримониальный в изучаемом случае) характер системы власти как наиболее эффективный фактор карьерного успеха предполагает личную протекцию императрицы или её ближайшего окружения. В этом отношении императорский двор, как непосредственная среда жизни монарха, предоставлял наибольшее количество возможностей для служебного успеха, поскольку увеличивал частоту личного взаимодействия с монархом. Дальнейшее развитие карьеры во многом определялось персональными качествами кавалеров, среди которых по воспоминаниям современников на первый план выходили довольно специфические для изучаемой среды способности.

При русском императорском дворе преимущество давали качества и особое поведение вельмож во многом схожие с образом действий при европейских дворах раннего Нового времени, в частности прослеживается и описанная Н. Элиасом специфическая «придворная рациональность». Особенностью именно российского монаршего двора является скорее чиновная иерархия элиты, чем опирающаяся на титулы, что предопределяло смешение искусства придворного поведения с искусством выстраивания бюрократических отношений с непосредственным начальством.

Формировавшаяся во второй половине XVIII века интеллектуальная дворянская элита ставила все больше вопросов к сложившимся социальным практикам и механизмам построения карьеры, что порождало критические настроения среди даже наиболее высокопоставленных чиновников и поиск новых ценностных ориентиров вне чиновной иерархии. Данные умонастроения сказывались и на карьерных траекториях части кавалеров, но пока все ещё не вели к выраженной оппозиции существующей форме власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Императорский двор времени правления императрицы Екатерины II впервые подробно исследуется как институт власти в системе государственного управления второй половины XVIII века. Рассматривается его значение как инструмента имплементации личной власти монарха, части механизма контроля над элитами, основанной на ненасильственных методах и позволяющей через ряд символических действий и иерархию придворных чинов поощрять лояльность подданных путем присвоения или же лишения придворного звания и соответствующего ему политического и материального капитала, так и как арены для борьбы амбициозных подданных за успешную карьеру и влияние

Мы впервые создали и проанализировали коллективный портрет придворных кавалеров времени правления Екатерины II (247 персон, включая пожалованных ко двору в годы царствования императрицы, а также тех, кто пожалован ранее, но карьера какое-то время продолжалась и при Екатерине II), периода, когда императорский двор как сосредоточие власти и влияния был в зените своей славы. Методы просопографии, примененные в настоящем исследовании, позволили на примере пожалованного чинами высоких рангов дворянства екатерининского царствования рассмотреть принципы, механизмы и каналы рекрутирования государственной элиты.

Полученные на основании анализа специально разработанной просопографической базы данных выводы о происходивших социальных процессах в среде придворных Екатерины II показывают ценность применения математических методов исследования в исторической науке при изучении общественных и политических изменений. В настоящем исследовании с помощью математических методов социальные и биографические характеристики придворных, представлявших располагаемый государыней человеческий капитал для занятия в том числе высоких постов государственного управления, были собраны по различным историческим источникам воедино, их описание

стандартизировано и проведен количественный анализ с применением статистических методов, результаты которого были затем интерпретированы с учетом исторического контекста. Проведенный статистический анализ позволил структурировать коллективный портрет кавалеров императорского двора, подтвердить или опровергнуть эмпирически теоретические предположения об их происхождении, образовании, возрасте получения чинов и наиболее распространенных местах службы. Кроме того, в том числе математические методы позволили выявить наиболее успешные карьеры с опорой на иерархию чинов Табели о рангах, а также оценить влияние на успех или неудачу придворных биографических факторов.

Неформальные отношения придворных рассмотрены с привлечением теории патроната, что позволяет оценить место императорского двора в более широком контексте существовавших неофициальных практик реализации власти во время становления российской бюрократической системы, а именно степень влияния личных контактов, как правило базирующихся на родстве или свойстве, с особо приближенными к государыне особами на решение тех или иных рабочих, карьерных и финансовых вопросов заинтересованного дворянства. Покровительство сохраняло характерную для патримониальных систем власти доминирующую роль в процессе рекрутирования элиты, а императорский двор, как место наиболее близкое к официальному носителю власти, открывало особые возможности для амбициозного дворянства. Соперничество придворных партий умело использовалось императрицей для укрепления личной власти, поскольку переводило напряжение возможных спорных ситуаций на горизонтальный уровень взаимодействия между сановниками и позволяло выбирать между конкурирующими позициями придворных групп наиболее удобную и безопасную для власти Екатерины II. Патронажные отношения при дворе, как и в целом в государстве, предполагали взаимовыгодность «сотрудничества» патрона и клиента, давая последним шанс на карьерный успех, а первым возможность упрочить личное влияние через расстановку лояльных лиц на те или иные посты

управления. Впрочем, как показало исследование, в большинстве случаев, отношения патрон-клиент имели скорее сетевой характер со множеством возможных выгодных контактов и размытой личной преданностью, чем строго иерархический, вертикально-подчиненный.

Роль и значение императорского двора в механизме управления страной во многом определялись спецификой взаимоотношений российской элиты с монархом, являвшейся результатом происходившего в этой области исторического процесса. Формировавшийся в допетровскую эпоху принцип «привилегии за службу» нашел свое окончательное выражение, в том числе, в принятой в начале века Петром I Табели о рангах. В то же время предлагаемая новая социальная иерархия с опорой на положение в системе чинов Табели призвана была изменить принципы рекрутирования государственных служащих и приоткрыть доступ к высоким постам более широкому кругу шляхетства, нежели предполагали старые механизмы формирования и воспроизводства элиты, наиболее ярким выражением которых стало местничество. Примененные в настоящей работе методы просопографического анализа, позволившие получить как усредненный коллективный портрет представителя части государственной элиты, так и проследить его изменения в течении правления императрицы Екатерины II с точки зрения характеристик происхождения вельмож и социального положения семьи, дали возможность оценить и выразить количественно эффект от нововведений петровского правления в области формирования государственной элиты ко второй половине и концу XVIII века. Как показывает проведенное исследование, предпринятая с введением Табели попытка внедрения меритократических оснований отбора чиновников в действительности во многом нивелировалась сохраняющимся высоким значением положения семьи для дальнейшей карьеры и доминирующей ролью неформальных отношений в государственных институтах.

Созданный нами с опорой на разработанную просопографическую базу данных коллективный портрет придворного кавалера императорского двора Екатерины II позволил оценить биографические факторы карьерного успеха, а

также характеристики формировавшегося фактического принципа рекрутирования государственной элиты. Проведенный в ходе настоящего исследования анализ показал, что наиболее распространённым фактором пожалования придворным званием являлось происхождение из семьи дворянина, дослужившегося до чина высокого ранга. Прочие биографические характеристики, которые могли бы давать карьерное преимущество (в первую очередь образование), являлись в большинстве случаев производными от статусного и материального положения родственников. Пожалование детей, внуков, племянников ко двору указывает и на высокую роль протекции как механизма рекрутирования элиты. Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на введение новых принципов и оснований карьерного роста с принятием Табели о рангах, доступ в высшие наиболее влиятельные слои дворянства затруднялся стремлением элиты к самовоспроизводству. Вывод о сохранении влияния происхождения из влиятельной семьи на будущие карьерные перспективы молодых дворян не является новым в историографии. Однако, в ходе настоящего исследования удалось подтвердить данное положение с помощью тщательного анализа биографий четко обозначенной и репрезентативной части государственной элиты и выражения полученных данных через количественные показатели.

Тем не менее и при доминирующем принципе рекрутирования элиты по происхождению существовали и иные каналы продвижения к вершинам власти и попадания ко двору. Такие случаи также позволяет учесть проведенный с помощью методов просопографии анализ, охватывающий как общие тенденции, так и отклонения от них. Наиболее эффективными из указанных каналов, как показало исследование, являлись военная служба, а также статская служба в государственных учреждениях, предполагавшая определенный уровень образованности и компетентности (Коллегия иностранных дел, Кабинет), что может свидетельствовать о специфическом проявлении меритократических критериев отбора, сочетающихся с влиянием протекции и патронажа. Процент придворных из семей чиновников относительно невысоких классов несколько

возрастает во второй половине царствования, что также свидетельствует о некоторых изменениях в механизмах рекрутирования элиты.

Фактор личных отношений с императрицей как самый быстрый карьерный лифт для фаворита и членов его семьи следует отметить особо, но скорее как частный, не отражающий генеральную закономерность для изучаемой элитной группы и формирующейся бюрократии в целом, хотя, несомненно, довольно резонансный и значимый в восприятии современников. Стремительный рост в чинах любимца и, в некоторых случаях, его родственников объясняется желанием Екатерины II найти и воспитать талантливых государственных деятелей, на которых она могла бы опереться в своем правлении, действовать через них. Но поскольку таких случаев даже относительно рассматриваемой в исследовании выборки вельмож немного, данный карьерный лифт, на наш взгляд, следует рассматривать скорее, как исключительный, выходящий за рамки основных тенденций карьерного роста придворных.

Данные анализа карьерных траекторий придворных показывают стабилизацию схемы повышения в чинах на протяжении царствования, удлинение временных промежутков между пожалованиями, что соответствует происходившему закреплению автоматического повышения по выслуге лет, нивелировавшему учет личных достижений и эффективности работы чиновника. Вкупе с отменой обязательной службы для дворянского сословия и значительным влиянием протекции на каждом карьерном этапе, начиная от записи в военную службу совсем маленьких детей, отмеченная особенность роста в чинах свидетельствует скорее об обходе одного из принципов рекрутирования чиновников, заложенного с принятием Табели о рангах и предполагавшего учет личных заслуг при повышении в иерархии чинов, а также о фактическом сохранении более традиционных механизмов, основанных на сетях персональных контактов.

Большинство кавалеров пожаловано придворным чином в молодом возрасте до 30 лет, достигло более высоких чинов чем первый из придворных чин камер-

юнкера, занимало должности в различных государственных ведомствах. Все перечисленные особенности биографий позволяют говорить о значении императорского двора как своеобразного «кадрового резерва». Проведенный дополнительно сравнительный анализ карьер выпускников достаточно элитного Пажеского корпуса и карьер пожалованных ко двору кавалеров за один и тот же период времени на предмет наивысших полученных чинов также подтвердил вывод о том, что пожалование ко двору предопределяло более высокий итоговый класс чина вельмож. Последнее в изучаемом историческом контексте соответствовало более успешной карьере, более высокому социальному положению и потенциально большему политическому влиянию.

Метод оценки биографий на предмет сравнительной успешности службы с опорой на классовое ранжирование Табели о рангах был применён и ко всей изученной совокупности пожалованных придворным чином. Массив собранных данных позволил выявить удачные карьеры по временным показателям (относительно ранний возраст получения чина высокого ранга, относительно высокая скорость роста в чинах), а также по сумме занимаемых той или иной персоной должностей государственного управления. В последнем случае проведена в большей степени качественная оценка собранной и структурированной информации. Полученные выборки далее были исследованы на предмет значимых (в данном случае часто встречающихся) корреляций с прочими факторами биографий.

Анализ более успешных относительно общей совокупности карьерных траекторий кавалеров, выделенных по трем различным основаниям, показывает высокое значение происхождения во всех группах биографий, в особенности для группы наиболее ранних пожалований ко двору. Быстрый рост в чинах часто происходил благодаря удачному случаю (в этом отношении велико значение переворота 1762 г., а также попадания кавалера или родственника в фавор к императрице) или обуславливался повышением в чине при выходе в отставку, в значительно меньшем количестве биографий связан со служебными успехами

кавалеров. Среди персон, занимавших значимые посты и имевших возможность влияния на принятие решений в области управления, не так велико значение положения семьи, как в целом по выборке, но предположительно выше уровень образования. Следует также отметить, что за наиболее ранними пожалованиями придворным званием, происходившими, как правило, благодаря происхождению из семей высокопоставленных чиновников и родственным связям, отнюдь не следовал более быстрый относительно других кавалеров рост в чинах или занятие высоких государственных постов в дальнейшем. Указанные особенности позволяют предполагать, что отбор чиновников для высших государственных должностей включал учет их личных качеств, но базовым критерием попадания в кадровый резерв продолжало оставаться происхождение.

Отдельно следует отметить уже упомянутую значимую роль неформальных отношений, в частности патрон-клиентских, для построения успешных карьер. В сложившихся во второй половине XVIII века условиях осуществления государственной власти, характеризующихся недостатком администрирования, отсутствием развитых государственных институтов в сочетании с происходившей бюрократизацией управленческого аппарата, персональный уровень принятия решений во многом компенсировал неэффективность системы. В этих условиях неформальные отношения, в особенности патрон-клиентские, проникали во все сферы государственного управления и образовывали реальные условия службы и карьерного продвижения. Прочие биографические факторы приобретали вес и значение именно в связи с положением вельможи в сети межличностных контактов, ключевыми из которых были родственные, и по отношению к различным влиятельным сановникам и их «партиям». Особенно велико значение персональных связей в придворной борьбе за внимание монарха, потенциально сулившее повышение статуса, рост в чинах, улучшение материального положения. Контакты с сановными родственниками помогали дворянам развивать карьеру, быть представленными ко двору и попасть в поле зрения императрицы, лично принимавшей многие кадровые решения. Далее необходимо было учитывать

складывающуюся придворную диспозицию, поддерживать отношения с теми, кто набирал влияние и был в фаворе, избегать тех кавалеров, кто в скором времени рисковал растерять свой кредит, а также остерегаться интриг и самим интриговать только с высокой вероятностью успеха. Потенциальные выгоды от близкого контакта с императрицей и наиболее влиятельными её вельможами превращали императорский двор в арену состязания амбициозных дворян и придворных группировок, победа в которой зависела от тактики и стратегии специфического придворного поведения, со временем вызывавшего все больше порицания в среде образованной интеллектуальной элиты конца века.

Императорский двор как институт власти использовался равно как монархом, так и придворными. Борьба придворных «партий» учитывалась и успешно управлялась императрицей для укрепления самодержавия. Поощрение лояльности, осуществление власти через механизм позитивных санкций, включающих, помимо материального поощрения и пожалования высокими чинами, доступ в ближайшее окружение царицы и присвоение тем самым значимого политического капитала, позволяло Екатерине стимулировать желаемое поведение подданных. Амбициозное дворянство, в свою очередь, посредством двора могло достичь личного карьерного успеха и подняться на необходимую высоту в государственном управлении, чтобы оказывать значительное влияние на принятие государственных решений через систему патронажа, борьбу групп влияния, фаворитизм.

В процессе модернизации Российской империи и перехода к рационально-бюрократической модели XIX века двор являлся центром принятия и имплементации властных решений, общественного взаимодействия, местом, где формировалась как власть императрицы, так и государственной элиты. Впоследствии при царственных потомках государыни значение императорского двора как института власти будет во многом утеряно, центр принятия решений сместиться в сторону новых государственных органов. Настоящее исследование дало возможность с привлечением просопографических методов исторического исследования и математических методов обработки информации наиболее

подробно и комплексно рассмотреть персональный состав, биографические характеристики, социальные процессы, развитие карьер, роль в государственном управлении наиболее значимой части государственной элиты в период расцвета могущества императорского двора как властного института.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники.*Архивные источники:*

1. Российский государственный исторический архив (РГИА).
 - a) Ф. 469. Оп. 1. Д. 126;
 - b) Ф. 469. Оп. 14. Д. 7, 25-26.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
 - a) Ф. 489. Оп. 1. Д. 7152, 7134;
 - b) Ф. 490. Оп. 3. Д. 200, 199, 141, 204, 208, 210, 211;
 - c) Ф. 118. Оп. 1. Д. 156, 158;
 - d) Ф. 11. Оп. 6. Д. 124, 143;
 - e) Ф. 11. Оп. 1. Д. 119;
 - f) Ф. 107. Оп. 1. Д. 172.

Опубликованные источники:

3. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи ... [по годам]. СПб.: Инспекторский отдел собственной его императорского величества канцелярии, 1765-1767.
4. Архив князя Воронцова: [в 40 кн.]/ ред. П.И. Бартенев. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1870-1895.
5. Башилов А. А. Молодость Башилова (Записки о временах Екатерины II и Павла I) // Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов. СПб., 1873. Т 3. С. 1-32.
URL: <https://runivers.ru/bookreader/book460889/#page/1/mode/1up> (Дата обращения: 18.11.2015).
6. Безбородко А. А. Письма А. А. Безбородко к П. А. Румянцеву 1775-1793 гг. Санкт-Петербург: Б.и., 1900. 154 с.

7. Вигель Ф. Ф. Записки Филипа Филиповича Вигеля. М.: Университетская типография, 1892. Ч.3-5.
8. Воронцов А. Р. "... душевно к вам привязан": переписка графа Александра Воронцова и бригадира Алексея Дьяконова (1780-е годы). М.: Высшая школа экономики, 2022. 302 с
9. Всеобщий секретарь или новый и полный письмовник... М.: типография А. Решетникова, 1793. 220 с.
10. Голицын Ф. Н. Записки князя Федора Николаевича Голицына: [статья из «Русского архива», 1874, т.5, № 7]. М., 1874. С. 1271-1337.
URL: <https://runivers.ru/bookreader/book406225/#page/100/mode/1up> (дата обращения: 18.11.2025).
11. Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I: портреты, воспоминания и анекдоты. М.: Сфинкс, 1912. 455 с.
12. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце на 25-ом году от рождения моего...: В 2 т. [Мемуары]. Санкт-Петербург: Наука, 2004. 816,726 с.
13. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Кн. 1. № 4. С. 476.
14. Исторические рассказы и анекдоты о Екатерине II её сподвижниках и современниках // Русская старина. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1874. Т. 10. С. 772-786.
15. Камер-фурьерский церемониальный журнал. Петроград: Общий архив Министерства императорского двора, 1726-1916. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004869963?ysclid=mgo5vb81qm578828760> (дата обращения: 18.11.2025).
16. Карабанов П.Ф. Списки замечательных лиц русских, составленные П. Ф. Карабановым и дополненные князем П. В. Долгоруковым. М., 2000. 157 с.

17. Корберон, Мари Даниэль Бурре де. Интимный дневник шевалье де-Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. Санкт-Петербург: Ф.И. Булгаков, 1907. 204 с.
18. Краткие правила, способствующие к изучению сочинять разного рода письма с приобщением примеров из славнейших писателей / перевод с французского Н. И. Новикова. М., 1788. 115 с.
19. Лобанов-Ростовский А. Б. Исторические рассказы и анекдоты; Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв.: списки. М.: Изд-во Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ), 2012. 253 с.
20. Лорд Мальмсбюри (Гаррис) о России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1874.Т.1.
21. Мемуары гр. Головиной. Записки кн. Голицына / [Сост., предисл., подгот. текста, коммент. С. А. Никитина]. М.: Три века истории, 2000. 396 с.
22. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова. СПб.: Императорская академия наук, 1769–1804.
23. Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов. М.: типография Императорского Московского университета, 1765. 168 с.
24. Новооткрытые письма императрицы Екатерины Второй к барону Гримму. Русский архив. Историко-литературный сборник. Выпуск 9. М.:Типография Лебедева, 1878.
URL: <https://runivers.ru/bookreader/book406320/#page/35/mode/1up> (дата обращения: 18.11.2025).
25. Новый и полный письмовник или подробное и ясное наставление, как писать купеческие, канцелярские ... дружеские письма. Санкт-Петербург: типография Богдановича, 1791. 345 с.

26. Орловы. Письма братьев Орловых к графу Петру Александровичу Румянцову: 1764-1778 / изданы с предисловием и примечаниями Александра Барсукова. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1897, 92 с.
27. Панин Н. И. Доклад о управлении государством, поданный Екатерине II вскоре по восшествии ее на престол; Записка князя Михаила Никитича Волконского о необходимых улучшениях (1775). Лейпциг: Вольфганг Гергард, 1863. URL: [https:// elib.shpl.ru/ru/nodes/32140](https://elibrary.ru/nodes/32140) (дата обращения: 18.11.2025).
28. Панин Н. И. Переписка графа Н. И. Панина с графом А. Г. Орловым-Чесменским. 1770-1773 // Русский архив. М., 1880. Кн. 3. С. 229-260.
29. Письма русских писателей 18 века: Сборник / АН СССР, Институт русской литературы. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1980. 472 с.
30. Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1768. СПб.: Императорская академия наук, [1768].
31. Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1769. СПб.: Императорская академия наук, [1769].
32. Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1770. СПб.: Императорская академия наук, [1770].
33. Придворный календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1772. СПб.: Императорская академия наук, [1772].
34. Проект гр. Н. И. Панина о реформе Сената и создании Императорского Совета. 1762 г. URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13644> (дата обращения 18.11.2025).
35. Ростопчин Ф. В. Вести из России в Англию: двенадцать писем графа Ф. В. Ростопчина к графу С. Р. Воронцову. 1791-1794 // Русский архив. Историко-литературный сборник. Выпуск 1. М.: Типография В. Грачева и Ко 1876. С. 81-122.

36. Сегюр Луи Филипп. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785-1789). Санкт-Петербург: Типография Майкова, 1865. 386 с.
37. Сокольский И. Кабинетский и купеческий секретарь, напечатанный вместе в одной книге в пользу желающих научиться письменному слогу во всяком роде, или Собрание наилучших и употребительнейших писем...: ч. 1 и 2. М., 1788. 320,62с.
38. Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный по повелению Военного министра из Архива Государственной военной коллегии 1809 года. [СПб., 1809]. 129 с.
39. Список находящимся в гражданской службе во всех присутственных местах, с показанием каждого вступления в службу и в настоящий чин. На... [1766-1773] г. - СПб.: при Сенате, [1773]. 279 с.
40. Список состоящим в статской службе чинам [первых восьми классов]. На... [1773, 1775-1780, 1783-1784, 1786, 1788, 1790-1797] г. СПб.: Сенатская тип., 1772-1797.
41. Труды и Дни Александра Даниловича Меншикова: повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716-1720, 1726-1727 гг. М.: Российский архив, 2004. 646 с.
42. Щербатов М. М. Переписка князя М. М. Щербатова. М.: Дрвлекранилище, 2011. 527 с.

Исследования.

Монографии:

43. Агеева О. Г. Императорский двор России. 1700-1796. М.: Наука, 2008. 379 с.
44. Агеева О. Г. Императорский двор России эпохи Павла I. М.: Фонд «Связь Эпох», 2018. 439 с.
45. Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле М.: [и др.]: Питер, 2008. 458 с.

46. Анисимов Е. В. Императорская Россия: [от Петра Великого до Николая II]. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 639 с.
47. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 317 с.
48. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Московский философский фонд, 1995. 322 с.
49. Бирюков С. В. Клиентела как модель политического порядка и политических изменений. М.: ТЕИС, 2009. 111 с.
50. Бурдые П. Практический смысл. М., Санкт-Петербург: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 2001. 562 с.
51. Бурдые П. Социология социального Пространства. Санкт-Петербург: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 2005. 288 с.;
52. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
53. Волосюк О. В. Испания и российская дипломатия в XVIII веке. М.: Издательство Российского университета дружбы народов (РУДН), 1997. 1981 с.
54. Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М.: Международные отношения, 1989. 172 с.
55. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.
56. Елисеева О. И. Григорий Потемкин. М.: Молодая гвардия, 2016. 662 с.
57. Елисеева О. И. Дашкова. Академик Екатерины Великой. М.: Вече, 2013. 350 с.
58. Елисеева О. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2010. 633 с.
59. Елисеева О. И. Екатерина Великая: тайная жизнь императрицы. М.: Вече, 2014. 222 с.

60. Зимин И. В. Люди Зимнего дворца: монаршие особы, их фавориты и слуги. М.: Центрполиграф, 2014. 717 с.
61. Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. М., 1964. 352с.
62. Истер Дж. М. Советское государственное строительство: система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд "Президентский центр Б. Н. Ельцина", 2010. 254 с.
63. Кабанов В. В. Орловы: историческая хроника. М.: Плюс, 1997. 128 с.
64. Каменский А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М.: Знание, 1997. 287 с.
65. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 1999. 575 с.
66. Каменский А. Б. "Под сению Екатерины ": вторая половина XVIII в. Санкт-Петербург: Лениздат, 1992. 448 с.
67. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М, 1991. 125 с.
68. Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине второй. М., 1802
69. Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.). М.: Мысль, 1985. 277с.
70. Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Древлехранилище, 2001. 459 с.
71. Кондаков Ю. Е. Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин: монография. СПб.: ЭлекСис, 2014. 284 с.
72. Кошелева А. В. Российская элита: генезис, структура, особенности (социокультурный анализ). М.: Спутник+, 2005. 345 с.
73. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 381 с.
74. Курукин И. В. Бирон. М.: Молодая гвардия, 2014. 428 с.
75. Курукин И. В. Джокеры Екатерины Великой. М.: Молодая гвардия, 2024. 411 с.

76. Курукин И. В. Последний фаворит. Платон Зубов. Санкт-Петербург: Наука, 2022. 447 с.
77. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 348 с.
78. Мадариага Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой: [Пер. с англ.]. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 973 с.
79. Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 299 с.
80. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 томах. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2023. 892+907+989 с.
81. Омельченко О. А. "Законная монархия" Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.
82. Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. 495 с.
83. Пайпс Р. Россия - тысяча лет одиночества: [сборник] / Пайпс Р., Тойнби А. Д., Фукуяма Ф., Хантингтон С. Ф. М.: Родина, 2020. 302 с.
84. Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Молодая гвардия, 2003. 873 с.
85. Платонов С. Ф. Из бытовой истории петровской эпохи. Л., 1926. 24 с.
86. Полушкин Л. П. Братья Орловы. 1762-1820. М.: Центрполиграф, 2007. 508 с.
87. Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII в. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/zametki/po-russkoj-istorii-xviii.htm> (дата обращения: 18.11.2025).
88. Седов П. В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. 603 с.
89. Фаизова И. В. "Манифест о вольности" и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. 221 с.

90. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности: [Сборник] М.: Магистериум-Касталь, 1996. 446 с.
91. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. 271 с.
92. Хомяков А. С. О старом и новом: статьи и очерки. М.: Современник, 1988. 461 с.
93. Хотеев В. Ф. Первый министр народного просвещения Российской империи Пётр Васильевич Завадовский. М.: Изд-во Московского Центра вальдорфской педагогики, 1998. 465 с.
94. Чаадаев П. Я. Философические письма // Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: «Наука», 1991. 768 с.
95. Чайковская О. Г. Екатерина Великая: "Золотой век" Российской Империи [биография Императрицы]. М.: Яуза, Эксмо, 2012. 412 с.
96. Элиас Н. Придворное общество: исследование по социологии короля и придворной аристократии. с введением: Социология и история М.: Языки славянской культуры, 2002. 366 с.
97. Dixon Simon M. The modernisation of Russia, 1676-1825. Cambridge: Cambridge university press, 1999. 267 p.
98. Duindam J. F. J. Royal courts in dynastic states and empires: A global perspective / Eds. Jeroen Duindam, Tülay Artan, Metin Kunt. Leiden-Boston: Brill, 2011. 460 p.
99. Duindam J. F. J. Vienna and Versailles: The courts of Europe's dynastic rivals, 1550-1780. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 349 p.
100. Hartley Janet M. A social history of the Russian empire, 1650-1825. London: Longman, 1999. 312 p.
101. Rancel D. L. The politics of Catherinian Russia. The Panin party. New Haven - London: Yale University Press, 1975. 327 p.

102. Starkey D. The English Court from the Wars of the Roses to the English Civil War. London: Longman & Co., 1987. 272 p.
103. The princely courts of Europe: Ritual, politics and culture under the Ancien Regime, 1500-1750 // Ed. by Adamson John / London: Seven dials, 2000. 352 p.
104. Yaney G. L. The systematization of Russian government. Urbana, a. o.: University of Illinois press, 1973. 430 p.

Статьи:

105. Агеева О. Г. Придворная служба при императорском дворе России XVIII века: обер церемониймейстеры и церемониальная часть // Проблемы социальной и политической истории России: сборник научных статей (по материалам конференции, декабрь 2007 г., Москва). М., 2009. С. 140-150.
106. Ашин Г. К. Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность, 1998. № 3. С. 85 - 96.
107. Бекасова А. В. "Фарос молодых вельмож": И. И. Шувалов и образовательные путешествия российских дворян // Философский век. Иван Иванович Шувалов (1727-1797): просвещенная личность в российской истории: [По итогам науч. конф., 23-26 июня 1997 г.]. 1998. №8. С. 24-33.
108. Белькова А. А. Исторический институционализм - новое направление в исторических исследованиях // Вестник БГУ. 2014. №7. С. 117 – 121.
109. Берелович В. Я. Образовательные стратегии русских аристократов. Воспитание сирот Голицыных (1782 - 1790) // Европейское Просвещение и цивилизация России: [Международный сборник]. М.: Наука, 2004. С. 318-239.
110. Бодров С. Возникновение и развитие кадетского образования в закрытых учебных заведениях России первой половины XVIII века // Истоки. 2006. №4. С. 6-11.
111. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. № 3. С. 60-74.
112. Володьков О. П. Фаворитизм в России XVIII в. // Выдающиеся государственные деятели России XVIII – XX вв. Омск, 1996. С. 47-64.

113. Данилевский И. Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Рос. истории: Учеб. пособие для студентов вузов / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева; М.: РГГУ, 2000. С. 399 – 407.
114. Дука А. В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // ЖССА. 2008. №1. С.50-70.
115. Елисеева О. И. Е. Р. Дашкова и Г. А. Потемкин (внешнеполитические аспекты придворной жизни)// Е. Р. Дашкова и ее время. Исследования и материалы: (Сборник). М., 1999. С. 45-65.
116. Ермакова О. К. Терминологические аспекты дискуссии о неформальных связях в государствах Европы Нового времени (на примере современной англо- и франкоязычной историографии) // Вестник ННГУ. 2021. №2. С. 23-39.
117. Захаров А. В. «Государев двор» и «царедворцы» Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682-1750 гг.). М.: РОССПЭН, 2013. С 10-44.
118. Захаров А. В. Комнатные стольники Петра I: реконструкция состава и просопографическое исследование // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2018. №2. С. 85 - 99.
119. Киселев М. А. Проблема дворянского образования в публицистике и правительственной политике Российской империи на рубеже 1750-х и 1760-х годов // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII-XIX века: [сборник]. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 152-180.
120. Клюкова К. А. Придворные церемонии Российской империи: практика организации // Известия Смоленского государственного университета: Ежеквартальный журнал. 2010. №3. С. 226-235.
121. Кром М. М. Патронат и клиента в Московском государстве XVI-XVII вв.: Историография и проблематика // Вестник ВолГУ. 2021. Т.26. №4. С. 66 – 78.

122. Кром М. М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. 2001. № 4. С. 370 – 397.
123. Курукин И. В. Артемий Волынский и его клиенты // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682- 1750): [сборник статей]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С 225-233.
124. Курукин И. В. "Вскоре тех ведомостей сочинить невозможно": Административная повседневность провинции в эпоху "бироновщины" // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 6. С 35-46.
125. Курукин И. В. Опыт административной истории России "эпохи дворцовых переворотов" // Архив русской истории: сборник Российского государственного архива древних актов. М., 2007. Выпуск 8. С. 198 - 249.
126. Курукин И. В. Платон Зубов - "министр всех частей правления": фаворитизм на исходе XVIII столетия // Quaestio Rossica. 2015. №3. С. 200-226.
127. Курукин И. В. Русский императорский двор: распределитель благ и "милостей" в системе послепетровской монархии XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к международной научной конференции, Москва, 21-22 ноября 2019 г. 2019. С 616-619.
128. Лабутина Т. Л. «Вестернизация» политической элиты России в XVIII веке // Россия, Запад, Восток во всемирной истории: сборник научных трудов. Рязань, 2003. С. 62-72.
129. Лаптева Юлия Владимировна Проект фундаментальных законов Н. И. Панина - Д. И. Фонвизина как проявление дворянской оппозиционности во второй половине XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. 2011. Вып.4. № 9. С. 19-24.

130. Мамычев А. Ю., Уханов А. Д. Социокультурное измерение институциональных и функциональных характеристик публично-властных отношений // Территория новых возможностей. 2017. №3. С. 144 -155.
131. Марасинова Е. Н. Бюрократия и власть в Российской империи (XVIII - начало XX в.): постановка проблемы // Психологические свойства современного исторического знания: Материалы II международного рабочего семинара по исторической психологии, 8 февраля 2003. Краснодар, 2003. С. 120 - 134.
132. Марасинова Е. Н. Манифест о вольности дворянства: к вопросу о механизмах социального контроля // Е. Р. Дашкова и золотой век Екатерины: [по материалам докладов XI Международных Дашковских чтений, март 2005 г.: сборник]. М., 2006. С. 84-108.
133. Марасинова Е. Н. "Могу быть подданным, даже рабом, - но холопом не буду и у царя небесного": Власть и личность в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 2016. N. 5. С. 228-244.
134. Марасинова Е. Н. Образ императора в сознании элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам эпистолярных источников) // Царь и царство в русском общественном сознании: сборник статей. М., 1999. С. 141-177.
135. Марасинова Е. Н. Социальная психология российского дворянства. (По материалам эпистолярных источников второй половины XVIII века) // Сословия и государственная власть в России, XV - середина XIX вв.: Международная конференция-Чтения памяти академика Л.В. Черепнина, 13-16 июня 1994 г. Ч.1. М., 1994. С. 319-327.
136. Мельников К. В. Клиентелизм как определяющая черта неопатримониальных режимов // Вопросы управления. 2017. №1 (44). С. 71-78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientelizm-kak-opredelyayuschaya-cherta-neopatrimonialnyh-rezhimov> (дата обращения: 18.11.2025).
137. Меркулов А. В. Политическая элита в системе властных отношений: теоретический подход // Вестник ПАГС. 2017. №6. С. 119-123.

138. Мигунова Т. Л. Реализация губернской реформы Екатерины Великой: финансы и штаты // Вопросы истории и права: межвузовский сборник научных трудов. Арзамас, 2002. С. 87-98.
139. Мусиенко И. М. Проблемы развития элитологии в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-elitologii-v-rossii> (дата обращения: 18.11.2025).
140. Оболонский А. В. Табель о рангах как зеркало российской бюрократии // Открытая политика: Журнал российской политической жизни. 1997. №5. С. 96-104.
141. Очирова В. М. Понятие «Политическая элита» в контексте научного знания // Вестник ЗабГУ. 2010. № 6. С. 62-73.
142. Павлов А. П. Государев двор и формирование русской правящей элиты во второй половине XVI века // *Modernizacja struktur wladzy w warunkach opoznienia. Europa Srodkowa i Wschodnia na przelomie sredniowiecza i czasow nowozytnych.* Warszawa: DiG, 1999. С. 93 - 107.
143. Парсонс Т. О. понятия «политическая власть» // Политология: хрестоматия. М.: Гардарики, 2000. С. 239-247.
144. Пархоменко Е. О. Модели фаворитизма в России XVIII в. // Сборник материалов по итогам научно-исследовательской деятельности молодых ученых в области гуманитарных, естественных и технических наук в 2004 году. М.: Прометей, 2005. С. 25-29.
145. Патронат и клиента в истории России: (материалы "круглого стола") // Источник. Историк. История. Выпуск 4: Новая политическая история / ответственный редактор М.М. Кром. Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. С. 255-287.
146. Пек Л. Л. «Для короля не проявлять щедрость было бы ошибкой»: взгляд на патронаж при дворе первых Стюартов в Англии // Патрон-клиентские

- отношения в истории и современности: хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2016. С. 149-184.
147. Петрова М. С. Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя) // *Quaestio Rossica*: научное издание. Екатеринбург, 2022. Vol. 10. № 3. С. 939 - 954.
148. Польской С. В. Двор и «придворное общество» в послепетровской России // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. М.: РОСПЭН, 2013. С. 320-367.
149. Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII вв.: Попытки сравнительного подхода к проблеме // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период*. Самара: Изд-во "Самарский университет", 2000. С. 48 - 79.
150. Ржеуцкий В. Pro et contra: идеал воспитания высшего дворянства в России (вторая половина XVIII - начало XIX в. // *Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII-XIX века: [сборник]*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 208-242.
151. Салгириев А. Р. Теоретические модели изучения политических элит // *Теория и практика общественного развития*. 2012. №5. С.221. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-modeli-izucheniya-politicheskikh-ELIT> (дата обращения: 18.11.2025).
152. Седов П. В. Боярские «хлебояжцы» и свойственники // *Времена и судьбы: сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха*. СПб.: Европейский Дом, 2006. С. 133–142.
153. Семенова Л. Н. Общественные развлечения в Петербурге в первой половине XVIII в. // *Старый Петербург: Историко-этнографические исследования*. Л., 1982. С. 147-163.
154. Стегний П. В. Коллегия иностранных дел в период правления Екатерины II // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2002. №. 1. С. 5-28.

- 155.Троицкий С. М. Из истории создания Табели о рангах // История СССР. 1974. №1. С. 98-111.
- 156.Троицкий С. М. Социальный состав и численность бюрократии России в середине XVIII в. // Исторические записки. М., 1972. Т. 89. С. 295-296.
- 157.Федюкин И. И. "От обоих истинное шляхетство": Сухопутный шляхетный кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731 – 1762 // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII-XIX века: [сборник]. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 245-273.
- 158.Черников С. В. Военная элита России 1700 - 1725 гг.: меритократические и аристократические тенденции в кадровой политике Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682- 1750): [сборник статей]. М.: РОССПЭН, 2013. С. 45-62.
- 159.Чирикова А. Е. О понятии «Элита»: есть ли выход из тупика определений? // Управленческое консультирование. 2011. №1. С. 78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-elita-est-li-vyehod-iz-tupika-opredeleniy> (дата обращения: 18.11.2025).
- 160.Чудинов А. В. Французские гувернеры в России конца XVIII в.: Стереотипы и реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России: [Международный сборник]. М.: Наука, 2004. С. 330-340.
- 161.Шанская Т. А. Миф просвещения и идеи частного образования в России XVIII века // Диалог со временем. 2003. №10. С. 137-163.
- 162.Шепелев Л. Е. Придворные чины и звания в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований / Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. 8. Л., 1976. С. 150-164.
- 163.Шилов Д. Н. История создания «Русского биографического словаря» // Азбучный указатель имён русских деятелей для Русского биографического словаря. М., 2003. Ч. 2. С. 917—937.
- 164.Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022.

№1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prosopografiya-k-voprosu-o-periodizatsii-primeneniya-metoda-v-istoricheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 18.11.2025).

165.Orlovsky D. T. Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective // Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia. London: George Allen & Unwin, 1983.

166.Ransel D. L. Bureaucracy and Patronage: the view from an eighteenth-century Russian Letter writer// The rich, the well born, and the powerful. Urbana a. o.: University of Illinois press, 1973. С. 154-178.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

167.Евстратов А. Г. Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-х - начале 1770-х годов: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. М., 2009. 296 с.

168.Козлова А. А. Отношение элиты российского дворянства к государственной службе в период правления Екатерины II: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2007. 201 с.

169.Попов В. А. Системно- теоретическая проблематика власти в социологии Т. Парсонса, Н. Лумана и Р. Мюнха: автореф. дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.01. М., 2008. 25 с.

170.Рогожина К. А. Клиентелизм в рекрутировании политических элит в Российской Федерации и постсоветских государствах Центральной Азии: автореф. дис. ...кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2010. 29 с.

Справочная литература:

171.Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М.: Кучково поле, 2013. 328 с.

172.Приходько М. А. Сборник материалов по истории учреждений придворного управления России IX-XIX вв. М., 2017. 191 с.

- 173.Русский биографический словарь: в 25 т./ изданный под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. Санкт-Петербург: Императорское Русское историческое общество, 1896-1913.
- 174.Русский биографический словарь/ Русское историческое общество: под ред. Б. Л. Модзалевского. Петроград: типография акционерного общества «Кадима», 1918.
- 175.Русский биографический словарь. М.: Аспект Пресс, 1991-2003.
- 176.Русские портреты XVIII и XIX столетий. Издание Великого князя Николая Михайловича: в 5 т. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1905-1909.
URL:https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003526096/?ysclid=m6zdmsthv7188092074&volumes=page-1 (дата обращения: 18.11.2025).
- 177.Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764-1795): [Список по Месяцословам: Справочник-указатель] / Составитель В. П. Степанов. Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. 828 с.
- 178.Столетие Военного министерства, 1802-1902. [Т. 2]. Императорская главная квартира. История государевой свиты. [Кн. 1] Восемнадцатый век. СПб: Типография Н. П. Собко, 1902. 608 с.
- 179.Федорченко В. И. Двор российских императоров: Энциклопедия биографий. М.: Минувшее, 2004. 839 с.
- 180.Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 томах (82 основных и 4 дополнительных). Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1890-1907.